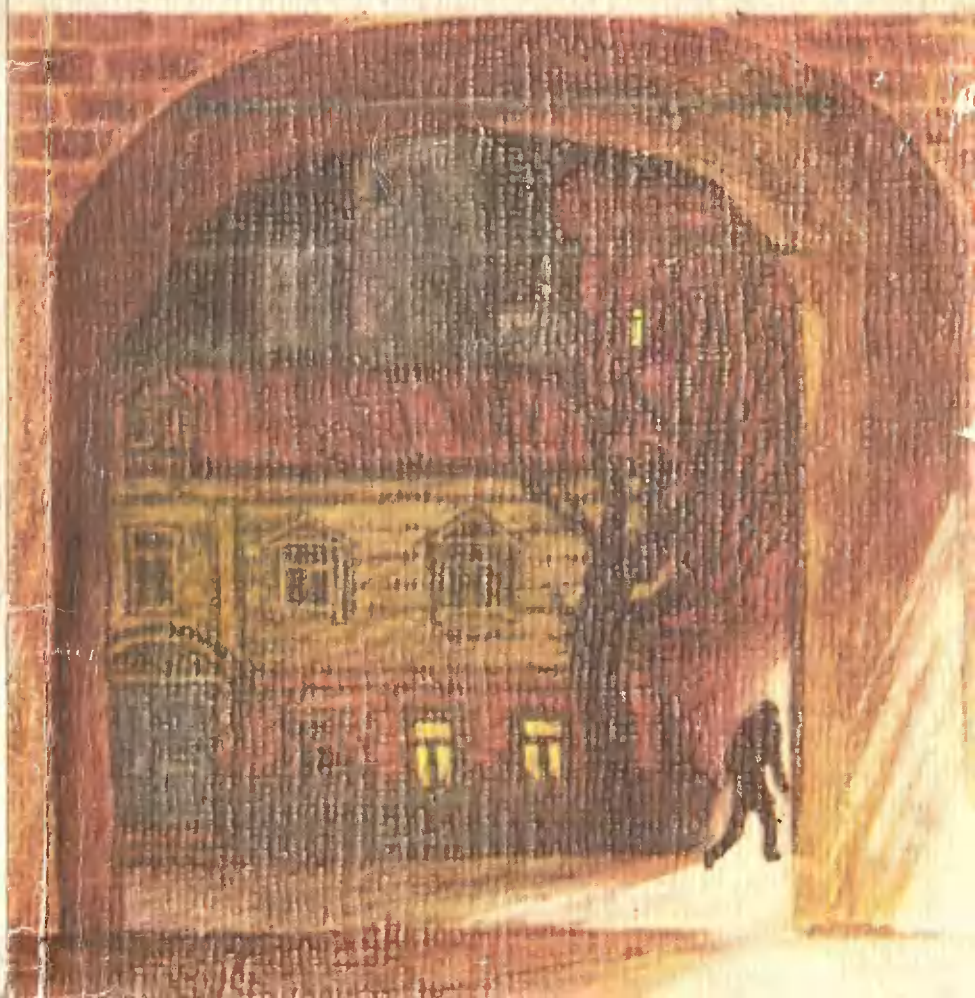

Николай АЛЕКСАНДРОВ
**МЫ
ИЗ РОЗЫСКА...**

Николай АЛЕКСАНДРОВ

**МЫ
ИЗ РОЗЫСКА...**

ПОВЕСТИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1989

ББК 84Р7
А 46

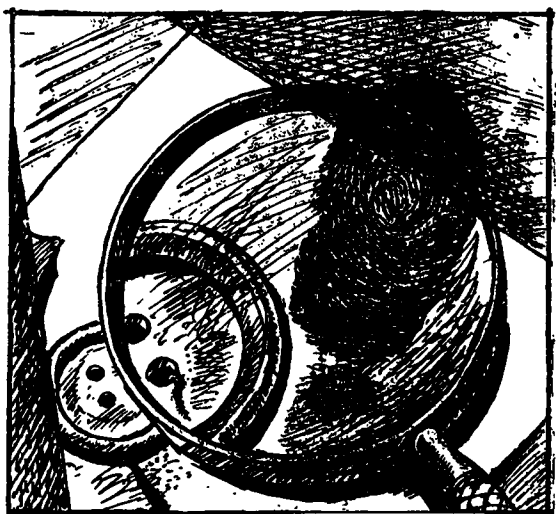
А $\frac{4702010201-102}{078(02)-89}$ 174-89

ISBN 5-235-00516-3

© Издательство
«Молодая гвардия»,
1989 г.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕН...

ПОВЕСТЬ В РАССКАЗАХ

ОБРАТНЫЙ СЛЕД

— Что читаете, товарищ капитан? Наверное, детективчиком разжились втихую. Толстая книженция — на сутки дежурства хватит...

— Да, нет — это методичка по трасологии.

— А-а-а... Я думал, про сыщиков.

— Не надоело про самого себя читать? В жизни детективов недостает?..

Из разговора в коридоре

Увеличения явно не хватало. Да и пуговица коричневого цвета, которую можно увидеть у каждого второго на пальто или плаще, вела себя беспокойно. Направишь на нее под пужным углом свет, наведешь увеличительное стекло, а она то повернется, то поедет куда-то по гладкой поверхности стола. Можно подумать, что заводная. А когда все совпало: и свет светил как надо, и пуговица успокоилась, не хватило увеличения. Мала оказалась кратность лупы...

Сама-то пуговица большая, ее и так прекрасно видно, но вот в ее дырочках, кроме обрывков ниток, застряло что-то такое! Какие-то ворсинки разноцветные. Ворсинки — это замечательно! Отлично! Прекрасно! Ворсинки — это очень интересно, это визитная карточка бывшего владельца пуговицы.

Константин положил лупу на краешек стола. «В данном случае воспользуемся микроскопом, — решил он. — Интересные ниточки. Цветные: желтые, зеленые... Вот бы взять интервью у того, кто ходит в том пальто... Нет, не руку пожать. Без этого мы как-нибудь обойдемся... Просто так познакомиться, поговорить... Очень интересно, почему он на верхних этажах квартиры выбирает и почему пуговицы плохо пришивает...»

В свои тридцать семь старший эксперт Константин Никитич Снегирев дослужился только до капитана. Можно ли было назвать его неудачником? Вряд ли. По крайней мере сам себя он таковым не считал. Ему нравилась его работа, необычная и неповторимая. Каждый день выдвигающая новые задачи, ставящая проблемы, которые не кто иной, а именно он обязан решить. Работа, требующая аккуратности и точности, граничащей с педантизмом.

...Резко зазвонил телефон прямой связи с оперативной частью.

— Слушаю, эксперт Снегирев.

— Здравствуй, Константин! — пророкотала трубка голосом ответственного по управлению. — Ты сегодня дежуришь со мной? Готовься на выезд. Следовательно и опер на подходе. Три минуты на сборы... Лады?

С утра было относительно тепло, но к полудню на внешней стороне оконного стекла появились диагональные потеки

косого дождя. Ветер срывал и бросал на мостовую желтые листья.

Провожая сегодня Константина на службу, жена сказала: — Ты бы носки шерстяные надел, а то...

— Света, никаких «а то...», в конце сентября минус сорок в Москве не бывает.

Теплые, ручной вязки носки, присланные в прошлом году тещей из деревни, остались дома. Теперь досаду не досаду...

У машины ожидал Саша Корсаков, следователь. Нахлобучив модную широкополую шляпу, подняв воротник плаща, он курил и с нетерпением поглядывал на подъезд.

«Раз курит на улице, собака уже в машине, — подумал Константин, — сейчас поедем».

— Здравствуй, Александр, туда направляемся?

— Салют, наука... Заонежская, шестнадцать. Двенадцатизэтажка, башня... Кража вроде бы заявлена. Соседняя квартира звонила. Дверь сломали в сорок второй, звонили из сорок четвертой...

— Сыщиком у нас кто сегодня?

— Дмитрий Иванович. Идет сейчас...

— А я от пуговки еле оторвался, честно говоря. Интересная, знаешь, пуговка, многообещающая...

— Та самая? Со Спартакиадной, тринадцать?

— Она. Никак не могу добиться от нее исповеди... Вот исповедуется, тогда перед нами откроются новые горизонты. Может, даже с товарищем полковником за руку подержимся.

— Неужели напал на след? Костя, не томи душу...

— Не терпится, Саша, с руководством рукопожатием обменяться?

Дмитрий Иванович Алексеев, оперативный уполномоченный уголовного розыска, энергичный, сухощавый, спускался по лестнице. На вид ему за сорок. Острые на язык девушки из секретариата называли его стариком, не думая, что, добравшись до такого же возраста через быстро пробегающие годы, будут по-прежнему считать себя молодыми. Для двадцатипятилетних максималисток «настоящим» мужчина был до тридцати.

— Павел Михайлович, — крикнул Алексеев в окошко дежурного, — я на четырнадцать гражданку вызвал — Полякову. Извинись за меня, пожалуйста, и пусть подождет. Если нет, то жду к шести. Ладно? — И уверенно сел на переднее сиденье.

Осенний дождичек мелко сек ветровое стекло, за которым пробегали размытые очертания хорошо знакомых улиц и переулков.

У подъезда двенадцатизэтажного дома сиротливо притулились тоненькие березки, осыпающие под ветром и дождем свою листву. Тяжелые, напитанные влагой желтые листья,

сорванные порывом сильного ветра, летели на мостовую, на крашенные лавочки...

Загородив собой дверь в подъезд, их встретил участковый Руденко. Крупный, громоздкий, как старинный шкаф, он шевелил обвислыми усами, таращил глаза из-под мокрой фуражки с потускневшей от времени кокардой.

— Здоровеньки, хлопцы. Приехали?

«Ну, он как всегда, — подумал Константин, — мешает русские слова с украинскими... Словесный коктейль...»

— Ждали — не гадали, а побачились. Давно тут? — слегка передразнивая участкового, спросил Дмитрий Иванович. — Ну, где у тебя огрехи, показывай, Михаил Иванович.

— Тут такэ дило, товарищ майор, — обратился Руденко к оперуполномоченному как к старшему по званию. — Я тут кое-что разузнал... Дело такое — квартира сорок вторая, расположена на седьмом этаже. Хозяйка квартиры Феофанова, живет одна, в овощном работает... Еще не приходила. На работу ей позвонили. Я сюда с опорного пункта минут через семь пришел после звонка дежурного. Сразу же подъезд заблокировал. Выходили только жильцы с дому, — он полистал блокнотик, — из семидесятой Иваницкий, пенсионер, да дивчина из девятнадцатой... Как ее? Сиренкова Лариса...

— Незнакомые были кто?

— Ни, никого не було. На лестнице соседка за квартирой приглядывает.

— Спасибо, Михаил Иванович. Пошли, ребята. Остановимся этажом ниже, — мягко, но достаточно властно напомнил следователь о дарованном ему процессуальным кодексом праве руководства оперативной группой. — Первой работает собака. Потом как эксперт скажет. Давай, Валера, начинайте с Грæем. Да, чуть не забыл... Дмитрий Иванович, понятых на себя не возьмешь?

— Хорошо, сейчас поищем.

Константин, с облегчением освободившись от двенадцатикилограммовой ноши, поставил на ступеньку лестницы оперативный чемодан.

Щелкнул пробный спуск фотоаппарата. Яркая вспышка осветила все шербинки на стене, окурки на лестнице, намазанную неумелой рукой, еще не очень твердой в грамматике, формулу, которая сводилась к наипростейшему арифметическому действию.

В носу нестерпимо защекотало. Снегирев чихнул. «А носки бы не помешали, — зябко поежился он, — сыровато».

Вниз по лестнице на выход проскочил Грэй, влекущий за собой кинолога. Запахло собачьей шерстью.

— Я в принципе готов, — доложил Константин следователю, поправляя указательным пальцем сползшие очки.

— Одну минутку... — следователь знаком остановил эксперта. — Ну что, Валера? — окликнул он кинолога.

— Вроде бы есть след... — донеслось снизу.

— Пошли, Костя, дело за наукой...

Дверь в квартиру выбита. Из нее, ошетилившись, торчали шурупы. Упав внутрь квартиры, дверь в поисках опоры с размаха «облокотилась» на тумбочку с телефоном. Тумбочка выдержала, а телефон разлетелся вдребезги, засыпав пол осколками зеленоватой пластмассы. На шнуре-спирали свисала совершенно целая трубка. Не соглашаясь с постигшей аппарат участью, она продолжала жить. Прихожая от пола до потолка наполнялась частыми гудками. В напряженной тишине они казались необычайно громкими и неуместными.

Константин снял пальто, разматал шарф и аккуратно, насколько это можно сделать в подобных условиях, расположил их на ручке соседней квартиры. Пусть пока повисят...

Он приступил к работе, а мысли сами возвращались к прерванному исследованию. Оставленная пуговица не давала покоя...

«А вдруг именно она объединит последние квартирные кражи? Объединит по почерку. Маловероятно, конечно, но возможно... Хорошенькая такая пуговка, кругленькая. В середине четыре дырочки, из них нитки торчат. Черные... А к ниткам прикрепились волокна от пальто... Или от плаща. Маленькие обрывочки, под лупой их и не разглядеть толком, а под микроскопом в проходящем свете видно отлично. Как светофор — красные, желтые, зеленые... Редкий наборчик, если учесть, что красная ворсинка шерстяная, а две другие — синтетика... Присоединить бы и следы от тех гвоздиков на подошве... Да, это было бы здорово! Хотя нет... Маловероятно, что смогу объединить эти кражи, — там, где была пуговка, следов обуви не обнаружено, а там, где появились отпечатки каблучков с гвоздиками, причем один без шляпки, не было пуговиц... Да что это я? Что он, совсем дурак, на каждой краже пуговицы оставлять... Случайно одна оторвалась — и то спасибо. Сколько она интересного рассказала. Хотя бы эти крохотные шерстинки и ворсиночки из синтетики. Как они заиграли при шестидесятикратном увеличении, какие на шерстинке видны чешуйки... Отлично видно. Теперь можно говорить о цвете плаща, предположительно, конечно, о его процентном составе — сколько шерсти, а сколько синтетики... Ты еще станешь у меня разговорчивая, — почти ласково подумал он о пуговице. — А с гвоздиками мы еще встретимся где-нибудь, обязательно встретимся...»

Закончив фотосъемку, Снегирев снова вышел на лестничную площадку.

— Проходите, товарищи, — позвал он собравшихся. У дверей Константин увидел Дмитрия Ивановича и следователя, беседующих с соседкой. Рядом стояли женщина в оранжевой робе, натянутой на ватник, и переступающий с ноги на ногу легко одетый парнишка с авоськой в руке. Из сетки торчал батон хлеба и пакет молока.

«Видимо, у магазина понятий нашел, — сообразил Кон-

стаптин. — Парнишка выбежал, наверное, на минутку. От Димы в таких случаях не уйдешь. Упросит, убедит, скажет, что дел всего ничего. А тут, честно говоря, хорошо бы за час справиться. Главное, вовремя сказать, что в суд вызывать не будут. Посмотреть, расписаться — вот и вся функция. А то черта с два кого пригласишь, осторожный народ стал...»

— Господи, да что же это делается! Ограбили! Как есть ограбили... Да у меня и брать-то нечего. Нашли к кому прийти, — раздался встревоженный голос, — с дверью, с дверью-то что сделали... Ой люди, беда, беда-то какая!

Из дверей лифта появилась запыхавшаяся от быстрой ходьбы женщина лет пятидесяти, с выбившимися из-под мохерового берета светлыми, явно крашенными волосами.

«Ну вот и хозяйка пришла, — подумал Снегирев, — теперь дело прояснится... Или совсем наоборот... В квартире-то очень есть чего брать. Недоговаривает она чего-то. Прикинем: БВЛ тянет на три с половиной, Юлиана Семенова с руками оторвут, Вайнеры, Богомолов, библиотека приключений... Даже томик Высоцкого и тот достала... Хрустала две полки бриллиантовыми брызгами отсвечивают. Парфюмерия вся импортная. Четыре ковра — три на стене, один на полу... Очень есть чего брать».

Следователь, заметив женщину, сразу переключился на нее:

— Вы хозяйка квартиры? — он показал пальцем на выломанную дверь.

— Господи, — словно не слыша его вопроса, голосила женщина, — что сделали! И на работу ушла совсем недавно. Я тут недалеко в палатке торгую...

«А странно, на ее зарплату французский «Бисквит» пить не будешь. А в шкафу бутылка полная, да «Мартель» пачат. Интересно, кого она больше боится, того, кто был до нас, или нас самих...»

— Сейчас мы во всем разберемся, — успокоил следователь. Он представился по должности, званию. — Как вас зовут?

— Феофанова я, Мария Ивановна... Да вон соседка знает меня. Эля, скажи...

Соседка кивнула.

Феофанова перевела дыхание. Немного успокоившись, она стряхнула с берета капельки дождя:

— А войти посмотреть можно, чего там наделали?

— Да, да. Костя, где нам расположиться?

— Проходите на кухню. Там стол есть — писать удобно, — обстановка не нарушена. А я пока прихожую с комнатой осматриваю.

Хозяйка, войдя в квартиру, сбросила пальто на стоявшее в прихожей кресло и осталась в платье, поверх которого был повязан фартук, испачканный землей и зеленью.

— Дмитрий Иванович, — эксперт позвал оставшегося на лестничной площадке оперуполномоченного, — что собака показала?

— Под лестницей потопталась немного, затем через дверь, мимо хозяйственного и к автобусной...

В комнате царил беспорядок. Вещи, выброшенные из шкафов, различных тумбочек и других укромных мест, валялись на полу. Опрокинутые часы с изящным бронзовым всадником, олицетворяющим, очевидно, бег времени, — рядом с чепуханкой артельного производства.

Под ногой хрустнуло. «Эх, черт, потом не расплатишься, — подумал Константин, — аккуратней надо быть».

В углу комнаты на ковре что-то блеснуло. «Так, колечко. Серебро со стеклышками. Не взяли, отбросили. Специалисты! Берут только золото. — Константин вынул лупу. На внутренней стороне кольца несколько углублений. Он навел на них десятикратную линзу. — Отлично видно! Всего три клейма... А сколько их должно быть? Смотря когда его сделали. Начнем по порядку. Первое клеймо — вытянутый по вертикали полукруг, в центре всадник на коне. Георгий Победоносец? Точно! Дракона к земле копьём прижал. Значит, колечко московское. А год какой? Ага, стерся немного. Тысяча восемьсот шестьдесят пятый... или шестой. Старинное! Ниже еще две цифры: девятка и за ней вроде бы «пять». Со вторым чуть позже разберемся, тут какая-то загвоздка... Так, третье самое важное — «именник». Овальное углубление, две буквы Г и К... Интересно! Очень интересно! — Константин достал из оперативного чемодана крохотную записную книжку, микросправочник, который он составлял для себя сам. — Теперь разберемся. — Так! По алфавиту: Г.Е., Г.З., Г.И., Г и Л — все не то... Вот, Г.К.! Читаем: «Копылов Герасим, владелец мастерской серебряных изделий, тысяча семисотый — тысяча семьсот тридцать шестой». Не то! Снова ошибка... Серебро подходит, а год нет. Интересно, мастер московский... Пробирное клеймо с Георгием Победоносцем — московское клеймо! Кто у нас там еще на Г.К.? «Клингерт Густав Густавович, владелец фабрики ювелирных изделий, основана в тысяча восемьсот шестьдесят пятом, просуществовала до шестнадцатого года». Почти до революции. Он! Подходит по всем позициям.

Да, еще надо эти две цифры проверить... Девяносто пять. Это не серебро! Вот это да! Платина... А платину стеклышками, пожалуй, украшать не будут. Коллекционное колечко, между нами говоря. Выбросили, специалисты! Да и хозяйка хороша — «брат нечего».

— Дмитрий Иванович, — позвал Константин оперуполномоченного, выйдя в коридор, — не сочувствуешь хозяйке на ее бедность?

— Если ты про то, что в нужнике хрустальный светильник, то я видел и не такое, но это больше по линии БХСС...

— Не про то я. Наводка могла быть на квартиру. Видишь кольцо?

— Серебришко? — пренебрежительно улыбнулся Алексеев. — Тридцатник в любом магазине.

— Да как тебе сказать... Мне кажется, что года за два, если не есть и не пить, а только откладывать, то, может, ты на него заработаешь... А может, и не хватит еще.

— Серьезно?

— Вполне. Платина и, видимо, бриллианты. Пять камушков...

— Значит, сколько лет хозяйка не ела и не пила?

— Дим, пошли к Саше. Необходимо это кольцо отдельно вписать в протокол в присутствии понятых.

Пора было начинать подробный осмотр. Все было как обычно в такой ситуации, и тем не менее что-то вызывало в Костиной душе непонятный трепет. Будоражило. В глубине квартиры раздавались приглушенные голоса следователя, хозяйки, которую на языке юриспруденции следовало называть потерпевшей, понятых — женщины в рабочей робе и парнишки.

«При первичном осмотре место происшествия и все находящиеся на нем объекты осматриваются полностью, тщательно...» — вспомнил Костя строку из учебника по криминалистике.

«Начнем, как положено, от входной двери, по часовой стрелке», — решил Константин.

В руках кисть с тонким ворсом, баночка с порошком... Замок, ригель, ручка наружная — так и бегают кисть с порошком, щекочет своим ворсом поверхности, на которых могут быть следы, — ручка внутренняя, филенка верхняя, нижняя. Нет следов! Левый брусок, правый брусок, наличники двери, обивка. Безрезультатно. Тумбочка, остатки телефона, трубка. Чисто! Вверх-вниз, вверх-вниз — в баночку с порошком, вверх-вниз, вверх-вниз, вправо-влево — в баночку с порошком. Нет ничего! Переход по коридору — следующая дверь из прихожей в комнату. Не может не быть следов. Искать, искать надо!

Константин вспомнил о прерванном исследовании: «Пуговка, дорогая, помоги найти твоего хозяина. Не скудай, скоро я к тебе вернусь, и поговорим мы с тобой на высоком оптическом уровне. Только расскажи еще чего-нибудь, на толкни на мысль...»

Стекло, ручка наружная, внутренняя, наличник двери, бруски, шпингалет. Нет! Вверх-вниз, влево-вправо, вверх-вниз — в баночку.

Коридор с прихожей ничего не дали.

Очередь за комнатой. Вправо по стене: кровать — обстановка не нарушена, торшер, тумбочка, хрустальная ваза, картина на стене, часики каминные без камина, чеканка. Чисто? Не совсем. Есть след! Ваза в руках была. Опрокину-

та, из нее все вывалено. Так! Как бы ее удобнее взять — снизу или сбоку? Можно за край. Кисть в баночку, затем аккуратно на грани. Вверх-вниз по граням. Точно, есть след! Правда, фрагмент невелик, площадь огранки миллиметров пять на пять, но и на этих миллиметрах кое-что есть. Если больше ничего не будет, пригодится и это. С долгоиграющих пластинок снимали следы, со звуковых дорожек, и ни одна деталь не пропала. Не только взяли, а доказать сумели... А тут ваза хрустальная. Проще простого!

Теперь дело за шкафом. Эти две створки можно не смотреть — не трогал. Так видно. Вот с третьей надо повозиться.

Открыл торчащим из замка ключом. Затем запускал руку в глубину полки и сбрасывал белье на пол. А, собственно говоря, зачем сбрасывал? Ага, более или менее ясно. Белье лежит на полу, лежало на полке. Между полкой и бельем бумага постелена. Так чище будет, думает хозяйка, и стелет бумагу. В бумагу можно ароматную отдушку для белья положить, а можно и деньги... Стереотип мышления, а преступник это учел. Значит, искал деньги. А в вазочке? Там, пожалуй, могло быть золото... Кстати, и это коллекционное колечко из платины могло лежать в этой вазе. Надо будет сразу, как следователь опросит хозяйку, попросить ее быстренько по вещам пробежаться. Интересно, что исчезло... Исчезло же что-то. А говорила — брать нечего. Сколько одной старины в стиле «ретро»! Унести трудно, это факт.

Дверь шкафа обработана. Следов много, только давность их недельная. Ни одного сегодняшнего. Да и те, что есть, с мелким рисунком — женские или детские. Узор хорошо проработался, а следы высоко — ребенок не достанет. Акселератов отбросим, пожалуй: для них большой рост необязательно означает большой ум — стало быть, могли залезть, но тогда пальцы бы были крупнее. Пальцы с морщинками, может быть, от стирки или от работы с землей. Пожалуй, все равно, корнеплоды — земля. Можно сделать вывод — эти пальцы нас не интересуют. Хозяйкины пальцы.

Костя поднял с пола ворох выброшенного белья и, стараясь не испачкать, осторожно переложил на кровать. «Чего лишний раз марать. Да и под ним осмотреть надо. Чем черт не шутит, а вдруг там что-то лежит. Хорошо бы паспорт преступника. Ну, это уж, брат Константин, ты размечтался. Такого случая давно не было, только в школе однажды, как курьезный пример, преподаватель рассказывал. Тогда злоумышленник, правда, не паспорт забыл, а памятную записку от жены — что ему купить надо, написанную на обороте конверта с адресом».

Но кое-что преступник о себе сообщил. Дверь, например, одним ударом выбить — сила нужна. С разбега и плечом в дверь. Не с помощью ключа или ломика какого-нибудь. Сильный мужик — не пьет, не курит. Не пьет, это точно — импортный коньяк на него никакого впечатления не произ-

вел. А курить, может быть, и курит. Не доказано. Ничего, разберемся!

Эх, покурить бы сейчас. Но в квартире нельзя. При исполнении все же...

«А хорошо бы и пуговицу к его пальто пришить, — вернулся Константин к своим прерванным мыслям, — крепко пришить. Если, конечно, это от его пальто».

Все же работа эксперта сродни творчеству художника. С каждым штрихом, с каждой обнаруженной мелочью портрет преступника становится отчетливей. Нашел что-то интересное — мазок кистью по холсту, еще нашел — еще штрих... Чуть-чуть добавил информации, и портрет почти готов. Почерк становится яснее. Мало соберешь интересного, относящегося к делу, не хватит информации, и вместо портрета одпи размытые очертания...

Совершенно неожиданно Костя чихнул. Раз, другой, третий... Б-р-р-р... Что за наваждение, простыл? Он подошел к наполовину зашторенному темно-вишневой гардиной окну. «Так вот еще один, крохотный такой штришок, но яркий...» Он отодвинул плотную штору. В комнату хлынул, загоняя по углам полумрак, достаточно яркий свет осеннего дня.

За шторой скрывалась дверь на балкон, она была приоткрыта. В образовавшуюся щель с улицы нещадно дул холодный, влажный воздух.

«В прихожей дверь выбита, на балконе приоткрыта, а хозяйка говорит, все запирала... Ветер же так и бьет по ногам. Сквозняк! Типичный сквозняк! Вот где тещины носкигодились бы, но без них я к этой двери пришел гораздо быстрее. Вот оно, необходимое дополнение к портрету. Он выходит на балкон, но зачем?»

Гардина как гардина. Обычная. За ней тюлевая шторка. На окне гераньки всякие или как их там еще называют... Дверь крашеная, белая. Ручки повернуты. Закрыто было только на одну среднюю — верхняя и нижняя открыты давно, на них пыль... Так! Более или менее ясно. Что еще?»

И он снова полез за носовым платком.

Под дверью, рядом с плинтусом, лежал мокрый, со следами грязи, желтый березовый листок. Его серединку закрывала прищипочка грязи, дополнив цветочную гамму осени нейтральным серо-грязным окрасом.

За дверью балкон, заваленный старыми, видимо, ненужными вещами. Он отделен от соседнего балкона тоненькой, сравнительно невысокой перегородкой, которая содрогалась от порывов ветра и жалостно постукивала в креплениях, издавая при этом глухой неприятный звук.

Внизу на уровне второго этажа протянулась широкая замусоренная крыша хозяйственного магазина с какими-то кирпичными выступами, колпаками вентиляторов и прочими строительными хитростями.

Вернувшись в комнату, Константин понял свою ошибку.

Вернее, это была даже не ошибка, а просто невнимательность, но и на нее у него не было права. Расслабился? Потерял бдительность? Нет! Просто не смог сразу почувствовать разницу в температуре в комнате и прихожей. А разница была. В комнате холоднее.

Достав из оперативного чемодана пинцет и маленький пакетик, Константин с величайшей осторожностью подцепил с пола березовый листок и положил на стол рядом с чемоданом.

— Как дела, криминалистика? — В комнату вошел следователь. — Может, мы протокол продолжим? Пора бы сюда перебазируваться. Нашел что-нибудь?

— Да хвастаться особенно нечем, но кое-что есть. Перебирайтесь, почти все осмотрел.

— Слушай, Кость, а как со следами? Сам знаешь...

— Будут следы!

Теперь он знал, где сейчас появится след. Достав карманный фонарик, посветил на глянцевую, окрашенную белой масляной краской поверхность. Точно! Правда, пока он не виден...

Взяв со стола баночку и кисть, он подошел к балконной двери. Взмах, взмах, еще взмах... На белом фоне наличника балконной двери сначала еле заметно, а потом все более и более отчетливо проявились отпечатки ладони и четырех пальцев руки. Большой палец в общую картину отпечатка не попал. А бог с ним, не в нем счастье...

Ручонка у него симпатичная. В перчатки двенадцатого размера не влезет, пожалуй. В боксерскую бы ей, в самый раз!

«Все правильно, — решил Снегирев, — только здесь они и должны были быть. Дверь на балкон весьма трудно открывается, и ему пришлось опереться о наличник».

— Саша, — обратился он к следователю, — белье я переложил на кровать, пусть хозяйка посмотрит, что пропало. В первую очередь в шкафу и в вазочке. К счастью, большой беды он не успел натворить. Спутнули его, я думаю. Обратите, хозяйка, внимание на деньги и драгоценности. Денег много было дома?

— Да какие там деньги, — с некоторым испугом произнесла та, — рублей двадцать с мелочью. Зарплата-то, — она смотрела на следователя, — я говорила уже вам, послезавтра. Так деньги целы. На кухне они, в буфете, — женщина подошла к тумбочке, стоящей у кровати, — а вазу, скажите, можно посмотреть?

— Посмотрите, но руками не трогайте, пожалуйста... Я на минутку выскочу на лестницу, перекурю. Я быстренько... Только... — он замялся, — на столе, рядом с чемоданом, кульки не трогайте пока... И след тоже... Я сейчас.

Мысль о симпатичной ручонке и листике на балконе не давала покоя: «Подумай, подумай...»

Хрустя осколками зеленой пластмассы от аппарата, он вышел на площадку. Пролетом ниже на лестнице стояли двое — оперуполномоченный и какой-то мужчина лет пятидесяти, в свитере и спортивных брюках с лампасами. Мужчина что-то рассказывал, Дмитрий Иванович, кивая, слушал. Со стороны можно было подумать, что встретились два соседа.

— Дмитрий Иванович, дай закурить, — выпалил Константин, только появившись.

Алексеев удивленно округлил глаза. Да и было отчего: во-первых, все знали, что эксперт практически не курил, только в экстренных ситуациях, а такая не предвиделась... Во-вторых, где всегда присущая ему вежливость? Прерывать беседу с посторонним, да еще на повышенных тонах — это не в его правилах.

— Извините, пожалуйста, — обратился оперативник к мужчине, — я сейчас к вам подойду. Только перетолкую...

— Может, я у себя буду, в квартире? А вы потом зайдете, если понадобится.

— Хорошо, хорошо, спасибо вам, Петр Михайлович, большое спасибо. В общем-то все более или менее ясно.

Снегирев нетерпеливо ждал.

— Что у тебя произошло, как с печки свалился? Курить будешь или это только «политес»?

— Не знаю, с чего начать...

Константин сунул сигарету в рот, прикурил и довольно неумело затянулся голубоватым дымком.

— Слушай, тут такое дело. Мне кажется, что этот хмырь здесь. Подожди, не перебивай, — опережая недоверчивый жест Дмитрия Ивановича, выпалил Константин, — голову даю на отсечение.

— Да с чего ты взял? Расскажи подробнее.

— Понимаешь, мне кажется, что из квартиры нет обратного следа...

— А где он, по-твоему, может быть? — ошарашенно спросил розыскник.

— Начинать с этой, — Константин ткнул пальцем в сорок первую квартиру, на дверной ручке которой до сих пор сиротливо висело пальто с шарфом, повешенные Снегиревым в самом начале осмотра. — У них с сорок второй балкон общий, — раз, на балконе он был — это два, с седьмого не прыгнешь — три, ну и — четвертое — стекло в форточке в этой квартире разбито. Давай, Дима, думай. Тут соседка стояла, он не мог уйти незамеченным.

— Дела... — задумчиво произнес Дмитрий Иванович. Уйти он, конечно, мог, если соседка отлучалась.

— А стояла она одна?

— Да нет, с этим вот мужчиной... В лампассах. Ну, с которым я сейчас беседовал. Она боялась одна и его позвала. Потом участковый подошел. Все вроде вырисовывается, если

твой вариант сработает, то... — он не закончил прерванную мысль, так как неожиданно решил действовать. — Знаешь что, надо женщин из квартиры убрать и молодого человека. Давай в сорок четвертую, что ли, к соседке пристроим их. Ты их, Костя, выводи пока сюда, а я с соседкой договарюсь.

Константин с максимально возможным спокойствием вернулся в комнату, где раньше проводил осмотр.

Следователь заканчивал оформление протокола, зарисовывал на бумаге план комнаты, расстановку мебели, вещей. Это было необходимо для полного оформления протокола. Хозяйка укладывала вещи в шкаф — она совершенно успокоилась и почти не обращала внимания на посторонних. А может, это только так казалось. Парнишка с авоськой, отломив здоровенный кусок батона, сидел в уголке и закусывал, запивая молоком из пакета.

— Саша, — обратился Константин к следователю, — выводи всех на лестницу. — Сказал достаточно тихо, так, чтобы никто из посторонних не слышал. — Срочно! Диминая команда, оперативная... Понял?

Следователь начал торопливо засовывать в портфель листы протокола.

— Товарищи, пройдемте на площадку и продолжим осмотр, — сказал он.

— А это надолго? Мне скоро на работу, — впервые подал голос молодой человек, — говорили, на полчаса всего...

— Осталось минут на пятнадцать, может быть, на двадцать, и мы вас отпустим. Справку дадим на работу.

— Не-е-е-е, нам справка не нужна, без надобностей! — певуче и протяжно сказала женщина в рыжей безрукавке. — Раз надоть, значит, надоть, мы ко всему привычные...

— Ну вот и хорошо! — подытожил следователь. — Пошли, товарищи. Еще немного — и по домам.

У входа в квартиру их уже ждал оперуполномоченный.

— Проходите в сорок четвертую, — пригласил он, — а мы тут пока проведем следственный эксперимент. И дверь заодно поправим. «Хоть и невпопад, — подумал Снегирев, — но сгодится и такой предлог».

В прихожей с опрокинутой дверью остались трое. Было тихо, только из неумолкавшей телефонной трубки по-прежнему раздавались короткие гудки.

— Вот что, мужики, раз такой оборот... Да выключи ты его как-нибудь, — не выдержал оперуполномоченный.

Константин поднял с пола осколок пластика и сунул его куда-то внутрь опутанной разноцветными проводами схемы. Гудки прекратились.

— Действовать будем следующим образом, — продолжил Дмитрий Иванович. — Самое сложное, — проникнуть в квартиру через балкон, повторить незаметно его путь — беру на себя. А вы, ребята, держите вдвоем дверь... После того как он выйдет на ваш вызов или хотя бы приоткроет дверь, я

буду уже у него за спиной. Костя у двери, а ты, Саша, страхуешь. Внизу участковый, и кинолога я не отпустил, просил подождать — они в курсе. Вы вдвоем, я думаю, справитесь. Держитесь на всякий пожарный поближе к стене.

— А если настоящий хозяин выйдет? — спросил следователь.

— Не выйдет, они всей гурьбой без пятнадцати девять ушли. Все, — закончил Дмитрий Иванович, — начали!

Он прошел в опустевшую сорок вторую квартиру и исчез. На площадке перед дверью, прижавшись к стене, стоял следователь.

Константин приблизился к двери, пронзенной крест-накрест гвоздями с фигурными шляпками. Аккуратно снял с ручки и надел на себя пальто. Машинально отряхнул полу быстрыми резкими движениями руки.

«Жалко, рацию в машине оставили, — мелькнуло в мозгу, — подмогу бы вызвали. Ладно, бог с ней. Вот то, что в двери глазка нет, — это по-настоящему хорошо. Клиент нас не видит».

Из сорок второй квартиры раздался свист, означавший, что Дима занял исходную позицию на балконе. Пора звонить.

Константин оглянулся на следователя. Достал из кармана пальто сложенный вчетверо листок чистой бумаги, секунду другую помедлил и нажал кнопку звонка. Раздался мелодичный звон.

За дверью не было слышно ни шороха, ни скрипа.

«Неужели ошиблись? Прославимся со своими подвигами по всему управлению».

Стоящий за спиной Корсаков выразительно ткнул указательным пальцем в сторону двери. Жест можно было истолковать двояко: либо «он там», либо «звони еще». Снегирев снова несколько раз нажал на кнопку звонка с такой силой, что, казалось, она должна утонуть в стене.

«Фью-ю-ю, фью-ю-ю», — разливались по чужой квартире удалые электронные трели. Послышались осторожные шаги, что-то упало.

— Чего нужно? — раздался из-за двери мужской голос.

Константин, по-прежнему державший в руке листок бумаги, вдруг совершенно не своим голосом произнес:

— Телеграмма тут Трифоновым, получите...

«Каким еще Трифоновым? — удивился следователь. — Соседка же говорила, что Сагайдановы тут живут... Вот это да! Молодец, Костя, еще одну проверку придумал, — дошло до него вдруг. — Теперь все решит ответ из квартиры».

— Сейчас, — послышалось из-за двери, — я после душа. Оденусь только.

Ожидание не входило в их планы. Это была незапланиро-

ванная неожиданность. «Как там Дима»?... Только бы он его не заметил...»

Щелкнул замок, стукнул засов, и дверь приоткрылась на длину цепочки. На пороге стоял закутанный в огромный махровый халат мужчина лет сорока пяти. Его волнистые, влажные волосы были тщательно расчесаны. Длинные кисти пояса от халата свисали до пола.

— Давайте сюда телеграмму, — потребовал он. — Чего еще там?

«Неужели не он?.. Вляпались! — растерялся Константин. — Может быть, родственник, а фамилию не расслышал? Вот душ принимал, что же тут такого. Ладно. Играть так играть! До конца!»

— Извините, но тут расписаться надо. В получении... — Дверь широко открылась. Эксперт взглядом впился в пол. Из-под халата, доходившего до самого пола, высывались носки светло-коричневых полуботинок.

«Румынские «Томис», размер сорок три — сорок четыре, мокрые, с грязью... Милые мои ботиночки, да вы уже в пяти или в шести квартирах наследили за последний месяц. Спасибо березовому листочку с прищепочкой грязи — много рассказал. А хозяин по квартире в таких, между прочим, ходить не будет... Он!» — решил Константин и, сунув мужчине листок бумаги, схватил его за запястье правой руки. И тут же за спиной мужчины в полной тишине раздались торопливые шаги преодолевшего все преграды Дмитрия Ивановича.

Резкий толчок в грудь отшвырнул Снегирева к стене, рассеяв последние сомнения. Очки, описав незамысловатую траекторию, отлетели в угол. Костя вскочил на ноги. Рядом шла борьба. Его толкали, били, об него спотыкались. Честно говоря, за все эти годы в задержании он участвовал всего второй раз. Это была не его сфера деятельности. Глядя на окружающее, потерявшее четкие границы, он неожиданно увидел перед самым носом подошву ненавистного ботинка. Схватив «Томис» сразу обеими руками, рывком дернул на себя, надежно прижав к полу.

Резкий удар по губам привел его в шок, он едва не выпустил ногу преступника. Сине-красные круги замелькали перед глазами. Было чертовски больно, язык ощутил терпкий вкус крови...

Рядом раздавалось трудное, напряженное дыхание следователя... Ему, видимо, тоже доставалось. Дмитрий Иванович провел болевой прием. Зажатый со всех сторон, «халат» взвыл и как-то сразу обмяк.

Поднявшись на ноги, Константин нашарил в углу совершенно, к его изумлению, не пострадавшие очки. Мир снова обрел реальные очертания.

Нестерпимо болела верхняя губа. Он дотронулся до нее — сочилась кровь. Зубы, кажется, целы...

— Ребята, пуговицы у него все? — процедил Константин — он не оставлял надежды «приписать» задержанному и кражу со Спартакиадной.

— Все! — проверил Дмитрий Иванович. — Здорово это он тебя, Нокдаун...

На полу, возле лифта, куда постепенно переместилась драка, широко раскинув ноги, сидел на кафельной плитке преступник, одетый в халат поверх пальто. Не понимая, как же это все произошло, он мотал головой. Осмелевший парнишка суетился, живописно дополняя группу людей у лифта. Из сетки, мотавшейся влево и вправо, лилось педопитое молоко.

— Разукрасил он тебя, — сказал следовательно, — голова не болит?

— Ничего, — ежась от боли и пытаясь выжать некое подобие улыбки, ответил Константин.

— Крепко он тебя, левой оказался!

Неизвестный медленно, поддерживаемый с двух сторон, встал сначала на колени, а потом и на ноги. На его запястьях тускло отсвечивали наручники. Сквозь негодующие хриплые звуки, вырывающиеся из горла, проскакивали отдельные слова... Впрочем, это не были слова раскаяния.

— Хорошо хоть невооруженным оказался, — промолвил Дмитрий Иванович.

Задержанный прищурился, ухмыльнулся:

— Не специализируюсь, граждане, на мокрое не хожу, не мой профиль. Не шейте. Вывеску вон очкастому попортил, извиняйте. Лезть не надо было, почтальон хренов...

— Ладно, ты, — вмешался Дмитрий Иванович, — при тихни на полчаса, а то про оказанное сопротивление вспомню.

— А вы, гражданин начальник, мне сопротивление милиции не намазывайте, удостоверение загодя не предъявляли...

— Грамотный ты шибко, как я посмотрю, — сказал следовательно, отряхиваясь, — а сто сорок четвертую статью знаешь? Кража личного имущества называется.

— Доказать еще надо. На сто сорок четвертую не наберешь. В квартире был, не спорю, а брать ничего не брал. Нет у меня!

— А ведь и правда нет, — осмотрел карманы задержанного Дмитрий Иванович. — Куда дел?

— Вы сыскари, вот и ищите... — хмыкнул задержанный.

— Я знаю, — сказал Константин, — вниз он все барахло с балкона выкинул, на крышу хозмага. Сейчас нам еще туда слазить придется.

«Халат» с изумлением посмотрел на эксперта.

— Не зря я тебе украшения навесил, очкарик, далеко пойдешь.

— А ему это ни к чему, — вступился за Константина следователь, — он тут недалеко живет. Двигай ногами, специалист, к машине...

— «Брест-7», «Брест-7», как меня слышите, прием... — зашуршала рация. Голос дежурного, прорываясь сквозь эфирные шумы, вызывал группу. — «Брест», где находитесь?

Следователь, прижав к груди дипломат, взял с пульта трубку:

— Сто седьмой, я «Брест», следуем на базу...

В хвостовом отсеке машины, за небольшим стеклом, маячила растрепанная шевелюра задержанного.

— Слушай, Валера, а почему Грэй вышел на оставку, а не в квартиру пошел? — спросил следователь кинолога.

— Тут, понимаете, какое дело... — виновато произнес тот. — Дверь из прихожей в комнату была прикрыта, и я не стал ее трогать. Следы могли быть. А собака взяла след прямо из прихожей... Только спутала, вместо пути отхода взяла встречный. Так бывает. След-то свежий, пахнет хорошо. Может быть, и дождь помешал.

— Костя, ты жив еще? — повернулся с переднего сиденья следователь. — А чего это ты там у балкона изъяс? Мне чего с этим гербарием делать? Банный лист какой-то... Разъясни, я что-то не понял.

— Этот «гербарий», как ты его назвал, и решил, между прочим, все... — с оттенком легкой иронии произнес Снегирев. Он не выносил пренебрежительного отношения к криминалистике. — На нем, таком маленьком, сверху оказалась крохотная прищепочка грязи. А на прищепочке этой отлично виден узор каблука — «мелкая сеточка» и гвоздик без шляпки, который листик этот к каблуку прищипил. Этот гвоздик уже месяца полтора перед глазами стоит. Полагаю, задержанный расскажет тебе на днях еще как минимум о шести квартирах, что у тебя повисли...

— Ну а пуговицу привязал?

— С ней разговор особый... Ты меня не торопи. Процессуальные сроки еще не вышли.

— Понятно. А с чего это так резко переориентировался на другую квартиру? Профессиональная догадливость или случайность?

— Скорее закономерность, помноженная на «нечастность» моей супруги...

— Не понял!

— Понимаешь, носки шерстяные я не надел. Она настаивала, а я не послушался. Потом, работая в комнате, заметил, что стало холодно. Штора-то задвинута была...

— А там и верно прохладно было, — протянул Корсаков. — А как ты догадался про золотишко?

— Времени у него было в обрез. Соседка его спугнула, когда решила хозяйку позвать. Он поспешил через балкон в сорок первую. Выйти побоялся, видимо, думал, что она не одна...

— А она и была не одна, — дополнил оперуполномоченный, — а с таксистом, который с ночной смены пришел.

— Ну, так вот: когда он на балконе был, решил от всего избавиться. На балконе — обратили внимание — бумага оберточная лежит? Оторвал он кусок бумаги, «металл» похищенный завернул в нее и вниз швырнул. А там крыша хозяина. Убирают крышу, видимо, редко, от случая к случаю. Следовательно, при удачном исходе дел дня через два-три он мог все оттуда спокойно забрать... Ход туда более или менее свободный, хочешь — по пожарной лестнице, хочешь — по крыше стоящей у магазина телефонной будки. В общем, это его проблемы.

Константин осторожно дотронулся до губы, приложил к ней носовой платок. Кровь уже не сочилась, но боль еще не отпускала.

«Горел мой субботний вечер. Работы много — один выезд и сразу три экспертизы: дактилоскопическая и две трасологические. Жаль, пуговицу не привязать. Не отсюда она! А еще бумага... Надо доказать, что остаток ее, лежавший на балконе, и кусок, в который золотишко было завернуто и на крышу выброшено, раньше одно целое составляли».

— Слушай, а когда Дима... — долетел до Снегирева привычный голос следователя, — через балкон перегнулся, смотрю и глазам своим не верю. Чувствую, сейчас что-то произойдет — и точно. Штаниной за крюк зацепился. Такой треск стоял!

В машине раздался взрыв хохота. Смеялись все, даже пострадавший в этой ситуации оперуполномоченный, Дмитрий Иванович, брюки которого и на самом деле были временно скреплены двумя «взятыми под расписку» английскими булавками.

«Вот развеселились, черти», — усмехнулся Константин, поддавшись общему настроению, и посмотрел на часы.

Время, неумолимо стекающее по стрелкам, уходило в прошлое.

Вот и прошли еще три часа. Три часа работы из двадцати четырех, отпущенных по строгому графику дежурства оперативной группы. Пусть говорят, что они полны тревог или опасностей... Самое главное — сутки дежурства вмещают в себя уйму сомнений... Каждую минуту рождаются версии, умирают гипотезы, а доказать «теорему» бывает очень трудно! Такая уж это работа. Обычная. Как у всех...

ЭКСПЕРТИЗА

От произведений, написанных на милицейском материале, традиционно ждут приключенческой романтики. Криминалистика — это производство, поточная линия, конвейер. Каждая лаборатория — милицейский цех, в котором работают инженеры, юристы, химики и даже пищевики и медики. Эти люди почти никогда не видят преступников, им незнакомы погони и перестрелки. Эти люди любят свою профессию, но любят совсем иначе, нежели несколько лет назад. Криминалисты — производственники в достижении истины в полном смысле этого достаточного неуклюжего слова...

А приключения? Хорошо, если бы их было меньше!

Точка зрения автора

16 мая. 8 часов 20 минут. Кузыкинский парк

Солнечный луч скользнул по свежей зелени тополя и уперся в серую ткань пиджака. Точнее, когда-то она была серой, в диагональную полоску «елочкой», а теперь ее цвет стал каким-то неопределенным белесым.

Шов на спине треснул, и из прорехи высовывался ватин. Пиджак принадлежал заросшему щетиной мужчине в нахлобученной до самых бровей ушанке. Суковатой палкой он вяло ковырял в урне.

Что и говорить, Кислюкову сегодня не везло. Обычно вставал ни свет ни заря со своего продавленного дивана, хлебнув наскоро холодного чая, пахнувшего железом от старого, выдавшего виды чайника с потрескавшейся эмалью, он к девяти утра успевал пройти привычный маршрут. Удача всегда сопутствовала ему — десяток-другой бутылок с ароматами прошедшего чужого веселья позвякивали в рюкзаке.

Сегодня он не набрал и десятка. «Пить, что ль, стали меньше, — грустно рассуждал он. — Так ведь нет... Только что по улицам не болтаются, а очередь каждый день стоит... Большая очередь! А раз покупают, то и должны бросать, по подъездам оставлять... Подъезды — золотое дно. Жильцы молчат — стыдятся перед соседями свою принципиальность показывать, пьющих из домов выгонять, а милиции с улицы не видать ни черта... Особенно если эти друзья, скажем, на второй или третий этаж поднимутся. Шуметь не будут, так и не выгонит их никто... Главное, спокойно чтоб все было! Вот только несподручно верхние этажи проверять... Напрыгаешься по лестницам».

— Здорово, Михалыч! — окликнула Кислюкова уборщица. — Болел, что ли? Давненько тебя не видно было.

— Жив, Пелагея, чего мне сделается, — старик расправил плечи, невольно приосанился.

— Вот мы, пенсионеры, переползем под травку, — начала жепщина, видимо, привычный разговор, — и мусор уби-

рать некому будет. Деньги брось — не поднимут! Ох, молодые... Только и знают, что пластмассы в уши навешают, да одежду почуднее напялят, и тусуются все на своих танцульках, и тусуются... Представляешь, картону на асфальт стелют и на животах крутятся... Тьфу! Словно окуни дергаются на сквороде. А деньги не поднимут — богатые нонче все стали...

Кислюков удобно примостился на лавочке, с удовольствием вытянул притомившиеся ноги.

— Вот, гляди на меня, — звучно, со сладостью произнес он, прищуривая глаза, отчего стал похож на кота, вылезшего из темного подвала погреться на солнышке. — Работа доходная и необременительная... Пятерку в день завсегда имею... Окромя пенсии — сто пятьдесят! — Он высморкался в серого цвета тряпицу, плутовато оглянулся. — А чего, Пелагея, не надоело одной вековать? Я парень хоть куда! — Он довольно резво вскочил с лавочки и прошелся, пританцовывая, вокруг женщины. Походка была вихляющей, старческой. — Ух, Пелагея, и заживем! У меня кое-чего есть...

Уборщица охнула и зашлась от смеха:

— От ить, пес шалопутный! Видали, есть у него! Знаем, что у вас есть — порты да рубахи за вами стирать... Топай давай, — она шутливо замахнулась метлой.

— Дак я не про то, что ты подумала, — пробормотал сконфуженный Кислюков. — Я хотел сказать, что хозяйством обзаведемся. Деньжата есть...

— Вот сморчок старый, бутылочник... Все туда же...

Кислюков, спешно удалявшийся в сторону парка шаркающей походкой, ее уже не слышал.

Парк был старый. На его месте когда-то давно, очень давно, располагалась деревня Кузыкино.

На краю лужайки, в мелком кустарничке, прятались от взгляда отдыхающих и нарядных молодых мам, прогуливающих в полуденные часы с колясочками, серые мусорные баки. Около них в траве блестело стекло. Жадными трясущимися руками Кислюков рванул лямки замызганного рюкзака.

«Шестерик уже есть, — восторженно прикидывал он в уме, — шесть двадцать, сорок... Эта ни к черту — с винтом! — Бутылка с шумом полетела в кусты. — Семь с половиной. Живем!»

Лихо вздернув на плечо рюкзак, Кислюков пошатнулся и оступился. Наступив на какой-то узел, он, качнувшись, шагнул в сторону раскидистого куста боярышника. По привычке Кислюков с вялым любопытством скосил глаза в сторону узла.

Это был тряпичный узел синего цвета, перепачканный глиной и перехваченный шпагатом. Кислюков мог поклясться — вчера его тут не было. Кто-кто, а он бы заметил.

«А материя ничего... Только измазана немного. Ерунда,

простигнуть малость — будет как новая. — Он осмотрел узел со всех сторон, пнул ногой. — Похоже на брюки... Какой дурак выбросил?»

Кряхтя, Кислюков нагнулся и негнушимися пальцами развязал узел...

Откуда-то снизу к самому горлу подкатил ком, перехватило дыхание, из глаз покатились слезы. Казалось, тело отказывается подчиняться ему, Кислюкову.

Родившийся страх стремительно понес его к выходу из парка. Кислюков бежал, спотыкался, падал, опять поднимался и бежал... Скорее туда, на свет, к людям...

Пелагея, завидев старика, почуяла неладное. Ее недавний собеседник моментально постарел, сразу сдал. Измазанный в глине и в чем-то, похожем на краску, он являл собой странное зрелище.

— Слушай, — хрипло выдавил он через силу, — там мужик убитый... Голова в портках...

— Ох ты, господи, — испуганно молвила уборщица, — пошли скорее к участковому. Он тут, Федотов, участковый-то, в этом доме живет...

* * *

«ТЕЛЕФОНОГРАММА № 4384. НАЧАЛЬНИКАМ УПРАВЛЕНИЙ. 16 МАЯ, ПРИМЕРНО В 8 ЧАС. 30 МИН. НА ТЕРРИТОРИИ КУЗЫКИНСКОГО ЛЕСОПАРКА БЫЛА ОБНАРУЖЕНА ЧАСТЬ ТРУПА МУЖЧИНЫ. ЛИЧНОСТЬ НЕ УСТАНОВЛЕНА. ПРИМЕТЫ: ВОЗРАСТ ШЕСТЬДЕСЯТ — ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ, ЛИЦО ОВАЛЬНОЕ, НОС ПРЯМОЙ, ГЛАЗА КАРИЕ... НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ ОБНАРУЖЕНЫ БРЮКИ СИНЕГО ЦВЕТА... ВЫЕЗЖАЛА ГРУППА В СОСТАВЕ: ПРОКУРАТУРА — ИГУМЦЕВ, РОЗЫСК — ДОРОФЕЕВ, КРИМИНАЛИСТ — ЛЮБАЕВ, СУДМЕДЭКСПЕРТ — КВАСЦОВА, КИНОЛОГ — МИТРОФАНОВ. ПРИМИТЕ МЕРЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ ЛИЧНОСТИ НЕИЗВЕСТНОГО. ПРОВЕСТИ ПРОВЕРКУ ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ, ЛИЦ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ЗАНЯТИЙ. РАССЛЕДОВАНИЮ ЭТОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОРИЕНТИРУЙТЕ ВЕСЬ ЛИЧНЫЙ СОСТАВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
ПЕРЕДАЛ ИННОКЕНТЬЕВ. 10 ЧАС. 25 МИН.»

ЛЕБЕДЕВ.

* * *

17 мая. 11 часов 30 минут. Следственный отдел

За столом, заваленным кучей бумаг, справок, картонных папок, бланков документов с подшитыми к ним распечатанными конвертами, сидел следователь Винокуров. Несмотря на раннее время, вид у него был усталый. Под глазами набухли мешки, резче обозначились морщины. В комнате стоял плотный, устоявшийся запах табака.

Допрос затягивался — он шел уже четвертый час, а результат был невелик. Дверь в комнату приоткрылась...

— Разреши, Игорь Петрович? — спросил Снегирев. — Мне передали, что ты звонил.

— Заходи, Константин Никитич. Пришлось тебя пригласить. Мы тут с Мишаней беседуем, — он кивнул на сидящего напротив него молодого плечистого парня в клетчатой рубашке. — Без твоей помощи не разобраться.

Молодой человек кинул опасливый взгляд в сторону вновь пришедшего.

— И с его помощью не разберемся, гражданин следователь. Я этого человека впервые вижу...

Винокуров невольно улыбнулся, поняв, что Снегирева приняли за свидетеля.

— Это, Миша, не очная ставка. И твое утверждение, что не разберемся, голословное... Побеседовали мы с тобой по душам, рассчитывая на сознательное отношение к жизни, — следователь неловко дернул шеей, ощутив прикосновение жесткого воротника форменной рубашки, поправил галстук. — Теперь, — он кивнул в сторону Константина, — тебе придется иметь дело с представителем науки. Слыхал о криминалистике?

— Приходилось, гражданин следователь, но я в ней не силен, в науке... Я говорил вам.

— Опять ты про трудное детство, — поморщился следователь. — Я уже про это слышал. Только не все соответствует твоим рассказам. Родители у тебя вполне приличные, в школе успехами не блистал — к спиртному рано пристратился... Но в тридцать пять лет одного жизненного опыта должно хватать, если учебу в шестнадцать бросил.

— А мне не хватает, — с плохо скрываемой издевкой в голосе произнес парень, глубоко затягиваясь очередной папирсой. — Мой опыт сучки рубить да норму давать. Этому с вашей подачи, гражданин следователь, научился...

— У меня, Миша, с тех пор как мы с тобой в первый раз встречались, дочь успела вырасти, с давних пор мы с тобой знакомы, а ты все такой же...

Парень ничего не ответил, сосредоточенно приминая окурок в пепельнице. Винокуров встал из-за стола, отошел к окну.

— Садись, Константин Никитич, поближе, — он кивком головы указал на свой стул, — попробуй объяснить ему суть дела. Может, он тебя послушает...

Снегирев достал бумаги, разложил их перед молодым человеком и начал:

— Мною согласно постановлению о назначении экспертизы было проведено исследование следов пальцев рук, обнаруженных двадцать четвертого апреля в помещении красного уголка фабрики имени Петра Алексеева. Следы обнаружены на сейфе и на спортивном кубке, стоявшем на столе. Взгляните, Михаил Александрович, на фотографии в деле... — Константин провел карандашом по снимкам. — Вот

это сейф, а это кубок в момент осмотра места происшествия... Видите?

Парень внимательно изучал фотографии, придерживая край страницы пальцем.

— При детальном сравнении дактилоскопических узоров, — продолжил Константин, — обнаруженных на кубке и на сейфе, с отпечатками пальцев рук гражданина Пантюхина Михаила Александровича получилась следующая картина... — На столе появились фотографии сильно увеличенных отпечатков. — След на сейфе совпадает с отпечатком большого пальца правой руки, а на кубке... вот тут, чуть-чуть ниже фигурки лыжника...

Пантюхин приблизил к глазам растопыренную пятерню и впился взглядом в крохотные выступы кожи на пальцах.

— Красиво говорите, граждане начальники, — пробасил парень, утирая ладонью вспотевшее лицо, — только я в этом ничего не смыслю...

В комнате воцарилась мрачная тишина. Пантюхин едва заметно дрожащей рукой извлек из пачки очередную папиросу.

— По-моему, — пожал плечами Винокуров, — тут все ясно. И алиби ваше, мягко говоря, липовое. В ту ночь не были вы ни у Иловаевой, на которую ссылаетесь, ни дома. С ней разговор у нас будет особый.

— Верку хоть к делу не шейте, товарищ майор... — вырвалось у здоровяка. — Ни при чем здесь она.

Винокуров склонился к Пантюхину, приблизился к нему вплотную, лицом к лицу, и тихим голосом сказал:

— Она ни при чем — это точно! А ты?

Пантюхин довольно спокойно выдержал взгляд следователя и, отвернувшись к окну, торгуясь, сказал:

— А если на «признанку» пойду... Чистосердечное пройдет?

Винокуров в раздражении, медленно просыпающемся в нем, прошелся по комнате...

— Какое может быть чистосердечное признание, когда ты мне столько всего здесь наговорил... Да еще и экспертизой доказано!

Стало слышно, как в стекло бьется и не может вырваться наружу желтая с пятнышками бабочка.

— Умирать, так с музыкой! — неожиданно нарушил тишину Пантюхин, вяло махнув рукой. — Отправляйте в камеру, подумать маленько надо.

— Ну что ж, идите, Михаил Александрович. Бумагу с карандашом вам дадут. Если вы еще вспомните про шестнадцатизатжку на Леваневского, квартира двадцать восемь, то обещаю, что буду думать о вашей дальнейшей судьбе.

Пантюхин быстро взглянул на следователя и захохотал:

— Так чего ж вы, Игорь Петрович, волюнку тянули! С этого и надо было начинать, а то все вокруг да около...

Скажите сержанту, — он кивнул в сторону двери, — чтоб с бумагой не жмотился. Листов пятнадцать надо!

— Уведите его, товарищ сержант.

Зазвонил телефон. Винокуров поднял трубку и сразу же протянул ее Константину:

— Это тебя.

— Снегирев. Слушаю... Хорошо, бегу! — Он положил трубку на место. — Пошел я, Игорек. Материалы экспертизы оставляю. Подшивай!

* * *

17 мая. 12 часов 10 минут. Научно-технический отдел

Константин, перескакивая через ступени, стремительно взлетел по лестнице. На третьей от входа двери отчетливо белела в полумраке коридора табличка: «Химическая лаборатория. Ст. эксперт — Воронцов А. И.».

— Чего звонил? — прямо с порога спросил Константин. — Что-нибудь случилось?

Анатолий, в белоснежном, как у хирурга, халате, оторвался от микроскопа:

— Мы с тобой с сегодняшнего дня в тандеме — со мной работаешь... Ты в курсе?

— По Кузыкинскому парку? Куда Любаев выезжал?

Воронцов кивнул головой:

— Медики обещали на вопросы ответить не ранее завтрашнего дня, а нам с тобой из прокуратуры от Митрохина подарок... — он глазами показал на пакет, прошитый ниткой. В пакете покоилось нечто синее, свернутое в рулон. — Вопросы задали уйму, а сроку дали два, от силы три дня. Анатолий взял ножницы и срезал печать с пакета.

— Вообще-то все учтено, когда назначили экспертизу брюк. Как будто наши методики читают... Представляешь, спорово-пыльцевой анализ предлагают провести.

— Ну и?

— Придется проводить, причем в быстром темпе.

Скрипнула дверь лаборатории. В проеме возник посетитель. Его приход радости не вызвал. Все дело было в характере этого человека.

Павла Минина, эксперта-баллиста, за рыжий цвет шевелюры по-дружески называли Взрывом. Это прозвище соответствовало и его импульсивному характеру.

— Воронцов, — грозно сказал посетитель, — Снегирев не у тебя?

— Ну и что из этого, дорогой Павел Михайлович? Излагайте дальше, — осторожно ответил Анатолий.

— Здесь я, Паша, — подал голос Снегирев. — Что случилось?

— Слушай, дружок! — В голосе Минина, как и следовало ожидать, появились ехидные нотки. — Ты здесь сидишь...

Работа интересная — я понимаю, а на выезд я за тебя, что ли, поеду? Там телефон с дежурной части минуты три разрывается!

Константин тяжело вздохнул — ехать ему не очень хотелось. Причин было две: во-первых, хотелось поработать с Анатолием — это интересно, а во-вторых, наступало обеденное время. Когда потом перекусишь?

«Ладно, — решил он. — Как-нибудь выкрутимся...» — и он побежал собираться.

* * *

17 мая. 16 часов 45 минут. Научно-технический отдел
«...ПОДПИСКА. НАМ, СОТРУДНИКАМ НТО ВОРОНЦОВУ А. И. И СНЕГИРЕВУ К. Н., РАЗЪЯСНЕНЫ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 187 УПК РСФСР ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЭКСПЕРТА, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТАТЬЕЙ 82 УПК РСФСР. ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТКАЗ ИЛИ УКЛОНЕНИЕ ОТ ДАЧИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ИЛИ ЗА ДАЧУ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО СТАТЬЯМ 181, 182 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ...»

Воронцов ударил по клавише пишущей машинки, и литера пропечатала точку. С шумом распахнулась дверь. Вошел запыхавшийся от быстрой ходьбы Константин, вернувшийся с осмотра места происшествия.

— Как съездил?

— Нормально. Кража. Дверь выбита, все переворошено. Взято, к счастью, немного — серебряная цепочка и две облигации пятьдесят пятого года. Работали по-дилетантски, сильно рискуя, но в перчатках...

— Значит, следов не обнаружил?

— Они шли с предварительной прозвонкой — звонили в квартиру и ждали, выйдет кто или нет, а я с кнопки следы и скопировал.

— А чего ж так взяли мало?

— Вообще-то в квартире пять с половиной тысяч было, но они не нашли.

Воронцов встал со стула, разминаясь, прошелся по лаборатории:

— А я, сам видишь, начал печатать заключение экспертизы.

На просторном лабораторном столе, застеленном листом бумаги, лежал выпачканный материал. Края брюк были с обрывками ниток. Карманы вывернуты. Всюду стояли прозрачные ванночки с образцами: пылью, каким-то мусором, крошками табака...

— Что-нибудь прояснилось?

— Есть кое-что любопытное. Обнаружил табак, шелуху семечек, хлеб, клочки бумаги... — Воронцов взял в руки листок с записями. — Есть следы металла. Причем преобладает медь и ферросплавы...

— Медь и железо, — предположил Константин, — это скорее всего ключи.

— На обшлаге правого кармана следы золота. Микроспектрографический анализ говорит о средненькой пробе.

— А количество? — не утерпел Константин. — Килограмм, два?

— Ага, в объеме обручального кольца!

— А спорово-пыльцевой провел?

Анатолий достал из папки, лежащей на столе, бланк со штампом лесничества.

— Оперсостав сегодня расстарался, — пояснил он. — Согласно справке, в парке встречаются следующие породы: дуб, ясень, сосна, липа, клен, боярышник, береза... А в нашем случае... — он подтолкнул Константина к микроскопу, — смотри сам.

Константин принял к окулярам.

— Интересно! А это что за ерундовинки вроде запятых с усиками?

— Зеленовато-розовенькие?

— Угу.

— Это, считай, и есть самое интересное, — Анатолий положил перед ним альбом с цветными иллюстрациями. — Вот этот снимок видишь?

— Похоже! А это что за книга? — Снегирев перелистнул страницы и добрался до обложки. — Атлас пыльцы... Том второй...

— И вот что самое интересное, — Анатолий склонился над прибором, подкрутил ручку наводки на резкость. — Этих запятых здесь больше всего. А таких запятых в Москве не наберешь... Сие есть разновидность ореха, причем не подмосковного — лещины, а грецкого! А если принять во внимание следующий перечень обнаруженного: кукуруза, виноград, подсолнечник, бахчевые... — Анатолий загибал пальцы, — а также наличие в манжетах брюк такого минерала, как мергель, который является сырьем для цементной промышленности...

— ...То у нас получится Грузия! — воскликнул Константин.

— Точнее, Ставрополье, Краснодар, Северный Кавказ... Правда, по ареалам расселения культур надо проконсультироваться в Тимирязевке, а по пыльце на факультете пчеловодства ветеринарной академии... Есть у них такая кафедра!

Константин отошел от стола и задумчиво подошел к окну. Отдернув штору, он распахнул раму, и в лабораторию хлынул свет майского вечера. Под окном, в кроне раскидистого каштана, восторженно щелкал соловей.

Анатолий решительно подошел к окну и закрыл раму.

— Проветрили, и хватит. Смотри, под микроскопом что творится — тайфун! Все сметает на своем пути... То, что не все запятые на своих местах, это полбеда, а то, что мы с

тобой сюда еще и лиственницу сибирскую «вклеим», будет полная беда... Можем получить вместо Краснодарского края Красноярский.

— Извини, — потирая переносицу, сказал Константин, — не подумал. — Он подошел к столу и включил приборы: — Пора и мне приступить к работе...

* * *

20 мая. 13 часов 10 минут

В столовой Константин нос к носу столкнулся с Еремеевым. С Павлом они учились в одной школе, расположенной совсем недалеко от Петровки. Обшарпанную, с рыжими пятнами ржавчины, крышу школы можно было видеть из окон служебных кабинетов обоих ее выпускников.

Волею судеб, а может, еще и потому, что все годы ученичества Еремеев бредил МУРом, а Снегирев старался ни в чем не отставать от товарища, пути их после школы не разошлись. И сейчас они работали рядом: криминалисты располагались на шестом этаже, а уголовный розыск ниже. Служебные же пути часто пересекались...

— Ты чего такой озадаченный? — спросил Константин.

— На прием ходил к начальству, кстати, по тому же делу, которым и ты сейчас занимаешься. Стружку начинают снимать....

В столовой, несмотря на обеденное время, народу было немного. Друзья расположились в самом углу просторного зала.

— Понимаешь, — посетовал Павел, — несколько дней работаем, и практически ни одной зацепки. Кислюкова, уборщицу допросили. Оба чуть живые от страха... Ребят из компании, накануне гулявшей в парке, установили по одному, кое-кого из прилегающих районов поспрошали... Все не то. Вот и достается от руководства. Пропавших по Москве и области с такими приметам нет. Правда, в области еще кое-что проверить надо.

— Неужели совсем никакой зацепки?

— Только то, что медики сообщили о причине смерти: перелом свода черепа тупым предметом, вроде кирпича.

— Прижизненный удар?

— Да. Обширная гематома, с кровоизлиянием. Я сам ездил на вскрытие.

— Ясно. Наши данные, — произнес Константин, — пока предварительные. Воронцов проверять их поехал к специалистам, но вкратце так, спорово-пыльцевой анализ говорит о южных краях. Краснодар, Ставрополь. Минералогия дает более точную версию — Северный Кавказ. То есть в итоге — Краснодарский край. Это еще не все. В часовом кармане... Знаешь, такой маленький, рядом с поясом...

— Ну-ну... — нетерпеливо перебил Еремеев.

— В нем обнаружен кусок бумаги, пропитанный кровью... Сквозь материю напитался, — пояснил он. — Формат небольшой: сорок три на семьдесят миллиметров... Бумага тонкая...

— Так, так!

— Пришлось нести его на электронно-оптический преобразователь. Просветил, и получилось следующее... — Константин вытащил из кармана фотоснимок.

— Билет на электричку!

— Причем обрати внимание на дату — пятнадцатое мая. И вот тут цифра — это год. И дальше читай! Видишь сверху: «П...ый».

— Полный?!

— Да. И следом: «Зона-5. 0 р. 30 к.». И набор цифр...

Константин перегнулся через стол и провел по снимку кончиком вилки:

— Тридцать два восемьдесят семь... И внизу: ноль двадцать один десять!

— Погоди. Тридцать копеек от пятой зоны — это либо вторая, либо восьмая зона...

— Скорее вторая. Тут три буквы — АВТ. Автомат, а на восьмой — далекой, загородной, должен кассир сидеть.

Еремеев задумчиво смотрел на Константина, словно боролся в душе с сомнениями.

— А если билет вообще к делу не относится?

— У тебя есть другая версия?

— Ладно, не обижайся. Что у нас там еще?

— Цифры: тридцать два восемьдесят семь...

— Это порядковый номер билета, проданного автоматом номер две тысячи сто десять. Значит, можно определить время и место приобретения билета, если, конечно, мы найдем автомат.

Еремеев облокотился на спинку стула, сдвинул в сторону поднос с пустыми тарелками.

— Красиво говоришь — время, место! Моим ребятам дня два, не меньше, потребуется, чтобы решить вашу арифметическую задачку: из пункта А в пункт Б выехал путешественник...

— И попутно узнать: кто он, как зовут и кто ему помог не доехать до этого самого Б.

— Бери, Константин, поднос, и пошли. Мне надо бегом к руководству. Потом отправлять телеграмму в Краснодар...

* * *

«...ТЕЛЕФОНОГРАММА № 4452. НАЧАЛЬНИКАМ УУР КРАСНОДАРСКОГО, СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЕВ. ПРОШУ СООБЩИТЬ ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ, НЕВЕРНУВШИХСЯ, РАЗЫСКИВАЕМЫХ ПЕРИОД ШЕСТНАДЦАТОЕ МАЯ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ЛИЦАХ МУЖСКОГО ПОЛА ВОЗРАСТЕ ШЕСТЬДЕСЯТ—ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ, ПРОЖИВАЮЩИХ ВАШЕМ РЕГИОНЕ. ПРОШУ ПРОВЕРИТЬ ВАШЕЙ КАРТО-

ТЕКЕ НЕОПОЗНАННЫЙ ТРУП МУЖЧИНЫ ПО ПРИЛАГАЕМОЙ ФОТОГРАФИИ. ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ ПРОШУ ПРОИЗВЕСТИ ОПОЗНАНИЕ. РЕЗУЛЬТАТЫ СООБЩИТЬ НАШ АДРЕС. НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА МУР КЛЕНОВ. ПЕРЕДАЛА КОХЮЛИНА. 14 ЧАС. 30 МИН.».

* * *

21 мая. 15 часов 35 минут. Научно-технический отдел

— Слушай, давай все по порядку... Что-что? Говори громче!.. Так... Так... Записываю... Плохо слышно... А точно ноль двадцать один десять? Угу... Где установлен? В переходе? Записал, записал... Вторым слева? Ну давай, спасибо тебе, если что, то всегда к твоим услугам... Держись! Привет!

Еремеев положил трубку телефона и повернулся к Константину.

— Что-нибудь с помощью транспортной милиции прояснилось?

Павел пододвинул к себе карту города и ткнул пальцем в пересечение линии железной дороги и метрополитена:

— Здесь! Автомат установлен в подземном переходе на платформу и стоит слева. Сейчас Ваню Иванцова туда пошлю. Пусть в бухгалтерии посмотрит контрольную ленту.

— А что тебе это даст?

— Определю время приобретения билета. Точность — плюс-минус час. Делается это просто — отправные точки между снятиями кассы знаем, это фиксируется. Средняя частота приобретения билета вычисляется легко, и... кое-что станет яснее.

Константин достал из ящика стола склеенную на сгибах карту области. Сверху на карте затыливой вязью было выведено: «Для охотников и рыболовов».

— Получается следующее — здесь, здесь... Или здесь!

Еремеев проследил за движением Костиного карандаша, прыгающего по названиям железнодорожных станций, и поправил его:

— Грибаново пропустил. Это тоже пятая зона.

— Точно. У моих знакомых там дача... Ездил как-то.

— Теперь становится более ясной роль Кузькинского парка. Он расположен рядом с этой железнодорожной станцией, и пешком до него пять минут ходу...

* * *

25 мая. 7 часов 30 минут. Суббота

День начался с проливного дождя. За окном, несмотря на раннее утро, было темно.

В комнате зазвонил телефон. Из детской, сверкнув босыми пятками, пулей выскочила Татьяна и поспешно схватила трубку.

— Але-е-е... Да, да... Папочка, — с разочарованием произнесла она, — это тебя... Дядя Толя.

— Привет! Ты еще спишь? — донесся издали голос Воронцова. — Только что звонил Еремеев. Он тебя не порадовал?

— Нет, а что произошло?

— Клянется, что есть информация, и просит о помощи.

— Понял, но раньше чем через час не смогу.

— Подходит, собираемся в девять у меня в лаборатории...

Константин встретился взглядом с женой. Она посмотрела на него одновременно с пониманием и внутренним неодобрением.

* * *

25 мая. 9 часов 15 минут. Научно-технический отдел

В коридоре было сумрачно: горело скудное дежурное освещение, да из химической лаборатории, дверь которой была открыта нараспашку, в коридор падала яркая полоса света.

— Приехал? — обрадовался Воронцов.

Константин повесил плащ, поставил в угол зонт.

— А вот и Павел прибыл! — заметил он входящего следом за ним Еремеева. — Все в сборе.

Павел, энергично потирая ладони, словно предвкушая некое очень приятное событие, пробежался по лаборатории. Затем торжественно извлек из кармана и вручил экспертам сложенный вчетверо листок.

— Костя, читай вслух! — попросил Воронцов.

Снегирев развернул его:

— «Телеграмма... По вашему запросу сообщаем... уроженец станицы Славянской Краснодарского края Панасюк Дмитрий Евграфьевич, тысяча девятьсот двадцать первого года рождения, пенсионер. Выехал в Москву тринадцатого мая с целью лечения. Проживал: Краснодарский край, поселок Горячий Ключ, улица... дом...»

— Сработало, — спокойно, словно не произошло ничего значительного, сказал Анатолий и с любопытством посмотрел на Павла — что там он еще припас?

Павел развернул сверточек. Из пакетика на стол выпал крохотный кусочек толстой кожи.

— Ремень?

— Точно! Брючный... Вот отверстия для пряжки.

— А почему края обгорелые? — не выдержал Анатолий.

— Это вопрос второй, — сказал, словно обрезал, Еремеев. — На него еще предстоит ответить. А сейчас давайте проверим, не от этих ли он брюк?

— Это мигом, — с увлечением ухватился за поданную мысль Анатолий.

— Вот постановление следователя прокуратуры, — подал

бумагу Еремеев, — я, собственно говоря, поэтому и задержался — в прокуратуру заезжал.

— Ну и ну! — воскликнул Воронцов. — А если не секрет, откуда ты взял ремень?

Пододвинув поближе пепельницу, приготовленную на всякий случай для гостей, сам Воронцов не курил, Еремеев достал сигареты.

— Вы с Константином поставили перед моими ребятами задачу. Ставили ее, не выходя из этой комнаты, — он обвел сигаретой лабораторию, будто очертил ее пределы, — а мы ее решали. Поскольку Толиным пунктом А занялись коллеги из южных районов страны, Костин пункт Б мы взяли на себя. Направление, сначала приблизительное, помогли уточнить коллеги из транспортной милиции. Дальность по этому направлению определил Константин — получалась узкая полоса пятой зоны. В поле зрения попали три станции и примерно восемь деревень и дачных поселков. Подмосковные участковые подключились, сотрудники розыска, и жребий выпал Грибанову.

— Да... Кажется, повезло, — взволнованно произнес Константин.

— И сегодня, — продолжал Еремеев, — если подтвердится с ремнем, прокатимся на машине и узнаем все о пункте Б.

— Вы, ребята, поедете без меня, — сказал Воронцов. — Предварительную информацию о ремне могу дать через полчаса, а точную — только вечером.

— Ну, вот и решено! Как, Костя, едем?

— Согласен... — Снегирев отошел к окну.

А дождь все лил и лил, превратившись из ливневого в нудный, по-осеннему морозящий. На улице не было видно пешеходов, только, с головы до ног закутанный в плащ-накидку, стоял одинокий постовой ГАИ да проскакивали мимо него автомобили.

Воронцов работал у микроскопа. Внутри прибора мерно, в такт дождевым каплям за окном, урчал вентилятор.

— По-ля-ри-зационный, — по складам прочитал Еремеев непривычно сложное название микроскопа. — Это для чего такой?

— Для работы с микрообъектами. Долго, Паш, объяснять. Я тебе как-нибудь при случае подробно растолкую. Ладно? А сейчас могу поздравить дорогих розыскников с победой... — торжествующий голос Анатолия застал Снегирева и Еремеева врасплох. Столь быстрого результата они не ждали — думали, придется потерпеть.

Анатолий встал из-за стола и освободил место у микроскопа.

— Получается примерно так — кожа свиная. С одной стороны лакированная, с другой видна фактура обработки.

Поверхность эта достаточно шероховатая и имеет тенденцию все на себя собирать. Смотрите, — он включил телевизор, соединенный кабелем с микроскопом.

На экране как будто расстился фантастический пейзаж. Красные и коричневые холмы с мохнатыми порослями, булыжники, разноцветные змеи заполняли все пространство до самого «горизонта».

— Обратите внимание на эти ворсинки, — Воронцов ткнул пальцем в синее «бревно» на экране, — синтетическое волокно. Не исключено, что лавсан. Красная — окрашенная шерсть, вот чешуйки. А это, — он обвел карандашом скрученную слоистую змейку, — скорее всего вискоза...

— Это набор с ремня... — Воронцов щелкнул клавишей, и картинка сменилась. — Теперь рассмотрим материал брюк. Как видите, сочетание остается прежним: синий цвет — синтетика, красный — шерсть, а это... — он указал на змейку, — вискоза...

— Ясно! Костя, я звоню в прокуратуру Митрохину, а ты собирайся. — Еремеев взял телефонную трубку. — Дело сделано!

* * *

25 мая. 17 часов 40 минут. Грибаново

Рядом с деревней березовую рощу прорезала трасса газопровода. Большие деревья, потревоженные работами, словно расступились в стороны, уступая место людям. Тракторы, подвозившие трубы, другие строительные материалы, подмяли гусеницами нежные листья земляники и кислицы, росшие поверх осыпавшейся с деревьев хвои. Непрекращающийся дождь поливал и поливал землю, вода скапливалась в размытых колеях.

Размокшая глина нещадно прилипала к ботинкам. Обувь набухла, значительно прибавила в весе. Единственный зонт мужчины галантно предложили Елене Петровне — судебному медику.

«Слякотный денек, — поежился Константин, заправляя мокрыми руками кассету в видеоманитофон. — Как бы аппаратура не подвела...»

Объектив камеры остановился на группе людей. Очертания их были размыты то ли из-за дождя, то ли из-за стелившегося над землей тумана. Отсутствие резкости раздражало, заставляло в который раз подкручивать шкалу дальности объектива, но объектив был ни при чем. Константин решил укрупнить кадр и повернул рычажок трансформатора — все сразу стало резким и отчетливым. Пропал лес, грязь, трубы. В кадре остались двое — пожилой мужчина в блестящем от измороси плаще и Еремеев.

— Что скажете, гражданин Крюков? — долетел до Кон-

стантина усиленный микрофоном голос Павла. — Где это место?

Мужчина, опираясь на заступ, не поднимая глаз, показал в сторону и тихо, но достаточно внятно сказал:

— Возле сварного шва на трубе... Витюха закапывал...

— Товарищи поняты... — в кадре появились следователь прокуратуры Митрохин и двое молодых людей. Парень и девушка, обутые в резиновые сапоги, прятались от дождя под клеенчатым плащиком.

— Товарищи поняты... — повторил свое обращение следователь, — прошу обратить внимание на слова гражданина Крюкова.

— Мы все поняли, — ответил за обоих парень.

До Константина долетел шепот Павла:

— Пишешь? Микрофоны включены?

Константин, кося краешком глаза в экран, повернулся к Еремееву и, в свою очередь, шепнул ему:

— Все нормально! Форсируйте события, ленты минут на сорок!

Павел кивнул и пошел вперед. Процессия медленно тронулась вдоль труб. Из кожуха магнитофона, сквозь шорох дождя, доносилось едва слышное урчание моторов. Константин на мгновение выключил камеру, подскочил к «уазику» с желтой полосой вдоль борта и с размаха швырнул на сиденье рядом с водителем свою промокшую шляпу.

Через минуту он догнал людей, пробирающихся к стыку труб.

— Можно продолжать? — обернулся к Константину Митрохин.

— Да, да, пожалуйста. Все готово!

Впереди всех шел Крюков. Рядом с ним, словно привязанный к нему незримой нитью, шел Павел. Крюков остановился.

— Здесь, — он воткнул лопату в землю и поплевал на ладони, приготавливаясь к работе.

Еремеев осторожным, не терпящим возражений уверенным движением забрал лопату и засучил рукава плаща:

— Я помоложе, да и с руки мне все это...

Резкими рывками он выбрасывал из-под огромной трубы пласты глины. Мокрая желтая почва липла к лопате, срывалась с нее, падала в лужу.

— Павел Николаевич, — обратился к нему Митрохин, — осторожнее, пожалуйста, копайте...

Павел молча кивнул и продолжал швырять глину: штык в землю, с чавканьем вверх, удар о трубу, брызги... Штык в землю, вверх, удар, брызги...

Об лопату что-то звякнуло. Девушка-понятая вскрикнула.

Павел выковырнул из земли и бросил в лужу какой-то предмет.

— Банка из-под сгущенки, — пояснил он.

— Валялась какая-то... Не помню, — тихо сказал Крюков. — Копайте, или давайте я сам...

Никто не ответил. Елена Петровна зябко передернула плечиками и поправила шарфик.

— Есть! — неожиданно громким показался голос Еремеева.

— Осторожнее, пожалуйста, товарищи! — воскликнул следователь.

Константин медленно приблизился к яме. Из раскопа, моментально заполняемого водой, показалась рука. Скрыченные пальцы, застыв в судорожном движении, сжались.

— Ну вот и все, — с облегчением сказал Павел, — поставлена последняя точка.

— И дождь кончился, — сообщила Елена Петровна, убирая зонтик. — Приступим к осмотру?

* * *

26 мая. 00 часов 30 минут. Воскресенье

Ключ медленно вошел в прорезь замка, дверь плавно распахнулась. «Дома, — с наслаждением подумал Константин. — Сейчас, наверное, попадет. — Щелкнул выключатель — прихожая наполнилась светом. Часы на стене показывали половину первого. — Воскресенье наступило...»

На кухне горел свет, звякнула чашка.

— Явился, полуночник, — улыбнулась жена. — Ужинать будешь?

— И обедать тоже, если можно...

— Удачно поработали?

— Угу, — подтвердил Константин, прихлебывая чай, — любопытная житейская история получается...

Приехал из одного города старик. Решил подлечиться... Может быть, выехал из дома раньше, чем это требовалось, или в больнице какие-то передраги... Одним словом, не приняли его — не было мест, и несколько дней надо было подождать, не ехать же обратно... С гостиницей трудно, знакомых нет. Тут и подвернулся ему один старичок доброжелатель, предложил: «Живи на даче. Природа, воздух!» Не безвозмездно, конечно...

Жил с ним на даче и сам хозяин. Однажды ночью, дня через два, появляется новое действующее лицо — сын хозяина. Пьяница, забуддыга.

Его, кстати, сегодня пришлось во всесоюзный розыск объявить. Он нигде не работает, а парень тертый... Два года уже за ним было. Судимый. Приехал, начал с отца деньги требовать. Раз есть постоялец, значит, есть и деньги. А старик, естественно, ни в какую. Началась потасовка...

Проснулся наш приезжий, спустился на шум. Сына он в глаза, понятное дело, не видел и решил, что это грабитель...

Пытается помочь хозяину дачи, оттаскивает молодого парня...

И в этой кутерьме сын хозяина, замахнувшись на отца топором, попадает постояльцу по затылку. Смерть наступила моментально — много ли старику надо? Один удар...

Протрезвел сынок сразу, а отец и говорит: «Про него никто не знает, скажем, что не видели... А если кто из соседей приметил? Тогда — уехал! Потасили в сарай, там все сделаем!»

— А голову зачем в Кузыкинский парк отвезли?

— Хотели следствие пустить по ложному следу... Кстати, о сарае. Он незадолго до нашего приезда, позавчера, при невыясненных обстоятельствах сгорел. Не случайно, конечно, сама понимаешь...

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКСПЕРТА...

— Чего ты паялишься на эту пулю? Пинцетом вооружился, лупой... Крутишь, понимаешь, вертишь, еще на зуб попробуй... Чего вещдок мучить, чего рассматривать — пуля как пуля! Обычная пистолетная пуля...

— Знаешь что?.. Давай гильзу поищем — оно вернее будет.

Разговор на месте происшествия

Разве так не бывает, что аксиома все равно вызывает недоверие. Конечно же, это не теорема, требующая доказательства, а знакомая всем истина — не знать ее стыдно, проверить невозможно. Вера верой, а как бы это удостовериться, потрогать рукой, пощупать.

Недавно Константину Снегиреву попался в руки неизвестный, из-за отсутствия обложек сильно потрепанный научно-популярный журнал. Зачитан он был не то чтобы до дыр, но все же изрядно. Края страниц от многократного прикосновения рук стали мягкими, бархатистыми... Под рубрикой «Это интересно» он прочитал следующее:

«При реставрации Кельтского собора искусствоведы столкнулись со странным явлением. Это было поистине открытием — за многие века толстые стекла высоких стрельчатоготических окон изменили самостоятельно свои размеры. Толщина стекол сверху, под крышей, уменьшилась, а снизу увеличилась. Сечение прозрачных листов по вертикали напоминает сильно вытянутую каплю. Специалисты пришли к выводу, что за многие века аморфное вещество окон под воздействием силы тяжести постепенно стекло вниз...»

Константин быстро забыл эту заметку — мало ли курьезов, но впоследствии нет-нет, да и вспоминал эту историю с

собором. Тем более что в последнее время ему фатально не везло со стеклами. Три дня назад его вызывали в суд и допрашивали. Сам процесс вызова для криминалистов не страшен, но неприятен. Чего хорошего, когда приходится публично давать пояснения о материалах исследования, держать ответ о достоверности сформулированных выводов? Да еще существуют опасные рифы — ошибешься от волнения, применишь неправильно сложнопроизносимый термин или поставишь не в том месте ударение в словах: электронно-оптический эмиссионный микроспектрофотометр со сканированием луча в плоскости поляризации — тогда дело плохо. Наверное, ни один адвокат не преминет воспользоваться случаем, чтобы усомниться в компетентности такого эксперта и подвергнуть перепроверке его выводы. Глядишь, время потянется — рассмотрение дела перенесут раз, другой... Пока будут проводить повторную экспертизу в другой, может быть, более высокой, инстанции, процессуальные сроки содержания под стражей кончатся. За днем — неделя! Щелчок засова — и подозреваемый на воле.

Константину создавшаяся ситуация не нравилась. Ладно бы дело было запутанным, а то ведь выведенного яйца не стоит. Сначала поступило сообщение — неизвестный неведомо откуда произвел выстрел непонятно из чего. Пуля пробила окно квартиры, расположенной на девятом этаже, оставила две аккуратные дырочки во внешнем и внутреннем остеклении рамы, пролетела через комнату, ударила в расстеленный на полу ковер, пробила его и, отскочив от паркетины, влетела в детский манеж, где смертельно ранила подвешенного на нитке пластмассового медвежонка. К счастью, всего за несколько минут до этого выстрела родители унесли ребенка на кухню.

В тот вечер дежурным экспертом был Снегирев. Вскоре после звонка дежурная группа была на месте происшествия — случай применения огнестрельного оружия в столице так редок, что внимание ему уделяется повышенное.

После того как все было сфотографировано, Константин приступил к главной операции — визированию. Сначала соединил ниткой все точки-отметины от пули по маршруту: окно, дырка в ковре, медвежонок, и попытался приблизительно определить место выстрела. Можно было предположить, что стреляли с одного из четырех балконов в доме напротив. Под подозрением были два балкона на двенадцатом и два на тринадцатом...

Константин свернул из листа обычной писчей бумаги трубочку и вставил в пробоины в стеклах. Бумага зашуршала, желая распрямиться, и прекратила раскручивание, только «споткнувшись» о зазубрины в стекле. Словно телескоп астронома, трубка задрала внешний край, находящийся на улице, к небу. Расстелив на полу газету, Константин встал

на колени и, примостившись, посмотрел в трубочку-визир. По сравнению с «ниточным» этапом исследования ситуация прояснилась — в отверстие был виден балкон тринадцатого этажа и кусок пожарной лестницы, расположенной слева от него. Лестница принадлежала всем сразу и никому конкретно, так как находилась на ничейной территории. Дело было деликатным. Многое зависело от старшего эксперта-криминалиста капитана милиции Снегирева, от его предварительного вывода. Константин рискнул и указал на балкон квартиры, где к стене были подвешены хоккейные коньки.

В квартире проживала старушка с внуком. Мальчишке лет пятнадцать. Долговязый, модно одетый парень с прической, именуемой в сведущих кругах «взрыв на макаронной фабрике», с милицией говорить не захотел. Не сказал ни одного слова. Пришлось изъясняться с женщиной — в квартире оружия нет, никогда не было и, честное слово, никогда не будет.

О вражде между квартирами и речи быть не могло по одной простой причине — ни бабушка, ни внук не знали молодых супругов с полуторагодовалым ребенком.

Пришлось Константину сначала выдержать несколько недоверчивых взглядов со стороны коллег: что, ошибся? — а потом вместе с сотрудником уголовного розыска Никитой Комаровым сантиметр за сантиметром изучать поверхность пожарной лестницы. Ничего достойного внимания не обнаружили. Оставалось одно — топтать назад в квартиру пострадавших и в очередной раз смотреть на мир через отверстие бумажной трубки.

— Может, промахнулись? — с интонацией безысходности произнес Комаров и припик глазом к визиру.

— Стрелявшие — нет. Попали точно в стекло, а мы могли... — с сомнением буркнул Константин. — На особую точность рассчитывать не приходится. Трубочка — это тебе не лазер! Он для этой цели еще не применяется, а пропустить бы его лучик через пробойны, да совместить с дыркой в полу... При таких расстояниях между домами, не принимая в расчет баллистическую кривую, мы бы совершенно точно уперлись в место, откуда стреляли. Плюс-минус три сантиметра! А так... плюс-минус один этаж и по десять-пятнадцать метров в стороны. Считаю сам... — Константин выдернул из отверстий трубку. — До того дома метров сто пятьдесят...

— Сто шестьдесят четыре. Я шагами промерял между стенами, когда в тот дом ходили.

— Ну вот! Видишь! Прийти к выводу, что стреляли именно из этой квартиры, а не с пожарной лестницы, нелегко...

Отъезд с места происшествия был суматошным — поступил другой вызов, а вечером пришла информация от местных розыскников из района — у этого мальчишки действительно винтовки не имелось и револьвера тоже, но школь-

ным товарищем и соседом по парте у него был сын известного в стране хоккеиста. Именно ему, единственному и любимому сыну спортсмена, было привезено в подарок из зарубежного турне новенькое дорогое «монтекристо».

Чем кончилась история, Константин не интересовался. Повышенное внимание эксперты проявляют к делам запутанным, можно сказать, загадочным. Такие дела представляют профессиональный интерес — каков путь поиска доказательств, технология раскрытия, особенности расследования.

Бывает и так, что в специальной технической литературе просочит сообщение, или кто-то из коллег расскажет о появлении нового, нетрадиционного метода исследования, подхода к решению задачи и, наконец, доказательства чего-нибудь такого... Такого, что и доказать было трудно! Тогда у всех криминалистов случается праздник. Если говорить честно, такие праздники бывают редко. Экспертно-химическое светило местного значения — Толя Воронцов во всеуслышанье заявил, что криминалистика как наука вошла в режим насыщения... Понимать это следует, очевидно, так: чем дальше влезают люди в науку, тем открытия и изобретения будут все более мелкими, уточняющими крупные открытия прошлых лет. Снегирев обозвал эту точку зрения «полирующей», имея в виду аналогию заполнения мелких выбоин кусочками шпаклевки. Анатолий потребовал весомых доводов против его теории, но Константин достаточно веских доказательств в пользу грядущих крупных открытий не предоставил, а поехал осматривать очередное место происшествия.

Дело о стрельбе по окнам вновь ворвалось в жизнь Константина вместе с конвертом, в котором лежала повестка из нарсуда. Снегирев в недоумении повертел в руках листочек неряшливо заполненного типографского бланка, вчитался в торопливые строки, выведенные рукой секретаря, и долго не мог понять, о чем идет речь... Что это за дело — сорок два тридцать восемь? Какое отношение имеет к нему? Пришлось звонить в суд. Женский голос пояснил — дело связано именно с тем самым выездом...

Народу в зале было немного, но Константин заметил несколько лиц, знакомых по экрану телевизора — в основном из спортивных репортажей.

«В хоккее товарищеская поддержка всегда на первом месте, — про себя отметил Константин. — Несмотря на то, что один на штрафной скамье, остальные собираются всей пятеркой идти на меня... Вместе с вратарем...»

Судей была женщина. Ее строгий синий костюм в скудном освещении ламп дневного света едва заметно отливал белыми искорками.

«Не меньше двадцати пяти процентов синтетики», — автоматически определил Константин.

После вопросов обязательного характера и привычных

эксперту слов: «Об ответственности предупрежден...» — пришлось подробно рассказывать о применении бумажной трубочки, пояснять суть фотографий с места происшествия...

Адвокат, приглашенный для защиты хоккеиста, был «парень не промах». Промах допустили они — сотрудники милиции, проводившие осмотр, и в первую очередь он, Константин Снегирев.

Увлечшись обнаружением винтовки и стрелявшего, забавляясь между квартирами в разных домах, обследуя лестницу, а главное — из-за поспешного выезда на новое место происшествия, забыли изъять пулю! Именно ту пулю, которая вылетела из винтовки одного из трех мальчишек, решивших «поохотиться» на голубей. Голуби, мирно сидевшие на замусоренной крыше ресторана «Китеж», почувствовав опасность, заметались. Они то набирали высоту, то пикировали. Черная дырочка виштовочного дула металась вслед за ними. Раздался почти неслышимый в гуле улицы щелчок выстрела, и пуля поразила смешного синтетического зверька в манеже ребенка. Изъять пулю забыли...

Следователи закрепили случившееся показаниями мальчишек и свидетелей, а адвокат безуспешно старался эти доводы опровергнуть. Помогало ему и то, что забытая пуля давным-давно исчезла в чреве мусоропровода и подвергнуть ее баллистическим или химическим исследованиям было уже невозможно.

Последним камнем преткновения на пути адвоката оказалась подпись Константина под протоколом исследования. Последняя баррикада. Если адвокату удастся доказать, что специалист-криминалист не совсем уверен в своих доводах, а определение балкона по бумажным трубочкам сомнительно с научной и практической точки зрения, то под радостный шум и гомон влюбленных болельщиков спортивный кумир, переметнувшись через бортик, устремится к воротам противника и зажжет красный свет поражения за спиной Константина.

Спортивному кумиру в принципе ничего не грозило. Максимум — прощание с незаконно привезенным «монте-кристо», может быть, временное ограничение на выезд за границу... Да и то, наверно, обойдется.

Адвокат, немолодой мужчина с заметным брюшком, степенно встал со своего места и, привычно оправив борт пиджака, несколько секунд вглядывался в эксперта. Снегиреву показалось, что глаза-буравчики защитника едва заметно, с какой-то хитринкой или даже ехидцей улыбнулись.

— Можете ли вы гарантировать абсолютную достоверность своего вывода о том, что выстрел был произведен именно с этого балкона, а не из какого-то другого общедоступного места?

Несмотря на бархатистые интонации в голосе защитника, каждое его слово будто кололо Константина.

«Промах! Господи, какой совершили промах... — лихорадочно мелькали мысли. — Получается, что, несмотря на все усилия, доказательства рухнули. Ишь чего он говорит! Прицел чужой дядя с неизвестной винтовкой и непонятно почему выстрелил имеппо в эти окна... Глупость какая-то! Но, честно говоря, он прав. Ведь нет настоящих доказательств. А мальчишки, выходит, наговорили па себя? Так надо понимать? Или на пацанов надавили в милиции? Заставили сказать... И на папу возвели напраслину. И он не привозил огнестрельного сувенира в мешке с клюшками? Чепуха какая-то!»

Константин старался понять этого невысокого человека в дорогом костюме и не мог отделаться от ощущения, что тот уже не упрасивает, как это было сначала, а требует у присутствующих: «Давайте разойдемся по-хорошему! Пора заканчивать это недоразумение...»

В замешательстве Константин стоял и молчал. Только впившиеся в барьер трибуны пальцы с побелевшими от напряжения суставами выдавали волнение.

— Может быть, вам необходимо дополнительное время для повторного исследования? — участливо поинтересовалась женщина-судья.

Константин согласно кивнул, успев сообразить, что это единственно правильный выход. Надо перепроверить выводы.

История с вызовом в суд случилась три дня назад. Завтра в десять ноль-ноль слушание дела будет продолжено. И завтра надо оглашать окончательный вывод... Не до конца отброшен крохотный вертлявый процент появления чужого дяди на общедоступной пожарной лестнице.

«Почему у меня появились страх, неуверенность? — размышлял Константин. — Неужели я откажусь от своих слов? Конечно, расписываться под заключением экспертизы в спокойной тишине лаборатории легко. Один на один. Только ты и вещественные доказательства...

В большом зале заседаний суда, стоя на трибуне, когда твою спину сверлят десятки, а то и сотни глаз, когда многие только и мечтают, чтобы ты совершил ошибку, проявил неуверенность...

Какой ценой достается истина... Кто об этом знает? Кому это интересно?

Чтобы пришла уверенность в собственной правоте, придется снова садиться за учебники, возвращаться к началу исследования и искать доводы в пользу того, что и так абсолютно ясно. Неплохо бы вычертить в точном масштабе эти два дома. Учесть не только планировку квартир, но и расположение крыши ресторана. Размеры в протоколе есть...»

— Константин Никитич, — долетел до Снегирева голос. Из-за угла двухэтажного особняка на восемь квартир появился стажер Леонид Губин. — Расстояние до калитки замерять?

Губину чуть больше двадцати. Годится Снегиреву если не в сыновья, то в младшие братья. Несмотря на существенную разницу в возрасте, они коллеги по работе. Только Снегирев четырнадцатый год работает экспертом, а Леонид третий день.

Губин еще в школе милиции слышал про высокое качество работы московских экспертов. На Доске почета научно-технического отдела Леонид сразу же заметил фотографию Снегирева и почему-то решил, что попадет именно к нему... Так, к его радости, и случилось! Конечно же, Леонид отдает себе отчет, что изученная им в школе милиции теория и предстоящая практическая работа — совсем не одно и то же. Но, честное слово, он не подкачает! Самое главное — работа ему нравится и форма лейтенанта милиции к лицу.

Снегирев, занимавшийся в этот момент не только размышлениями о тяжелой доле эксперта, но и поисками вещественных доказательств, с наслаждением выпрямился, размял ноги. Согнутый в три погибели, он осматривал ветку смородины на кусте, растущем в палисаднике перед двухэтажным домом. Дом стоял на московской земле затерянным островком. Так он выглядел потому, что весь утопал в зелени и цветах, прятался за забором, современные, в стиле «конструктивизма», дома сами окружали поселок со всех четырех сторон.

Удивительным для Константина было то, что в Москве еще смогли сохраниться такие заповедные уголки. Сирень, жасмин, смородина. Из-за некрашеного дощатого забора виднелась золоченая луковица Всехсвятской церкви.

— Если не устал, Леня, то замерь вот это расстояние — оно может нам пригодиться. И еще... Зафиксируй, сколько метров между окном, тремя кустами смородины и кустом сирени. Это очень важно.

...Первый и второй кусты смородины под окнами впервые были осмотрены несколько дней назад. Тогда в них обнаружили сто шестьдесят четыре осколка стекла. Некоторые были размером с ученическую тетрадку, но таких больших мало. В основном попадались мелкие, размером с двух-трехкопеечную монету. Упакованные и доставленные в тот же день в лабораторию, они должны были расказать правду. Предстояло решить один-единственный вопрос — с какой стороны разбито стекло?

В квартире на первом этаже живут двое. Женщине — около тридцати пяти лет, мужчине — немногим больше сорока. После развода, случившегося года четыре назад, квартира превратилась в коммунальную. Женщина заняла южную комнату большей площади, мужчине досталась комната окнами на восток. Бывший муж работал плотником на стройке, разведенная супруга — в быткомбинате парикмахером...

Несколько дней тому назад женщина заявила о краже у нее ювелирных изделий. По ее словам, «это дело бывшего

мужа-пьяницы». Тот, в свою очередь, клялся и божился, что к «ентому безобразию» не имеет никакого отношения.

Подозрения падали на мужчину. Дверь в квартиру поворждений не имеет, а дверь «южной» комнаты — со следами взлома — сколы краски, вмятины, отщепы, сбитая ручка... Самое интересное, что замок был цел, а дверь так и не открыта. Под дверью валялась стамеска, принадлежащая хозяину-плотнику. Следов пальцев на стамеске обнаружено не было...

Преступник проник в комнату через окно. Рамы окон открывались вовнутрь, а их почему-то не открывали. Преступник выбил стекло. Как он проник, остается загадкой. Даже если проникать в комнату с улицы, то необходимо убрать с подоконника пятилитровый «пузырь» с квашеной капустой и трехлитровую запыленную банку с перцем. Судя по пыли, это не было сделано. Правда, на стене под окном имелись какие-то неясные пометки, похожие на следы обуви или потеки от дождя.

В комнате порядок нарушен тоже не был. Обстановка комнаты — шкаф, кровать, круглый стол. Вещи из шкафа вынуты и упакованы в большие картонные коробки. Стол застелен газетой, как обычно делают перед ремонтом.

Решение вопроса, с какой стороны разбито стекло, имеет важное значение. Если разбито снаружи — кража. А если изнутри? Тогда придется разбираться в причинах произошедшего более пристально, досконально... Для решения вопроса нужно собрать как можно больше осколков стекол, разложить их по порядку. Разобраться, какое стекло из внешней, а какое из внутренней рамы, и только потом по полной картине определить, с какой стороны разбито...

Сто шестьдесят четыре осколка лежали на двух столах криминалистической лаборатории, сложенные в два прямоугольника, точно повторяющих размеры окна. Кажется, можно сделать первые выводы, но...

Для стопроцентной уверенности не хватало оставшихся на месте происшествия еще не найденных осколков. Их должно быть штук десять. Может быть, пятнадцать! Причем обнаруженные осколки самые мелкие, меньше копеечной монеты. Именно они приняли на себя первый удар.

Это и вынудило старшего эксперта Снегирева и эксперта-стажера Губина встретить начало рабочего дня не за удобным столом в управлении, а в чужом саду, под кустом смородины.

Весна к середине мая уверенно перешла в лето. Смородина стремительно, не сбавляя темпов, вслед за листвой выбросила обильные кисточки цветов. От узорчатых светло-зеленых розеток листвы одурманивающе пахло свежестью. Стоило задеть пальцами нежный листок или чуть-чуть нечаянно придавить его рукой — и в воздухе долго стоял аромат. В другое время и при других обстоятельствах Константин

обязательно позволил бы себе понаслаждаться этой свежестью и ароматом, но сейчас они ему только мешали. Листья скрывали ветви и почву под кустом, куда ни посмотри, всюду зелень, а ему необходимо обнаружить осколки.

С начала осмотра незаметно пробежали полтора часа. Хвалиться было нечем. Шесть осколков! Немудрено, что при первом осмотре их не заметили — они прочно впились в кору куста, застряли в разветвлениях веток и даже в листьях. Скорость — один осколок за пятнадцать минут!

Когда-то на кафедре криминалистики один из преподавателей заметил: «Криминалистика любит терпеливых... Суевливый эксперт — это такая же чушь, как мазурка на похоронах...» Сидящий рядом с Константином долговязый Сашка Синельников не вытерпел и подал с места голос: «А как бы это проверить на себе? А то учишься, учишься, а потом окажется, что непригоден... Может, экзамен какой устроить?»

Аудитория откликнулась громовым залпом хохота.

«Экзамен на терпение есть. Могу предложить желающим... Нам его предлагал проводить, чтобы справиться с мыслями, успокоиться, опытный эксперт Москвы с довоенным стажем Еремейкин. Исключительно полезная методика...

Возьмите пустую бутылку, заверните ее в несколько слов бумаги, чтобы осколки не разлетелись, и разбейте чем-нибудь тяжелым...

Потом вооружайтесь пинцетом, флаконом силикатного клея и собирайте ее по кусочкам вновь. Кто соберет без опшибок, пусть медленно, но верно, тот может быть уверен — для криминалистики терпения хватит...»

Не забыли этого рассказа будущие криминалисты. Временно прекратились бесцельные блуждания по вечерним коридорам общежития, наступила подозрительная тишина.

Незадолго до госэкзаменов кое-кто из будущих экспертов уже хвастался: бутылки, собранные из ничтожно мелких, скрепленных клеем осколков горделиво возвышались на письменных столах. Сашка Синельников превзошел всех — умудрился вмонтировать внутрь бутылки электрическую лампочку, и по вечерам оригинальный светильник изумрудно блестел, осыпая окружающее пространство зелеными искрами.

Константин этого экзамена не сдал. Начал вместе со всеми, а собрать не смог. Пробовал и так и сяк — ничего не выходит! Ребята спешат на волейбол, а он, закусив от неудачи губы, продолжает колдовать над злосчастной посудинкой. Через неделю выяснилось: собрать бутылку невозможно. Шутники подсунули часть осколков от другой бутылки.

...Хрустнула ветка. От дома к Константину подошел Леонид. Волосы растрепаны, на лбу бисеринки пота, на щеках румянец.

— Осмотр и замеры закончены, — радостно отрапортовал он. — Какие будут указания?

Константин, не вылезая из-под куста, ткнул пальцем в сторону сирени:

— Осмотри, Ленья, не попали ли осколки и туда. Кто его знает, могли отлететь... Только не спеши, старайся не пропустить ничего...

— Хорошо, — кивнул Леонид, еще не совсем отчетливо понимая, что от него требуется, но полный решимости сделать все наилучшим образом. Не прошло и минуты, как со стороны сирени послышался шум, треск сучьев, натужное дыхание Леонида.

— Поосторожнее, — предупредил Константин, не отрываясь. — Хозяйка жалобу настрочит...

— Какую жалобу, — искренне возмутился Губин. — Сама нас вызывала... Сиди тут из-за нее...

— А кусты при чем? Работать мы должны так, чтобы после нашего ухода никто не сказал, что здесь были неряхи. И так про милицию черт знает что говорят... Понял? Не подводи. Время попусту не теряй...

— Замусорено, Константин Никитич, сильно. Все, что ни попадя, из окон выбрасывают, а потом кричат, что грязь кругом...

Стажер был прав. У дома валялись самые разные предметы: сломанная брошка из алюминия с чудом уцелевшим зеленым камешком, размокшие сигареты, гнилое яблоко...

Автоматически перебирая пальцами ветки, ощупывая листья, разглядывая почву, Константин никак не мог понять, почему стекла оказались так далеко от окна. Метра четыре. Обычно при осмотре в подобных случаях их находят непосредственно у стены дома.

«Это ж надо так залезть, что ни следов не оставил, ни золотых вещей... Спрашивается, чего ему стоило «забыть» хотя бы один отпечаток пальца или ботинка. Не оставил! Все изъятые следы принадлежат хозяйке комнаты. На подоконнике — ее, на ноже — ее, на тарелке с хлебом — тоже ее! Со стамески следов пальцев, к сожалению, изъять не удалось. Вообще с этой кражей не везет — ни одного свидетеля нет. Хоть бы кто-нибудь видел или слышал преступника... Нет! Кража произошла в дневное время — все были на работе...»

— Константин Никитич, — снова окликнул Леонид. — Скажите, вы за годы работы не пожалели, что стали криминалистом? Мы перед выпуском спорили с ребятами — многие считают нашу работу чем-то вроде конвейера... Сегодня — стеклышки, завтра — нож с кровью, послезавтра — грязная одежда или еще чего-нибудь похуже... Изю дня в день одно и то же: ищи, ищи, ищи!

— На философию потянуло, или сомнения загрызли? — поинтересовался Константин.

— Да нет, просто так... Глаза с руками работают — стекляшки ищут, а голова не занята. Вот и подумал, что до учебы мне будущая специальность интересней казалась. Скажи мне кто-нибудь четыре года назад: «Двадцать седьмого мая сидеть тебе, Леня Губин, под сиренью и ковырять грязь и мусор...» — и скорее всего сегодня я бы здесь не сидел, а бороздил речные просторы... Я после армии в речфлот собирался. У нас в семье речники потомственные — дед, батя...

— Чего ж не пошел? — Константин в этот момент осторожно подрезал заточенным скальпелем кору и извлек небольшой осколок.

— Хотелось пожить самостоятельно; а жить было негде. В речном училище общежития не было, а в милиции казарма. Да еще старшина интересный попался, когда я в паспортный стол прописываться пришел... Пожилой, седой весь... Говорит: «Не бойся, парень, иди к нам. Первые три года трудно будет, а потом пообвыкнешься. У нас специалисты разного профиля работают: и врачи, и педагоги, и инженеры... Выбирай на вкус!» Вот я и выбрал. Фотографировать люблю!

— Ясно. А по поводу конвейера ты отчасти прав. Разубеждать не буду. Верно это при условии узкой специализации. Например, у дактилоскопистов, независимо от вида совершенного преступления, задача одна — изучай узоры, ищи совпадения, отмечай различия. Есть совпадения — считай, сопоставь, приди к выводу и гордись: преступник изобличен. Нет совпадений — работай более внимательно: не пропустил ли? Нет ли ошибки? Продолжай поиск!

— А как обстоит дело с творчеством? Нам в школе не раз говорили: криминалистика — это творчество... Вот до армии я работал на телевизионном заводе, так там творчества для рабочего никакого нет. В первое время интересно было: операции изучал. Сюда припаять желтенький проводок, сюда черненькую пуговку диода вставить, ножки прикрутить, к этим петелькам два винтика присоединить... На все про все минута времени, а работа для рук непривычная. Вечером, после смены, ребята в кино, а я — на койку. Да и то еле дотягивал. Через месяц руки попривыкли, научились все делать автоматически, и тогда пропали мысли в голове. Сидишь на стуле, крутишься, винтики с проводами прикручиваешь и ни о чем не думаешь... Хочешь — задачу в уме решай, хочешь — с соседом по конвейеру болтай... Здесь так не получится?

— Случается и так, — не спеша ответил Константин. — Порой копаешься с какими-нибудь следами, и такая вдруг тоска нападет, кажется, все! Бросишь и сбежишь куда глаза глядят... Ан нет! Приходится мучиться, но заканчивать... А что сделаешь? За каждым разбитым черепком, рваной газетой, куском стекла, за обыденной и будничной работой сто-

ит не серая безлика́я масса людей, а конкретные пострадавшие. Люди, по злой воле преступника выбитые из колеи обычной, спокойной жизни. Ты, Лёня, как-нибудь при случае посмотри в глаза потерпевших — в них места для нашей с тобой скуки нет... Им нужна помощь — скорая милицейская помощь. А теперь, философ, докладывай, чего пашел?

Леонид ссыпал с обрывка бумаги в ладонь три стекляшки, покрытых пылью и грязью. Константин поочередно осмотрел их, придерживая пинцетом.

— Эти два подойдут, — удовлетворенно подытожил он, отложив осколки в сторону. — А этот ты выбрал по ошибке... Кажется, он более зеленый и слегка скруглен. Проверь-ка на глаз, не от парфюмерного ли он флакона?

— И по толщине несколько меньше... — разочарованно сказал Леонид.

— Ну вот и пришли к общему знаменателю. Поехали в лабораторию?

На остановке троллейбуса народу было немного. Снегирев изнывал от жары. По давней неистребимо укоренившейся привычке он ходил на работу в костюме — зимой в строгом темного цвета, летом предпочтение отдавалось светло-серым тонам. Если становилось жарко, то пиджак висел на стуле, а рукава рубашки можно было закатать. Без пиджака, считал Константин, на работу ходить нельзя. Никогда не знаешь, куда придется выезжать, чем заниматься — после осмотра замызанной овощной базы вдруг придется собирать пыль из углов обширного кабинета министерства, осматривать автобазу или комнату в редакции центральной газеты...

Троллейбус все не шел, а в костюме было жарко. Леонид Губин, по молодости лет не признающий авторитеты, оделся легко — рубашка с коротким рукавом и куртка-ветровка. Честно говоря, эти два предмета на сегодняшний день составляли почти пятьдесят процентов его гардероба. Конечно, еще есть форменная одежда — китель серого топа и брюки с тоненьким кантом, но без особого на то приказа ни один эксперт добровольно не согласится надевать его на работу. С точки зрения эксперта, китель и брюки для криминалистов непригодны. Даже при таком примитивном лазанье под кустами усталость наступит быстрее. Константин с улыбкой подумал, что самым подходящим был бы скафандр космонавта: зимой легко и тепло, летом прохладно и пыль не проходит. А на овощной базе без скафандра не обойтись...

Появился долгожданный троллейбус. Константин и Леонид удачно пристроились на задней площадке. От нечего делать Снегирев незаметно поглядывал на своего попутчика. Леонид с пристальным любопытством изучал пейзаж за окном.

С точки зрения Константина, его нынешний стажер ничем особенным не выделялся из числа молодых специали-

стов, выпускников кафедр криминалистики, проходивших стажировку раньше. Парнишка внимательный, знания неплохие, только вот... Не правится Снегиреву то, что в суждениях Губина нет-нет да и проскользнет сомнение в правильности выбранного пути. Иногда казалось, что Леонид до сих пор не простил себе упущенную возможность стать речником. А что дальше? Стажировка — это цветочки, а ягодки — каждодневная работа, неприятные ассоциации судебной медицины — это впереди.

«А может быть, зря я придираюсь к парню? Разбрюзжался на старости лет. Незаметно, чего и говорить, пролетели годы — совсем недавно пришел на стажировку сам... Такой же зеленый и неуверенный...»

— Константин Никитич, — прервал его размышления Леонид. — А можно проверить стекла по химическому составу? Например, от одного опи куса или нет?

— Что с чем сравнивать собираешься? Тебя что интересует: технология исследования или конкретный случай из практики?

На лице стажера появилась открытая добродушная улыбка, продемонстрировавшая маленькую щербинку на переднем зубе:

— Все интересно. Скажите, Константин Никитич, можно ли доказать, что один кусок стекла и другой... — он прочертил пальцем круг в воздухе, — не имеющие общих границ раскола, из разных мест, отколоты от одного целого листа?

— Я не могу, — чистосердечно признался Константин. — Эта проблема не из моей области специализации... Анатолий Воронцов может.

На лице стажера появилась усмешка, полная едва прикрытого сарказма.

— Если ты думаешь, что эксперт знает все, то ошибаешься. Так, кое-что в других областях знаний, более или менее в соседних и досконально свою...

— Специалист подобен флюсу? — спросил Леонид, цитируя великого Козьму.

— Точно. Но по «флюсам» он должен быть наилучшим знатоком! Знай свой «флюс» досконально... Осмотр мест происшествия и поиск всех видов следов — это мое, дактилоскопия и все, что связано со следами пальцев рук, — мое, трасология, всякие там следы отпилов, взлома, сверления, куšanas, скольжения — мое, баллистика — мое, а вот химия... Извините, не мое! Пусть лучше Воронцов делает — он химик. Анатолий в таких делах дока! В прошлом году он, например, доказал, что кубик стекла от расколотого окна угнанного автомобиля, случайно обнаруженный в кармане задержанного, и осколки на асфальте раньше составляли одно целое. Он смог раскрыть самое первое преступление в длинной цепочке угонов и краж из автомобилей, и за этим

кубиком стекла размером три на три миллиметра потянулось восемнадцать нераскрытых преступлений... Понимаешь, Ленья, у нас особая задача. Мы не ловим живого преступника. Наша работа: отыскать его следы, всякие незаметные глазу пятки, ворсинки, осколки... Кроме специалистов по осмотру мест происшествия, этого не делает никто. Мы работаем ПЕРВЫМИ! Понимаешь, какое это доверие? Первым войти в помещение, где после преступника до тебя не побывал никто — ни уголовный розыск, ни следователь... Разве только Мухтар? Собаки трудятся раньше эксперта... — Константин осторожно проверил, не выпали ли из кармана собранные кусочки стекла. Все было на месте, и стекло не замедлило напомнить о своем присутствии уколom через бумагу.

Лаборатория встретила их тусклым блеском разложенных на столе вещественных доказательств, тщательно подобранных один к одному кусочков стекла. Множество бликов плясало на потолке. От двери казалось, что листы стекла целые. Впечатление было обманчивым. Заметить линии расколов можно было только с близкого расстояния. Зияли пустотой незаполненные пространства.

Конверт с привезенными осколками на столе. Торопливыми, но аккуратными движениями Константин разорвал бумагу. Склонился над столом. Стеклышки легко ложились на свои места. За другим столом работал Губин. Их работа напоминала детскую игру — мозаику.

Некоторые из осколков сразу попали на место, словно истосковались за время вынужденной разлуки по своим братьям, другие ни за что не хотели подчиняться. Стекол было два — наружное и внутреннее. Принадлежность осколка к наружной раме определялась легко — выдавал слой пыли и потеки дождя с одной стороны.

Константин протянул Губину маленький кристаллик:

— Посмотри, этот не от твоего стекла?

— У меня все на месте... — Леонид стоял и любовался результатами «реставрации». — Мне лишнего не надо...

— Ну-ка, покажи... — Константин повернулся к нему. — Ерунда получается, братец.

— Ничего не ерунда. Все осколочки подошли... — обиженно протянул стажер. — Все легли на место. Сами проверьте...

— Не-а, — решительно возразил Снегирев. — Смотри, так все вроде бы и в порядке, а если наклониться к твоей сборке под углом... — Константин присел и посмотрел вдоль плоскости стола. — Два куска ты взял не по праву. Видишь ошибку? А ну-ка давай, жадина!

Общими усилиями порядок был восстановлен. Осколки легли на свои места.

Фотовспышка запечатлела результаты работы.

В центре «окон» расколотые кусочки располагались вкру-

говую, будто до удара по стеклу прочертили циркулем с алмазной иглой. По периферии линии искривлялись, теряли округлость, места расколов становились хаотично изогнутыми, петляли и искривлялись.

«Наверное, сказались внутренние напряжения, — подумал Константин, припоминая прочитапную накануне статью о технологии литья стекол. — Температура плавления стекломассы достаточно высокая, и при остывании появляются внутренние напряжения. Бывают и «непропеченные» куски стекла, в которых попадают нерасплавленные крупинки и зернышки двуокиси кремния — самого обычного и привычного всем речного песка...»

— Лёня, — позвал склонившийся с лупой в руках Константин. — Позвони, пожалуйста, в уголовный розыск. Попроси прийти Никиту Комарова. Телефон где-то там на столе, на листочке записан... Для него есть любопытная информация...

— Ты голоден? — полюбопытствовал Константин, когда Губин исполнил поручение. — А то иди обедать... Меня не жди — я могу надолго задержаться... — Увлеченный увиденным в центральной части раскола, Снегирев не мог позволить себе оторваться от дела. Так, не отводя взгляда от стола, он и беседовал со стажером.

«Проверим под микроскопом? — спросил Константин сам себя. — Решающее слово за ним...» Он прихватил пинцетом осколок и не дыша перенес его на предметный столик прибора.

Хлопнула входная дверь. Комаров появился в лаборатории.

— Чем порадуете, Константин Никитич? — выпалил он от порога.

— Иди, дружок, радуй свое начальство. Еремеев, думаю, оценит наши усилия. Стекло разбито изнутри комнаты, и после этого все стекла по очереди выбрасывались в кусты. Работала, чтобы не порезаться, в варежках, на стеклах отпечатков нет! В комнате только ее следы, а чужих нет и быть не могло!

— Интересно! Значит, кражи как таковой не было! Вот почему и дверь ломали только так, для видимости... Мы тоже кое-что выяснили. Подопечная получила ордер на новую квартиру, в Свблове.

— Ну и что?

— Помните запакованные в коробки вещи?

— Конечно.

— Это она приготовилась к переезду, а напоследок решила заявить о краже.

— Для чего? — Константин недоуменно помотал головой.

— Выясняем. Кажется, хочет подвести под монастырь своего бывшего мужа и его родственников. Так сказать, прощальный поцелуй!

— Не совсем понял...

— У него всю последнюю неделю гостил брат из Воронежа, в прошлом судимый по сто сорок четвертой статье...

— Кража.

— Да. Она думала, что подозрения падут на конкретных лиц. Помнишь, она все приговаривала — как напьются, так ничего не соображают? Шатаются как угорелые... Наколку на них давала. Скромно, исподволь... А мы и клюнули! Признайся, трясли мужичков почему зря. Сколько они в отделении просидели?

— Восемь часов...

— Считаю, весь рабочий день, и если бы не эти стеклышки, долго им пришлось бы оправдываться.

— Да и сомневаюсь, чтобы у них это получилось. У нас отношение к такому контингенту известное...

— Она бы добилась, чего хотела.

— Вот бестия!

— Хочешь хороший совет?

— Конечно.

— В такой ситуации неплохо проверить ее место на работе, подруг и новую квартиру. Мне кажется, что там и должно быть искомое золото...

Притихший в кресле Губин весь обратился в слух и смотрел широко раскрытыми глазами на происходящее.

Ему казалось, что у экспертов работа второстепенная, вспомогательная: помощь следователю, оперуполномоченному уголовного розыска, БХСС, а в жизни, оказывается, все не так просто. Вон как внимательно слушает сотрудник МУРа соображения эксперта. Даже такие тонкости — где искать вещи в квартире, в каком месте они могут оказаться на работе — в сейфе, столе, в коробках из-под одеколona, в фене... Снегирев диктовал Комарову свои соображения, а тот внимательно записывал... Ну, чудеса! Похоже, что Комаров собирается все это делать...

— Вот все наши соображения по этому происшествию, — долетел до Леонида самый конец разговора. — Заключение — экспертизу дадим завтра утром за двумя подписями, — Снегирев кивнул в сторону Леонида. — Павлу Николаевичу от меня привет и поздравления с выздоровлением. Скажи, что в научно-техническом отделе его любят и помнят.

— Все любят чужое начальство, — шутиливо огрызнулся на прощание Никита и поспешил к себе.

Константин заметил сидящего в кресле Губина:

— А ты чего расселся, — он фамильярно потрепал Леонида по затылку: — делу время, потехе час...

— Принцип точный! — поддержал Леонид.

«А парнишка ничего... — внимательно наблюдал за стажером Снегирев. — Вот только его сомнения? Что делать с ними? Куда их отнести? Сколько ему лет? Двадцать четыре... или двадцать пять... Пора бы определяться, пора. Может, ос-

торопищает, не хочет прогадать? Прикидывает, чтобы раз и па всю жизнь? Поможет ли эта прикидка — жизнь в любви момент способна внести коррективы... Сколько хороших ребят ушло после тридцати — появился страх ответственности, персональной ответственности за свою подпись под заключением экспертизы. А к сорока? Ночные бессонницы, размышления о всех «за» и «против», мысленный поиск следов, построение версий, отыскание доводов в защиту подозреваемого... Подпись меняет жизнь людей, лишает их свободы, счастья, радости. Готов ли ты к этому, Леня Губин?»

Во второй половине дня время шло незаметно. Губина Константин отправил к дактилоскопистам перепроверять следы хозяйки компаты с окнами на юг, а сам, оставшись один, достал из сейфа материалы по делу о юных охотниках на голубей. Оттягивать эту работу было просто нельзя. Времени на размышления остается мало.

Замелькали синьки чертежей с планами домов, какие-то бумаги с торопливыми каракулями, на столе появился большой лист ватмана, остро отточенные карандаши, готовальня, липейки.

«Должен я доказать. Должен! Правда на нашей стороне», — убеждал себя Снегирев.

На ватмане постепенно, шаг за шагом, возникали контуры домов. Профильно выступали балконы. Вздрыблись крыши подъездов. В том месте, где у начертанного дома как бы удалена часть стены, тонкими карандашными штрихами был намечен детский манеж, ковер на полу. Окна начерчены в масштабе, манеж, пулевые пробоины — все абсолютно точно, па своих местах. Чертеж доказывает, что ни о какой пожарной лестнице не могло быть и речи, только балкон! А что скажут фотографии?

Константин приклеил к другому листу ватмана фотоснимки места происшествия. Особенно удачной была фотография, сделанная сквозь стекло: дом, стоящий напротив пораженных окон. Наиболее резко виден балкон на тринадцатом этаже с висящими на гвозде коньками — ведь он не был отделен от объектива стеклом, а спят сквозь бумажную трубку. В других местах снимок, сделанный сквозь стекло, не столь отчетлив.

Увеличенная до размеров газетного листа фотография уже сама по себе служила прекрасной иллюстрацией в пользу точки зрения эксперта. Константин с помощью угольника и циркуля определил точный центр просвета визира и, заполнив рейсфедер красной тушью, прочертил перекрестье... Точка пересечения легла на верхнюю грань перил!

— Стреляли с упора, — подвел итог рассуждениям Константин. — Облокотившись на перила. Теперь я в состоянии ответить на вопрос адвоката однозначно. Это моя точка зрения: «Да, уверен!»

За окном грозно прогрохотало. Яркие всполохи борозди-

ли налившееся свинцом небо. С севера к городу приближалась гроза, первая гроза года. Константин посмотрел на часы — рабочий день давно копчился.

«Наверное, так же, как это небо, будут завтра бушевать зал и защита. Особенно после слов судьи: «Заслушаем эксперта». Ничего! Мы еще поборемся с вами, товарищ адвокат. И за допущенные промахи отчитаемся в полной мере. Правда на нашей стороне!»

ВИТА БРЭВИС!

— Сколько едем, а ты все молчишь и куришь... Потерпевшую, что ли, жаль, так сама виновата — слишком со многими шапши крутила...

— Нет, я о жизни чего-то задумался — как жить дальше?

— Ты, случаем, не заболел? Может, деньги кончились?

Разговор в оперативной машине

Константин проснулся и не понял, что произошло. Жены рядом не было, а из прихожей раздавались приглушенные голоса.

«Кого принесла нелегкая? — он посмотрел на светящиеся цифры электронного будильника. — Половина второго... Спать бы да спать. Звонили или стучали?..» Он опять откинул голову на подушку и вслушался. Доносилось тихое всхлипывание, приглушенный плач. Константин отбросил в сторону одеяло, нащупал ступнями невидимые в темноте тапочки и нехотя поплелся в прихожую.

На табуретке у вешалки сидела соседка — женщина лет пятидесяти-шестидесяти. Константин знал ее плохо. Кто сейчас хорошо знает соседей по подъезду? Обычное обращение: «здравствуйте — до свидания», вот и все!

— Слушай, Костя, какая у Марии Ивановны беда... — Жена взволнованно смотрела на мужа, искала у него поддержки. — Что делать, посоветуй?

При этих словах женщина уткнулась лицом в носовой платок, и плечи ее судорожно затряслись.

— Что произошло? — Константин почесал ногу об ногу. — Толком можете объяснить!

— Борис умер! Только что...

Сына соседки он знал ещё хуже, чем ее. Неряшливо одетый, частенько «под мухой», неопределенного возраста мужичок, кажется, работал где-то токарем или фрезеровщиком. Главной его чертой была незаметность.

— Да ну! — удивился Константин. — А чего это с ним? Вроде недавно видел — в порядке был...

— Сердце у него... Жаловался в последнее время... — сквозь слезы ослабевшим голосом пояснила женщина.

— Посоветуй, что делать? — Светлана вопросительно смотрела на мужа. — Куда звонить?

— «Скорую» надо вызвать, — сказал Константин. — Смерть зафиксирует, а потом уже все остальное... Пойду посмотрю... — Он распахнул дверь квартиры и вышел на площадку как был, в трусах и майке.

Дверь седьмой квартиры была распахнута настежь. Борис лежал на диване, лицом вверх. Черты заострились, щеки ввалились, и кожа была заметно белой, отливала еще не в синеву, а скорее в зелень — может, виноват был скудный свет абажура. Константин принял лицом к умершему. Дыхания не ощущалось. Приложил ухо к груди — тихо. Температура на ощупь была нормальной, как у живого человека, из чего Константин сделал вывод, что умер Борис недавно — может, прошел час, а может, два...

В дверях Константина встретили испуганно-изумленные глаза жены... Она, наверное, видела, как он переворачивал покойного со спины на грудь — проверял, не появились ли еще трупные пятна, и была в ужасе от увиденного.

В своей квартире Константин набрал номер «Скорой помощи». Представившись по должности, попросил выслать бригаду. Пояснил, что особенно можно не торопиться — Борису помочь все равно уже нельзя. Константин говорил какие-то малопонятные женщинам, но, видимо, знакомые врачам слова, потому что из телефонной трубки спрашивали — это было слышно — и он отвечал. Закончив разговор, он повернулся к женщинам и коротко сказал:

— Надо ждать. Приедут...

— Ну, я пойду, — плача, сказала соседка. — Буду ждать... Ах, Боря, Боря... — в голос запричитала она. — Сыночек, на кого ты меня покинул... Горе-то какое, господи...

Жена посмотрела на Константина снизу вверх и в раздумье пробормотала, как бы спрашивая совета:

— Надо что-то делать. Как помочь?

— Что ты сделаешь? — с легким раздражением буркнул Константин. — Финита ля комедия...

— Надо хотя бы посидеть с ней — нельзя же оставлять ее совсем одну в таком горе.

— Ну, посиди, — охотно согласился Константин. — Только тебе завтра на работу...

— Где у нас валерьянка? — засуетилась жена.

— Где, где, в шкафчике на кухне. Возьми на всякий случай нашатырь и вату... Мало ли что... — зевнул он.

Жена заметила зевок и снова посмотрела испуганно-удивленно. Только теперь в ее взгляде появилось что-то новое... То ли недоумение, то ли раздражение. Константин этого не заметил и пошел в ванную комнату мыть руки — это прочно вошло в привычку, было доведено до автоматизма — будь то

осмотр места происшествия или посещение анатомички — при первой возможности сильная струя воды и мыло.

— Порядок! — Он посмотрел на розовые пальцы с аккуратно подстриженными ногтями. — Теперь можно продолжить прерванные занятия... — он сладко зевнул, потягиваясь.

Жена была еще дома — она переодевалась, меняла халат на темное платье, подходящее к печальному моменту, достала черную косынку...

— Дверь за тобой прикрыть или возьмешь ключи? — спросил Константин, укладываясь.

Светлана подошла к нему, села на краешек тахты и твердо, незнакомым, с чужими интонациями, голосом сказала, словно отчитала:

— А ты, оказывается, сухарь! Хоть бы посочувствовал...

Константина как будто окатили кипятком. Он не мог понять, что произошло в эти минуты, — казалось, только что все было нормально, и вдруг такие слова... Он хотел что-то ответить, но застыл с открытым ртом. Не дождавшись ответа, Светлана вышла из комнаты, и тотчас послышался щелчок замка входной двери. Сна как не бывало. Он сел на кровати, помотал, недоумевая, из стороны в сторону головой, будто пытался прогнать наваждение. Нет, никакой ошибки не было — такого ему не доводилось слышать ни разу за все годы семейной жизни. И главное, за что? Из-за кого? Черт бы побрал этого алкоголика...

Константин пошел на кухню, зажег свет, достал из шкафчика «обойму» крохотных таблеток тазепама и выпил сразу две штуки... Хоть еще поспать немного... В принципе до семи времени достаточно...

Он кряхтя лег на кровать и повернулся на бок. Тело чувствовало свежее, только вчера заправленные, простыни. Стал думать о том, что произошло, вспоминать слова жены...

Спать не хотелось! Он понимал, что надо как-то разобраться в этой ситуации, надо искать пути примирения, но как это сделать? Сначала хорошо бы осознать вину... Он и не заметил, как мысли его обратились к привычной обстановке работы, службы, в памяти пронеслись самые разные картины, а потом осталась одна, а остальные таяли, таяли и растворялись в сумерках сознания... Константин помнил тот выезд так отчетливо, что можно было подумать — произошел он только вчера, а он был давно и даже не в этом городе...

Все дома в Прикумске стояли на сваях, словно сказочные многоэтажные избушки. Это была не прихоть строителей — этого требовала вечная мерзлота...

В первый момент, когда хлопнула задубевшая от мороза дверь подъезда, разглядеть что-либо было трудно. Тусклая

сорокасвечовка, болтавшаяся на недосыгаемой высоте, была засижена мухами. Протереть ее никто не удосужился — родителей за общественное не нашлось.

У Константина сложилось впечатление, что жители чувствуют себя в этом городе временными постояльцами, которые приехали в Прикумск, чтобы быстро заработать «длинные рубли» и вернуться домой. По мнению прикумчап, обращать внимание на такие мелочи, как тусклые лампочки, обшарпанные стены подъездов, сорванные поручни перил, мусор на улицах, не стоило — пусть, по крайней мере, этим занимаются те, думали они, кто приехал работать в жилконторы всякими там дворниками, плотниками, саптехниками...

Безразличие приезжих постепенно вошло в кровь и обычаи местных жителей.

С верхних этажей, из квартир, доносилась приятная музыка, раздавался веселый смех, голоса. Снизу, из-под лестницы, слышалась методичная капель из неплотного сочленения отопительных труб.

— Осторожнее, товарищи, — предупредил недовольный голос.

Константин узнал его — он принадлежал оперуполномоченному Алексею Локтеву. С Алексеем они работали пе первый год и научились понимать друг друга с полуслова.

— Тут наледь под батареей... — повторил Алексей. — Не поскользнитесь!

Константин послушался совета и шагнул в сторону. Что-то невидимое больно стукнуло в бедро, деревянно загрохотало по полу. Кажется, это был сорвавшийся поручень перил...

— Снегирев, — на плечо легла рука Алексея. — У тебя, кажется, фонарь есть?

Константин щелкнул замками экспертного чемодана и на ощупь отыскал немного помятый алюминиевый цилиндрик китайского фонарика. Нажав на его кнопку, Константин с удивлением обнаружил, что гореть он не собирается. Может, села батарейка, перегорела лампочка...

— Контакт отошел? — предположил Алексей. — Потряси!

Энергичные встряхивания помогли. На стене, словно нехотя, появилось круглое пятно света.

— Порядок, — донесся из-за спины Константина голос следователя прокуратуры Атласова — крупного, почти двухметрового роста якута. Это был холеный мужчина с ароматом дорогого французского одеколона, в остродефицитной ондатровой шапке. — Пошли, что ли... Где тут труп? — оперным басом произнес он.

Приехавшие один за другим направились по узкому проходу между пролетом лестницы и стеной. В самом углу зиял темный провал люка, закрытый решеткой. Ее прутья были

покрыты то ли ватой, то ли паутиной, прилипшей к ржавой поверхности.

Локтев решительно сунул в карман меховой куртки щегольские замшевые перчатки, не очень подходящие к прикумским морозам, и, преодолевая брезгливость, ухватился за прутья голыми руками...

— Не похоже, чтобы здесь лазили. Может быть, опять ложный вызов? Второй за день... — пробурчал Атласов.

— Кто знает... — Локтев сильно дернул решетку, но она не поддалась.

— Вообще-то для лиц без определенного места жительства обстановка подходящая, — впервые подал голос маленького росточка судебный медик, переступая замерзшими ногами. — Люк не заперт...

— Охота бомжам на такую высоту лазить, — возразил Константин. — От пола до нижней части люка метра полтора будет.

— Холод не тетка — заставит!

Локтев дернул решетку еще раз. Константин, зная силу оперуполномоченного, ожидал, что сейчас раздастся скрежет раздираемого по сварным стыкам металла, треск деревянной рамы, но этого не произошло — железное кружево неожиданно легко вывалилось наружу. По грязному кафелю прозвевел откатившийся в угол кривой гвоздь...

— Твою в бога душу... — с досадой вырвалось у Локтева. Он слизнул выступившую из садины на пальце кровь. — Попастроили всякой ерундистики...

— Как прикажете залезать? — съехидничал холеный Атласов. — Лично я не из секты прыгунов. Может быть, найдется какая-никакая лесенка?

— По решетке заберемся, — Локтев говорил, не отрывая поврежденного пальца от губ, отчего слова прозвучали: «По р-р-р забер-р-р-р...» Но его поняли, так как он для пущей ясности еще постучал ногой по прислоненной к стене решетке. — Сейчас я залезу и помогу...

Локтев сбросил и отдал Константину куртку. Оставшись в одном свитере, налегке, запросто проник в люк. Через некоторое время из технического этажа, располагавшегося по ту сторону люка, показалась его рука с уже замотанным носовым платком пальцем.

— Давай, Михалыч, пятерню! Тебя буду втягивать первым, как самого «портативного» и покладистого.

Игорь Михайлович Григорьев — судебный медик, несмотря на русскую фамилию, был самый что ни на есть коренной житель и очень гордился тем, что его прапрадедственника окрестил сам казачий сотник Петр Бекетов, прибывший в дальние края со служилыми людьми для «государева ясачного сбора». И до сих пор чудом не разваливающийся от времени и дряхлости домик, знавший и казачьего сотника, и ссыльных революционеров времен Чернышевского, верой и

правдой служил Григорьеву и двум его малолетним дочерям. Покойная жена частенько говорила Игорю Михайловичу: «Сходи в исполком, стукни кулаком по столу... Сколько можно терпеть, цепляться за эту рухлядь? Глянь в окно — бекетовский острог который раз уже ремонтируют! Почитай, к каждому юбилею... А наша развалюха? Я в ней себя чувствую музейным экспонатом...»

Григорьев ходил куда положено. Его выслушивали, соглашались, вежливо кивая головой, и все оставалось как прежде...

— Чего сказали? — с усмешкой пыталась жена.

Григорьев долго молчал, не спешил с ответом, ходил по комнате, беспричинно и долго пил воду, а потом нехотя выдавливал из себя:

— Обещали учесть... Велели заявление написать... Говорили о сложностях со строительством на Крайнем Севере...

— Почему-то не для всех одинаковые сложности, — распалялась супруга. — Смотри, местные милицейские руководители за последние годы почти все переехали в новые квартиры, а старые не сдали — детишкам да шоферам личным оставили... В исполкоме, обкоме — то же самое! В торге, как водится, поступили так же... Ну, погодите! Соберусь и напишу, куда следует!

Не успела...

— Ты, Михалыч, не обиделся за «портативного»? — опомнился Локтев.

— Я не против, однако... — откликнулся Григорьев. — Современный человек должен быть маленьким, будто из транзисторов сделанный. Вон, посмотри на Атласова, видишь, какой здоровый, словно сохатый, — он наверняка на лампах... — последние слова он говорил уже из техэтажа, куда его втянул вместе с его саквояжем Локтев.

— Теперь, в порядке мелкого подхалимажа, поднимаем криминалистическую интеллигенцию...

— Вира помалу! — Константин сунул вперед себя тяжелый чемодан со сложной начинкой.

Несмотря на пятидесятиградусный мороз, царивший на улице, загоняющий в квартиры все живое, здесь, под лестницей, под всем первым этажом дома, было не только тепло, но и жарко. Вдоль стен уходили в темноту толстые трубы отопления, кроме них, высились колонны канализационных, тут и там виднелись тонкие водопроводные.

— Где прикажете искать? — кряхтя, произнес залезший последним не без помощи Локтева Атласов. — Темно, как ночью под одеялом... От одних запахов можно очокуриться...

Константин только сейчас, после слов Атласова, почувствовал запах прели, плесени, нечистот.

Оперативная группа медленно двинулась по бетонному лабиринту, освещая путь фонариком. Кое-где трубы преграждали путь, тогда через них приходилось перелезть.

На степе в полумраке блеснула стеклянная сфера лампочки. Константин притронулся к лампе — она легко вращалась в патроне, и через мгновение вспыхнул показавшийся ослепительно ярким свет.

На цементном полу, в нише, образованной П-образно изогнутыми трубами отопления, на куче тряпья лежал, подтянув ноги к животу, рыжебородый старик. Тело было накрыто рваным женским пальто с древним песцовым воротником, по остаткам меха которого можно было предположить, что песец этот бегал еще во времена «ясачных сборов».

— Алкаш! — безапелляционно, тоном, не терпящим возражений, сообщил Локтев. — Не обманули в этот раз... Адрес точно указали!

— Да... Какова жизнь, такова и смерть... — с деланной печалью в голосе изрек Атласов, привычно раскрывая припесенную с собой папку с бланками протоколов, чистыми листами. — Давайте работать по-быстрому... Полчаса на все — фиксацию, констатацию, осмотр! Вечером «Динамо» со СКА играет — хорошо бы успеть... Случай простой — криминала, сразу видно, нет... — Он поискал глазами Локтева. — Алексей Петрович, пригласите откуда-нибудь понятых. Может, из квартир первого этажа согласятся...

Константин вытащил из-под труб полусломанный ящик и положил на него чемодан. Достал фотоаппарат, вспышку...

Смерть, в самых ее разных видах, иногда со спокойной безмятежностью на лице, чаще с гримасой боли и отвращения, давно выработала у Константина спокойное, философское отношение — встречаться с ней приходилось часто, постепенно она стала настолько привычным явлением, что перестала волновать, а вызывала только чисто профессиональное любопытство — отчего? Когда наступила? Кто виновник?

«Стоп! — Константин провел холодной ладонью по лбу и сел на кровати. — В этом что-то есть... Философское отношение профессионала? Или отчужденность? Огрубление? Но не с рождения же это — явное приобретение! — Он поплелся на кухню и долго звенел стаканами, гремел чайником... — Так было не всегда...»

Привыкание к смерти у Константина проходило болезненно, с коренной ломкой по-детски нежного «я».

...Пятнадцатилетний мальчишка впервые увидел неохватное, пронзительно большое море. Блестящая гладь воды появилась перед глазами неожиданно: только что по обеим сторонам шоссе глухой стеной громоздились замшелые камни, пробегали жизнестойкие деревья, колючие кустарники и вдруг — ОНО! Бирюзовое! Спокойное! Очень теплое! Ласковое!

Внизу — домики с красными черепичными крышами.

Еще невидимые с перевала прибрежные дорожки и тропинки легко угадывались по выстроившимся, будто солдаты на параде, кипарисам. А какой, наверное, там, у моря, аромат цветов! Запах моря!..

Все было торжественно и необычно. Вдруг пронзительная мысль поразила мальчика:

«НИКОГДА! Больше такого я НИКОГДА не увижу! Оно не повторится — никогда не повторится это мгновение, эта минута жизни, этот восторг! Счастливое состояние души, рожденное этой картиной, уже уходит в прошлое. В будущем осталось на одну минуту меньше... Ой, еще на одну! Все будет таким же — и дома, и деревья, и море, а меня не будет!

Липкий черный мрак вечности впервые коснулся сознания Коськи. Горло схватила судорога, во рту стало сухо, и он горько заплакал, повторяя раз за разом: «Не хочу-у-у, не хочу-у-у-у...»

С годами острое чувство неизбежности смерти притупилось, но не настолько, чтобы без содрогания, пусть секундного, пройти мимо кладбища. Траурные звуки духовых инструментов, доносимые ветром с отдаленной улицы, возвращали страх. В такие моменты Константин застывал на месте и по привычке обшаривал глазами пространство, окружающий пейзаж, пристально рассматривал каждую былинку под ногами, словно ощущая бренность бытия, пытался запомнить все это прочно и навсегда...

Из-за этого страха Константин не смог себя пересилить и пойти вместе с бывшими одноклассниками хоронить школьного товарища — Валерку Степанова, с которым не один год сидел за одной партой, гонял в футбол, ходил в походы... Впрочем, именно потому, что он отсутствовал на похоронах, Валерка всегда вспоминался веселым, заразительно смеющимся, озорным...

Сломался Константин после смерти матери. Тогда и наступило почти полное безразличие.

Через два года Константин совершил поступок, которому удивлялся всю последующую жизнь, — он, без пяти минут инженер, без каких бы то ни было предварительных звонков по телефону пошел в милицию и попросился в криминалистику. Пожилой майор-кадровик, недоверчиво, с опаской и излишней придирчивостью перелистал документы, куда-то позвонил и направил на собеседование.

Лет через пять, после полного курса спецподготовки, Константин, преодолевая себя, начинал в шестой или седьмой раз осматривать комнату, где в кресле едва умещалось располневшее от тепла и времени тело молодого самоубийцы. Выскочив в очередной раз под насмешливыми взглядами коллег «на секундочку» в туалет, Константин, весь зеленый, начинал осмотр в восьмой раз...

Вспыхнувшая фотовспышка ослепила, заполнила резким мертвенно-белым светом техэтаж, осветила склонившегося над стариком Григорьева, уходящего назад, к люку, Локтева...

— Алексей! Подожди! Не надо понятых! — неожиданно закричал Игорь Михайлович.

— Локтев! Срочно! «Скорую»! Пульс прощупывается! Живой, однако, еще... Не опоздать бы... Эхма! — Его движения были быстрыми, суетливыми...

Локтев, чертыхнувшись, ринулся к выходу, быстро перелез через трубу, под ногами зазвенела отлетевшая в сторону банка, сложившись вдвое, он не вылез, а скорее выпал из злополучного люка наружу. Грохот входной двери подъезда возвестил о том, что Алексей побежал на улицу к телефону-автомату.

«Зря! — подумал Константин. — Надо было стучаться по квартирам... Хотя... — он посмотрел на часы. — Десять вечера — могут и не пустить. Поздновато!»

— Давайте, ребята, быстренько сообразим какую-нибудь подстилку... — Григорьев сбросил свое пальтецо. — Надо его переложить и нести к выходу...

— Ты ему сначала лекарство какое дай... — нехотя начал расстегивать куртку следователь. — Врач все же!

— Кабы знать, — в сердцах выругался Григорьев. — Мне лекарства иметь не положено. Не тот профиль... Вожу с собой на всякий случай нашатырь. Так он здесь ни к чему...

— Перекладывать-то его можно? — поинтересовался Константин. — Хуже не будет?

Вопрос остался без ответа. Старика быстро, но достаточно осторожно подняли с пола, переложили на пальто Григорьева и медленно, стараясь не делать резких движений, поволокли к перегородившей путь трубе. Атласов, так и не решившийся снять свою красивую куртку со множеством «молний», нес позади чемоданы экспертов. Старика положили на трубы. Он лежал на подстилке лицом вверх, и его наконец-то можно было рассмотреть. Рыжая, давно нечесанная и пестриженная борода рассыпалась поверх ветхого джемпера...

Григорьев и Снегирев переползли через горячую коммуникацию, снова взялись за края пальто-подстилки и понесли старика к люку.

— Кладем! — скомандовал Григорьев, опуская ношу на цементный пол.

— Дальше пока не понесем. Холодно! Дождемся «скорой»...

Алексей осмотрелся — на полу мусор, остатки цементного крошева, невесть откуда взявшаяся листва деревьев, обрывки газет, окурки... Он подошел к люку и выпрыгнул наружу.

— Далеко, Константин? — из окошка высунулся Атласов.

— Пройдусь по квартирам. Может, у кого валидол или нитроглицерин есть... — Он шагнул в сторону лестницы.

— Валидол? — переспросил Атласов. Он аккуратно, стараясь не испачкаться, спускался вниз по решетке. — Думаешь, поможет?

— Что-то делать надо!

— Я думаю, — отряхивая брюки от пыли, сказал следователь, — домой топать надо... Убийство не подтвердилось, смерти, как таковой, нет. Чего терять время! По крайней мере, всем тут торчать нечего...

— Что предлагаешь?

— Кого-нибудь оставляем, чтобы дождался «скорой», написал бригаду — помер, фамилии, для справки и подстраховки, а остальные — «дранг нах хауз»! Нечего здесь пыль глотать...

— Бросим на пальцах?

— Я остаюсь... — долетел голос Григорьева. — Мне надо остаться, я врач.

— Ну, вот и прекрасненько. Пошли, Константин?

Снегиреву не понравилась атласовская постановка вопроса, но ссориться с прокурорскими — дело никчемное...

— Идите, Вячеслав Захарович... — спокойно, не объясняя своего поступка, сказал Снегирев и решительно пошел вверх по лестнице: ему было жаль оставлять Григорьева и Локтева, все же приехали вместе.

Дверь в квартиру открылась после долгого, непрекращающегося, требовательного звонка. На пороге стояла полная женщина в цветастом халате. Из комнаты доносился приглушенный голос телекомментатора. Матч был в самом разгаре. Женщина, не задавая лишних вопросов, вынесла Снегиреву цилиндрок с валидолом. Отделив одну таблетку, он поблагодарил женщину, а она на прощание окинула его подозрительным взглядом — слишком не походил на сердечника этот розовощекий мужчина.

Атласов уже ушел.

— Игорь, — позвал Константин медика, — я валидол принес...

Григорьев не успел ответить, так как за спиной Снегирева громко бухнула дверь, и, окутанный морозным облаком, вошел запыхавшийся Локтев. Внешне он был как всегда уравновешен и деловит — разве только сбившаяся на затылок шапка да распахнутая куртка говорили о спешке.

— Так, мужики, все сделано!

— Какой назвал адрес? — из люка показалась голова Григорьева.

— Улица Пояркова, дом сорок пять, третий подъезд. Ситуацию обрисовал, попросил побыстрее...

— Молодец. Спасибо тебе... — поблагодарил Григорьев.

— Как он там?

— Дышит.

— Отлично! — Локтев достал из кармана мятую пачку «Явы» и вытащил сигарету. — Тут такое дело... Позвонил

в дежурную часть — для меня работа появилась... Если не возражаете, — в голосе послышались извиняющиеся интонации, — я побегу. Справитесь вдвоем?

Григорьев не стал ему говорить, что Атласов уже ушел. Промолчал и Константин, подумав о том, что, конечно же, интереснее посмотреть матч в прямой трансляции, чем слушать информацию о нем в утреннем выпуске «Маяка».

— Ну, я тогда побегу, мужики... — Алексей неуверенно протянул руку Константину. — До завтра!

— Счастливо! — Прощание получилось вялым.

— Запиши, Костя, номер бригады врачей... Надо подстраховаться на всякий случай — вдруг помрет бичина...

После ухода Локтева в подъезде воцарилась столь глуповатая тишина, что опять стало слышно, как капает вода из стыков труб да натужно с хрипом дышит старик. Алексею показалось, что, почти как в самолете при наборе высоты, ему заложил уши.

— О-о-о-о-л! — взорвался вдруг подъезд всеобщим ликованием. Звуки летели сверху, с боков, многократно отражались от застуженных стен дома.

«Интересно, кто забил? — подумалось Константину. — Хорошо бы, если наши... Динамовцам очко не помешает!»

— Вита брэвис! — громко, отчетливо произнес Григорьев со своего места. — Как говорили древние: жизнь коротка!

— Что? — встрепетулся Константин. — Умер?

— Пульс, однако, слабый... Зато дыхание стало ровнее...

— Слушай, Игорь, а что будет, если он сейчас решит отдать швартовки и фью-ю-ю... Пока вчетвером были — жил, а сейчас возьмет и помрет. Как раз к приезду «скорой»! Чего доброго, по судам затаскают — скажут, что оказали помощь не в полном объеме... И все из-за какого-то проклятого бомжа... Сват он, что ли, брат!

Григорьев с неожиданной быстротой спустился вниз. Вышло это у него так ловко, что Константин удивился, насколько он подвижен и энергичен для своих шестидесяти лет.

— Ну-ка, подвинься... — Григорьев присел на краешек экспертного чемодана. — Давай посидим, покурим... О жизни подумаем.

— Чего о ней думать... — буркнул Константин, решавший в уме сложную задачу — что будет, если старик умрет. Придется отвечать или нет...

— Не скажи, — возразил Григорьев, — думать надо... Жизнь — штука сложная, каверзная...

Поделиться своей точкой зрения на жизнь он не успел — с улицы послышался шум двигателя машины, стук дверцы.

— Ну, вот и приехали... — Константин с облегчением поднялся, с наслаждением потянулся, размял занемевшие ноги.

Общими усилиями старика спустили вниз, положили на носилки. Константин по привычке, автоматически отметил

диагноз — кома. По полу покатались в сторону тоненько позвякивающие пустые ампулки из-под лекарств. После укола старика накрыли казенными байковыми одеяльцами. Скрипнув колесиками, носилки исчезли в чреве машины. Прощально мигнув на повороте, «рафик» растворился в морозном тумане.

— Вот и дождались! Пошли по домам... — Григорьев хлопнул Константина по плечу. Дежурство кончилось.

Они медленно, спешить было больше некуда, шли к шоссе.

— Ты что-то хотел сказать... — напомнил Константин. — Помнишь?

— Да... Жили двое мальчишек-одногодков. У одного дома патефон и занавески, а у другого мать работает уборщицей в музее и ничего подобного нет в помине. Ребята, как это водится, на такие вещи внимания не обращают — бегают в школу, гоняют в футбол, девчонок за косы дергают... Только все, что одному дается легко, другой достигает большими усилиями. Да еще незадача — сын уборщицы росточком не вышел. Годам к пятнадцати это сильно заметно стало. Появились разные интересы, у каждого свои друзья. Дружба остыла до такой степени, что закончилась тумаками. Очень, понимаешь, долговязому отличиться захотелось перед новыми приятелями... Окончательно разошлись их пути — удачливый уехал на материк, вернулся через годы уже музыкантом, устроился в театр. Хорошо играл — я не специалист, но и то понимал — первой скрипкой в оркестре слыл. А его неудачливый приятель знай себе тянет с покорностью лямку — может, и работа не по нем, да семью кормить надо, дети опять же появились. И у музыканта дочка родилась. Кварту от театра получил в самом центре. Жил — дай бог каждому! А потом пропал. Ни в оркестре его нет, ни дома... — Григорьев выразительно щелкнул пальцем по кадыку. — Говорят, пристрастился сильно... Где он? Что с ним? Видели и там, и там... А потом, ближе к зиме, обосновался в рабочем городке, у бани — сидел на лавочке и пытался намузичивать на стакан. Хотели его вернуть, да куда там! Сгреб его однажды дирижер в охапку и домой. А через полгода смерть жены, и все сначала. Дочка, взрослая уже барышня, замуж вышла — отцу условие: либо — либо! Не смог он себя преодолеть...

— Теперь и не сможет! — безапелляционно заметил Константин. — Как ты там по-латыни говорил? Мудреное что-то...

— Вита брэвис! — усмехнулся Игорь Михайлович. — Жизнь коротка, и, если хочешь знать, никогда не поздно сделать что-то для сохранения души... Надо только знать, как вернуться к ее изначальному состоянию. — Он прижал перчатку к груди. — Не надо думать, что у меня здесь бесстрастные транзисторы.

— Вернуться? — не понял его Константин и пожал плечами. Он стоял и смотрел, как удалялась в морозной дымке маленькая фигурка...

— Вернуться? — он все еще сидел на кровати. На часах половина шестого... Он так и не уснул после разговора с женой. Сидел и вспоминал... Всплывшие из глубин памяти слова рождали новое, непонятное чувство.

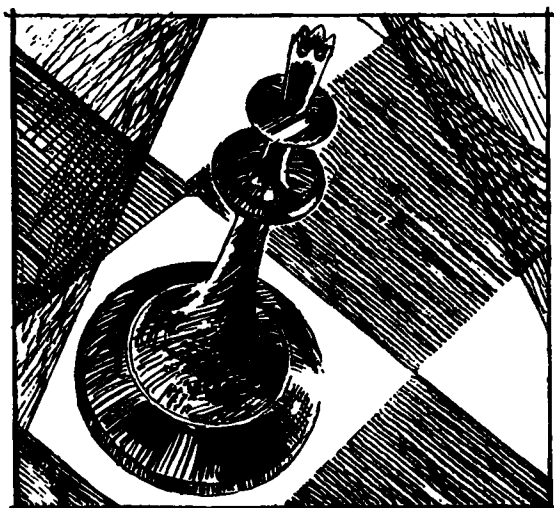
Вдруг он почувствовал, что между пальцами руки находится что-то белое, круглое. Константин не мог понять, откуда взялась таблетка валидола...

«Вот какая глупость вышла, — с жалостью подумал он. — Забыл все ж старику отдать. — И тут же, сообразив, спохватился: — Господи, о чем это я! Это когда было...»

Нашарив на привычном месте одежду, он натянул брюки, олимпийку и медленно, еще не решив до конца, куда идти, что делать, борясь сам с собой, поплелся к двери...

ГАМБИТ «ЧЕРНОГО КОРОЛЯ»

ПОВЕСТЬ

«Большинство шахматистов не любят проигрывать и считают проигрыш чем-то позорным. Те, кто хочет совершенствоваться, должны смотреть на свои проигрыши как на уроки и учиться по ним — чего избегать в будущем. Вы должны также быть решительными в ваших суждениях. Если вы думаете, что ваш ход хорош, делайте его!»

*Хосе-Рауль Капабланка,
чемпион мира*

Сложившаяся ситуация Утехину не нравилась. В который раз он мысленно переставлял местами фигуры, вел в атаку коней, а выхода не было. Похоже, эту партию он проиграл... Как это произошло? Когда наступил сбой? Не заметил... Вроде и не было грубых ошибок. Фигуры выдвинул вперед и повел в наступление без задержки, не пренебрегал защитой, а поди ж ты...

«Ход! Ход! Ход!.. — то и дело повторял он про себя, шаря глазами по клеткам. — Нужен лишь один!»

Обиды к сопернику быть не могло — игра честная, по первому разряду.

Поиграть ребятам удавалось нечасто. Совместные дежурства выпадали два-три раза в месяц, да и в эти сутки хватало служебной суеты и сутолоки, и лишь вечером, когда разбредется по домам начальство, можно было рискнуть и достать расчерченную на черные и белые квадраты доску.

Обычно на блицпартию хватало пяти минут, но подобную игру считать серьезным занятием нельзя. О тщательном анализировании ходов в пятиминутке смешно и говорить. Сегодня за шахматной доской коллеги проводили второй час.

Андрей разряда не имел, но играл прилично. Любил поразмышлять над шахматной задачкой из какого-либо журнала. Вырванные у неистово сопротивляющегося противника победы доставляли удовольствие обоим, ценились.

Сейчас в голосе Федотова слышалось ликование:

— Попал на щит? Сдаешься?

Андрей сосредоточенно морщил лоб, но с ответом не спешил, — просчитывал варианты. Поле битвы радости не сулило. Черный король, казалось, зажмурился от ужаса, плотно сомкнул резные деревянные веки. Его надо было спасти!

— Сегодня ты не в ударе... — довольно пробасил следователь, глядя, как Андрей бережно взял короля и с сожалением о закончившейся партии отставил его в сторону, — по их уговору такой жест означал признание поражения. — Хочешь, покажу варианты? — Федотов вновь стремительными порывистыми движениями расставил фигуры, как они стояли в первые минуты матча — как только ему

удалось запомнить? — Видишь, — продолжал он. — Твой левый фланг уязвим...

— Есть противодействие, — не согласился Утехин. — Конь на С4 отлично держит фигуры, а ладья и ферзь готовы к удару... Скажи?

— Я это видел. Ферзь на Ф7, и твоя новоявленная защита имени его черного величества трещит по швам... Суеты много, а результат неизвестен...

— Как знать, можно попробовать доиграть...

— Гамбит «черного короля»? — Федотов мельком посмотрел на часы. — Ух ты! Времени-то сколько... Пора перекусить! Хочешь стакан чая и бутерброд?

Андрей покачал головой:

— Схожу домой. Сбегаю быстренько туда-сюда. И прогуляюсь, и перекушу.

— Была бы честь предложена... — заметил Федотов, собирая фигурки в футляр. — Слушай, а где черный король? — Он заглянул под стол, приподнял папки на столе. — Не видел, куда он запропастился?

— Плюнь, потом найдется! — Андрей взял у него футляр и положил на шкаф.

— Собираешься еще работать сегодня?

— Да, накопилось дерьма, как в авгиевых конюшнях... Не разобраться никак, не расчистить...

— Собрался ужинать — ужинай! — посоветовалследователь. — Потом и голова свежее будет...

— В этом ты прав, — Утехин обвел тоскливым взглядом свой убогий тесный кабинетик с мрачно-зелеными стенами, серым сейфом, обшарпанным шкафом, и ему еще сильнее захотелось домой, пусть ненадолго, хоть на полчаса — лишь перекусить, и обратно.

Давно ушел к себе на четвертый этаж Федотов, наверное, уже достал из-за шкафа раскладушку, заварил в стакане чай и приготовился к неуклюжему служебному отдыху, а Андрей все сидел, уставившись в одну точку, и решал задачу — удастся попасть домой или нет.

Смущало одно обстоятельство — надо отпрашиваться у дежурного... Когда заступаешь дежурить на сутки, теряешь право распорядиться собой. Всем руководит человек за пультом...

Сегодня дежурил Филипп Степанович, и вопрос решался довольно просто — живет Андрей в десяти минутах ходьбы. Телефон дома есть. Если что — раз, два, и он тут как тут! Раньше было проще: сел на личную машину и поехал... Будь проклят тот день!

Однажды утром он не обнаружил у своего дома светло-зеленого любимца. Исчез! Как в воду канул! Казалось бы, все ясно: надо заявить о пропаже, но исчез «Жигуленок» с

родной подведомственной территории, и, пользуясь официальным капиталом, Андрей вешал на баланс своего отдела уголовного розыска еще один «висяк» — нераскрытое преступление... Так или иначе, но жалость взяла верх, и на третий день Андрей втихую признался коллегам, что машину, владельцем которой значился он — капитан милиции, уперли прямо из-под носа. Сообщил, что его личные поиски успехом не увенчались. Отправленные в тот же день во все концы города и области телеграммы: «...Примите меры к розыску» (через неделю формулировка в депешах усилилась и началась словами: «Придавая особое значение розыску») — результатов не дали. Управленческие ребята не знали, плакать им или смеяться. Машина исчезла не у какого-нибудь паспортиста, а у «зубра сыска»... Жаль человека — столько лет копил деньги по крохам, а покатайся толком не успел...

«Надо отпрашиваться, — решил Андрей, собирая со стола документы. — Смогаюсь по-быстрому туда и обратно!» — Он швырнул стопку бумаг в сейф.

Опечатав сейф, сел к столу и позвонил домой.

— Здравствуй, мать! — приветствовал он жену. — Как отработалось? Вернулась давно? Ясно... Аленка уроки сделала? Угу... Как в смысле ужина? Если отпустит... Минут через десять. Лады...

Встав из-за стола, Андрей привычно скользнул взглядом по разложенным под стеклом фотороботам разыскиваемых. Много их накопилось — разве упомнишь...

За окошком дежурки царил полумрак. К вечеру, когда разошлись сотрудники отделов, кончили работать то и дело звонившие представители предприятий района, успокоились абоненты, в дежурке наступил период размеренной жизни: так называемое время передачи отчетов и сводок. Тишину нарушал разве что писк радиостанции, извещавшей о передвижении автопатрулей...

— Схожу перекусить? — нагнулся к окошку Андрей. — Возражений не будет?

Мельник посмотрел на часы — без четверти десять... Время спокойное. Обычно до одиннадцати вечера происшествий мало.

— Не желаешь на оперативной прокатиться?

Утехин, открыв от удивления рот, застыл на месте.

Все знают, как Филипп экономит бензин. У всех перерасход, а у него всегда норма... А иногда — экономия! Остаются талоны — и это при весьма скудном пайке, отпущенном оперативному «уазику»...

— Ты на Нарвской живешь? — продолжал пытаться Мельник ничего не понимающего Андрея.

— Да...

— Только что звонили из травмопункта. Привели к ним мужичка. Заскочи, разберись... Может, обойдемся без регистрации. Съездишь, а заодно и поужинаешь, лады?

— Есть разобраться... — уныло отозвался Андрей. Ему совсем не улыбалось «разбираться» — чем так ехать, гораздо лучше пройти по улицам, подышать свежим воздухом...

— Договорились! — Филипп Степанович повернулся на стуле и окликнул водителя.

Из скрипящего кресла, приютившегося между шкафом и телетайпом, нехотя поднялся Алексей Буренков. Совсем недавно водитель отоварился на складе повенькой курткой из «чертовой кожи» и теперь никак не хотел с ней расставаться.

— Попутно на заправку заедем, — недовольно сказал Буренков, все еще поглядывающий краем глаза в телевизионный экран, светящийся в углу. — Двадцать литров надо...

Мельник достал портмоне и с сожалением извлек из него розовый листок талона на топливо. Тщательно пересчитав оставшиеся, он отдал водителю лишь один талончик...

— Десяти литров хватит! И не проси... Не проси...

Утехин не стал ждать, чем кончится привычная перепалка, и вышел на улицу.

На поворотах издававший виды автомобиль натужно урчал, будто весь его механизм от двигателя до номерного знака был насмерть простужен. Даже на гладкой дороге он искрился взбрыкнуть, подскочить на мелкой выбоине, кракнуть и стукнуть сочленениями с такой силой, что казалось — остаток пути кузов придется нести на руках.

— Вчера опять ездил в мастерскую, — оправдывался Буренков, попыхивая «Беломором». — Говорят, погоди еще годик-другой, сплшем... А чего списывать? Списывать уже нечего...

— Продать бы ее в хорошие руки, может быть, и восстановил какой умелец.

— Факт, восстановил бы! Я бы и сам купил! Пару тыщ не жалко...

— Вот займись и восстанови...

— Разве продадут?

— А черт его знает, — огрызнулся Утехин и, в свою очередь, поинтересовался: — Сколько она пробежала?

— При мне третий круг на спидометре наматывает...

— Не слабо! — оценил Андрей, подумав, что на своем «Жигуленке» не накатал и десятой части. — Тормоза хоть работают?

— Слабовато, — «обрадовал» Буренков.

В окнах травмопункта горел свет. Из распахнутой форточки доносился неожиданный смех.

Андрей вошел в темный вестибюль, осмотрелся. В пустынном коридоре стояли жесткие крашенные лавки. У стены, словно чья-то забытая тень, покачивался из стороны в сто-

рону мужчины. Лицо испитое, одежда неряшлива, грязновата. Утехин его знал. Знал он и то, что в вытрезвитель этого «клиента» старались не брать — платить ему было все равно нечем. Небольшую пенсию Михалев умудрялся пропивать дня за два-три, по в длинных очередях винных «монополек» стоял постоянно — подторговывал очередью, не брезговал угощениями... Доходы, на которые он жил оставшиеся «безденежные» дни месяца, не смог бы определить самый опытный фининспектор, но до краж он не доходил...

— Здравствуйте, товарищ начальник! — подобострастно выпалил Михалев, узнав в Андрее одного из своих «притеснителей».

Утехин не ответил. Морщась от боли, Михалев выставил вперед посиневшую руку. Он то и дело поглаживал распухшую кисть, водил неестественно согнутой рукой из стороны в сторону.

— Езди тут из-за тебя! — в сердцах произнес Утехин. — Опять начудил по пьянке!

Михалев затравленно посмотрел на оперуполномоченного и непроизвольно вжал голову в плечи, будто стал меньше ростом:

— Тверезый был... Соседке шкаф помогал перетащить, да силы не те стали... Не удержал...

— Хватит врать! — резко, без сострадания оборвал его Утехин и пошел вдоль коридора, взглядываясь в таблички на дверях. Слова на табличках не повторялись — «Рентген», «Входить по вызову», «Хирург», «Не входить»...

Веселье царило за дверью с табличкой «Не входить». Андрей постучал и, не дождавшись ответа, приоткрыл дверь. На кушетке, застеленной рыжей клеенкой, полулежал заросший до самых бровей густыми черными волосами тщедушный мужчина в дорогом костюме. Брюки в желтой грязи, похожей на глину. Шея забинтована. Мужчина между тем был весел. В руках у него — карандаши и бумага, а у медсестер — рисунки. Причина веселья стала понятной Андрею — шаржи-рисунки были удивительно похожи на оригиналы.

— Подождать не можете! — молниеносноотреагировала полная медицинская сестра в еле сходящемся на груди халате. — Я что, не вам сказала? Выйдите из кабинета!

Андрей хотел вспылить, но удержался и, глядя на толстуху, не предъявил, а прямо-таки сунул ей под нос удостоверение. Та осеклась...

— У вас человек в коридоре, наверное, умер... Кровь течет, — соврал он.

Толстуха ойкнула, посмотрела на привставшего со стула и застывшего в такой позе врача.

— Все, девочки! По местам! — пришел в себя врач. — Быстренько разберитесь там...

Прошелестели и исчезли пахламеленные халаты — в кабинете остались трое: Андрей, врач и бородатый.

— Присаживайтесь, — торопливо предложил врач Андрею. — Я сейчас, на минуточку... — Он бегом направился к двери. — Проверить надо...

— Вы меня простите, доктор, я немного разыграл вас... — произнес Андрей. — Там все в норме. Просто я терпеть не могу, когда на меня кричат ни с того, ни с сего... А теперь расскажите, что натворил наш Михалев?

— Ну и шуточки у вас... — Врач пристально посмотрел на Андрея. — Кто такой Михалев? Я звонил по поводу... — он заглянул в бумагу, — Пиленова.

Сидящий на кушетке бородач с достоинством склонил голову, показывая, что речь идет именно о нем.

— Удар по голове с повреждением кожного покрова и попытка удушения... Видите следы на шее?

— Ну, товарищ доктор... — прервал его бородатый, пытаясь суетливыми движениями спрятать под шарфом свежую повязку. Хотя рисовать в таком состоянии он мог, самые обыденные движения давались ему с трудом. Дрожали пальцы, жесты неуверенные...

«Приблизительно пол-литра сорокаградусной... — попытался определить объем выпитого Утехин. — Если только не имел место коктейль типа пиво-водка...»

— Товарищ доктор, — просящим голосом повторил мужчина. — Мы же с вами интеллигентные люди. К чему такие сложные термины? Ну, ударился! Ну, упал!.. При чем тут милиция... — он перевел взгляд на Андрея и неожиданно представился: — Пиленов... Художник...

— Документы есть? — Андрей с профессиональной бесцеремонностью разглядывал бородатого.

— А как же! — Пиленов принялся придирчиво обшаривать карманы.

Андрей повернулся к врачу:

— Можно взглянуть на медкарту?

Тот подал торопливо заполненный бланк на грубой бумаге.

— Личные данные записаны со слов. Проверять нам некогда. А то бывает, что и этого не успеваем сделать. Потеряет сознание, и все — выясняй потом: кто, откуда...

Углубившись в изучение диагноза, Андрей понял, что с медицинской точки зрения состояние больного опасений не внушает. Можно отпускать хоть сейчас, а значит, и закрывать дело...

«Живет на Верхней Масловке», — на всякий случай прочитал он. Андрей знал этот дом, в котором жили живописцы, графики, «прикладники». Стоял он недалеко от метро «Динамо», где поблизости располагался и главный милицкий стадион страны. Ездить туда от работы было неудобно, с пересадками. Как же, спрашивается, попал сюда этот борода-

тый? «Чего его занесло в гости? Может, опросить, на всякий случай составить бумаги и отправить, куда следует... Подумаешь, художник, в вытрезвителе ему сейчас самое место, раз вляпывается в истории...»

— Куда они подевались? — вслух недоумевал Пиленов, оцупывая даже швы одежды. — И деньги исчезли...

— Совсем ничего не осталось? — едко улыбнулся своим предположениям Утехин. — И большая сумма была, позвольте полюбопытствовать?

Пиджак Пиленова валялся на кушетке рядом с пальто. Носовой платок, видимо, служивший и тряпкой для вытирания кистей, карманный хронометр на цепочке и какая-то красноватого цвета книжечка дополняли картину.

— Это вам! — Пиленов, пошатываясь, подошел к столу и положил документ перед Андреем, затем продолжил с неослабевающей энергией поиск. — Ничего не понимаю... Я же их сюда в конверт клал. Все девятьсот сорок два рубчика... Я сегодня за картины деньги получил, — пояснил он. — Так, понимаете, повезло — сразу две штуки купили: «Гиацинты у зеркала» и «Март».

Андрей взял в руки книжку. Ему не доводилось видеть билет члена Союза художников. «Черт побери! Кажется, отвертеться не удастся, — подумал он, тоскливо посмотрев в окно, за которым отчетливо виднелся угол родного дома. — Полчаса провозимся здесь, как пить дать, потом еще в вытрезвитель ехать...»

Андрей захлопнул книжечку и положил ее на стол рядом с медицинской картой:

— Доктор, у вас не найдется свободного кабинета, чтобы нам выяснить у пациента некоторые обстоятельства?

— Вы полагаете, он в состоянии? — врач выразительно щелкнул пальцем по горлу. — Может, отложить до утра?

Андрей криво усмехнулся — улыбка вышла жалкой.

— Как там, доктор, говорили древние? Будет день — будет новая пища?

— Древние говорили и так, по более подходит к вашей работе, мне кажется, другая формулировка: «Бис дат, кви cito дат!» Что значит — «Вдвойне дает тот, кто дает скоро!». Спешка ради итога?

— Ответность тут ни при чем, доктор. Ваш намек достаточно прозрачен, а как насчет кабинета?

— Что ж, садитесь за мой стол, я пойду в терапию...

— Спасибо! — Андрей быстро переместился в кресло и сделал знак художнику.

Пиленов, повинаясь жесту оперуполномоченного, пересел к столу, продолжая нетвердой рукой отряхивать брюки.

— Рассказывайте! — Андрей удобно расположился в кресле, с наслаждением вытянул ноги и смотрел на художника сквозь полуприкрытые веки — так он мог просидеть до утра: уютно, тепло...

Пиленов с достоинством пригладил непослушную шевелюру, оправил ладонью бороду и, вздохнув, начал чуть охрипшим голосом:

— Утром, как я говорил, в салон поехал. Получил депьги за картины. Сделал кое-какие дела и решил это событие отметить... У нас принято некоторые моменты в жизни, например, гонорары, отмечать с друзьями. Делать это положено с шиком — не в мастерской, само собой... Там тесно, холодно, пахнет растворителями, краской... Пока пишешь, эти ароматы не замечаешь, а праздновать среди них — извините... Что за радость гулять среди багета... Встретил Толю Алексеева, Виноградова, и пошли мы в кабак. Ребята они хорошие — художники отличные, а не везет им фатально! Ну, потрясающе не везет...

— Пошли-то куда? — направил рассказ в требуемое русло Утехин.

— В ресторан! — неожиданно вспылил, досадуя на поторапливание и непонимание оперуполномоченного, Пиленов. — Еще спросите: что делали? Отвечу: ели, пили!

— Ресторанов много, — удивленно приоткрыл глаза Утехин, уловивший в голосе художника невесть откуда взявшиеся начальственные нотки недовольства, и тотчас погасил любопытство.

— В «Арбате». Напротив метро.

— Может, в «Праге»?

Пиленов посмотрел на Утехина и задумчиво почесал затылок:

— Может, и в «Праге». — И, мягко улыбнувшись, добавил: — Я не помню...

— А в этот район как попали?

— Смешно сказать, уважаемый, — он приложил руку к груди, — но если вы мне сейчас скажете, что я во Владивостоке, то я могу и поверить...

— Нет! — Андрею нравилась его самоирония, подтрунивание над собой, в нем проснулось любопытство... — Рассказывайте дальше с учетом того, что вы в Москве...

— В шесть ребята разбежались, а я остался. Хотелось еще чего-то значительного, может быть, радости не хватало... Сажу, музыку слушаю, живу, что пазывается, полной жизнью, и тут... Официант!

— Что официант?

— Зовут его Володей. Он все интересовался — не скучаю ли я...

— А вы скучали? — съехидничал Андрей, но художник этого не заметил.

— Нет. Мечтал о том, что закончу еще одну халтурку и можно будет замахнуться на более шикарную мастерскую. Для этого, как известно, гульдены нужны... Так и летело ресторанное время!

— Вас что, на перерыв между дневной и вечерней сменами не рассчитывали?

— Десять сверху и сиди! — лаконично пояснил Пименов. — А когда зал заполнился, я нашел интересное занятие — наблюдал за посетителями, пытался вычислить, кто какие денежки проедает! Знаете, это сразу видно! К примеру, двое чопорных посетителей — выбирают тщательно, меню перепроверяют, головой покачивают... Вывод прост — денег не густо, осторожничают больно... Таких там не любят, обсчитывают, душу выматывают! Другое дело кавказцы — породистые, холёные. В меню не смотрят, официантам лишь реплики бросают, а стол ломится от яств. Икорка себребрится, балычок жемчужинкой отливает... Коньячевский обязательно, минералочка! Причем не местная, как из водопровода, а обязательно «Боржом»...

— Наблюдательности вам не занимать, — сглотнул голодную слюну Андрей, — но давайте дальше!

— Я и говорю, — досадуя на то, что его перебивают, буркнул Пиленов. — Когда оркестр заиграл, Володя-официант приземлил ко мне двух девушек. Я был рад. Не одному вечер коротать. Посидели, поговорили о музыке, о живописи...

— Ну и как? — торопил его Андрей. — Интересный вышел разговор?

— Однобокий. В брейках и роках я ни бум-бум, а они Шилова от Шишкина не отличают... Немного потанцевали — раз с Мариной, раз с Аленой. Поступило предложение продолжить на квартире. Расплатились...

— Сколько? — на всякий случай спросил Андрей.

— Около ста пятидесяти... С сегодняшними моими деньгами не трата, а ерунда... — Он вдруг осекся, вспомнив, что денег он так и не нашел.

— Ну, ну... — подбодрил его Андрей. — Куда поехали? Адрес? Помните?

— Увы, — Пиленов развел руками. — Об этом речи не было. Вот о том, что шампанского надо взять, — говорили. Две бутылки купили!

— Когда вышли из ресторана?

— Точно не скажу. В начале десятого...

— Откуда подобная точность?

— У гардеробщика по телевизору что-то про политику говорили, вроде программа «Время» шла.

— Дальше!

— Такси не было. Алена «сняла» частного. Столковались, кажется, за червонец и поехали. Все шло хорошо, а у Никитских нас «тормознули». Будете проверять, милиционер подтвердит — останавливал он нас...

— Зачем?

— Правила, наверное, нарушили... Водитель вышел, бе-

седовал, потом Алена вышла... Может, улыбнулась она ему, может, еще чего, только дальше мы поехали быстро...

— Добрый попался?

— А это вы у него спросите, — недвусмысленно намекнул Пиленов.

— Ладно, разберемся... Дальше! — подгонял Утехин. Он давно привык к подобному многословию потерпевших, из которых информацию приходилось выуживать по частям.

— Это практически все! Алена вышла раньше, сказала, что придет прямо в квартиру, а мы с Мариной вышли вон там, — он показал в непроглядную темень за окном. — Там еще стройка рядом и глина желтая... Видите какая? — Он задрал ногу и показал испачканную брючину. — Не прошли мы и сотни метров, как началась суматоха... Кто-то бил, шмякнули меня по затылку, схватили за горло, и все... Очнулся от того, что меня теребят. Огляделся, мужик меня поднимает. Ну, думаю, сейчас я тебе покажу, сволочь ты этакая! Вмажу по первое число... А сил-то и нет! Все на месте: руки, ноги, а чуть живой. Ну, думаю, старина, вляпался ты в любовную историю, нарвался на ухажеров... Хорошо, мужик попался, сюда же шел... Доволок он меня, а то бы так до утра и провалялся... Воспаление бы заработал...

— Милиция тут почти бессильна, — встрепнулся Андрей, сразу же решив поставить точки над «и». — Виноваты сами! Выпили, флиртанули...

— Это я понимаю... — неуверенно произнес Пиленов. — Денег только жалко. Большие денежки...

— Давайте съездим туда, — предложил Андрей, — поищем, может, повезет! Стоило бы вас отправить в вытрезвитель — я, собственно говоря, так и собирался сделать, да жалко мне вас стало... По-мужски, из солидарности.

— Спасибо! — по-прежнему унылым голосом поблагодарил художник, он все еще на что-то надеялся.

— Кого нам искать? Нападающих вы не видели, девушек не знаете, да и ни при чем тут они... Алена, как вы говорите, ушла раньше, а Марина при нападении просто испугалась и убежала... Кто на вас напал? Молчите? То-то и оно!

— Домой хоть отвезете? — грустно, с надеждой смотрел Пиленов.

— Поймите нас правильно, э... — Андрей никак не мог вспомнить ни имени, ни отчества бородача.

— Сергей Сергеевич, — подсказал художник.

— Сергей Сергеевич! Развозить всех по домам — у меня бензина не хватит. Могу предложить стул в своем кабинете, а если найдем ваши деньги, в чем я, правда, сомневаюсь, — такси!

— Давайте поищем, — жалостно попросил художник. В компату вошел врач.

— Ну и напугали вы нас: «в луже крови», «умирает».

Ваш «покойник» еще нас переживет — кости целы, сильный ушиб.

— Скажите, доктор, а мог Михалев прищемить руку шкафом или дверью? Как он пытается объяснить?

Врач неопределенно пожал плечами. Андрей догадался, что вопрос поставил неправильно. Он уместен для судебного медика или врача трудовой экспертизы...

— Можно еще поинтересоваться? — снова обратился Утехин к врачу. — Как давно с ним это случилось?

— Падают подозрения?

— Да!

— То-то он вас так боится. Аж трясется, бедный...

— Значит, уважает! — коротко бросил Андрей.

— Спаси меня бог от подобного уважения! — Лицо врача было абсолютно серьезным.

— А все же, доктор, мне бы хотелось услышать ответ.

— А у меня его нет. Я не знаю...

— Спасибо и на этом... — Утехин решительно встал. — Собирайтесь, Сергей Сергеевич, едем!

Художник заторопился. Прощаясь с врачом, он сложил пальцы, сделав подобие рамки, и, посмотрев сквозь них, неожиданно спросил:

— Можно, я к вам вернусь? Только не надо возражать, — торопливой скороговоркой забормотал Пиленов. — У вас такое лицо... Очень интересное лицо, доктор. Обязательно напишу портрет...

— Не возражаю! — улыбнулся врач. — Выздоровливайте сначала...

Машина Буренкова, вернувшаяся с заправки, стояла у подъезда. Нудный осенний дождь сек стекло с приклеившимися березовыми листьями. Буренков стоял у машины и разговаривал с Михалевым как со старым знакомым. На руке у Михалева белели свежие бинты. При появлении Андрея Михалев как-то сжался и инстинктивно попытался спрятаться в тень, но Утехин заметил это движение:

— Хорошо, что не ушел, а то пришлось бы за тобой ехать... Садись в машину!

— За что, начальник?

— Садись, садись, подвезу... — Утехин взял его за рукав и посадил в кормовой арестантский отсек машины, из которого без ключа не выбраться. Громко хлопнув дверцей, Утехин устроил художника на заднем сиденье салона, сел сам и скомандовал Буренкову: — Поехали!

— Куда едем?

Повернувшись назад, где пытался поудобнее пристроиться художник: он привставал на месте, поправлял пальто, заправлял непослушный шарф, — Андрей скомандовал:

— Показывайте дорогу, Сергей Сергеевич.

— Кажется, прямо, — неуверенно смотрел тот поочередно во все окна машины. — Точно прямо, а потом налево, за детским садиком будет стройка, а рядом переулок. Вроде бы так...

Машина нехотя тронулась с места, проехала мимо утехинского дома, свернула в переулок. Алексей включил фары. Тут не было фонарей и царил темнота. В освещенном пространстве замелькали хилые проплешины первого, еще неуверенно выпавшего снега, мусор, чахлый кустарник на обочинах.

— Шел я здесь... — пояснил Пиленов. — А теперь как будто налево...

— Разве здесь есть детский сад? — обратился Утехин к Буренкову.

— Тридцать восьмые ясли... Тут машина не пройдет, — недовольно произнес водитель, — котлован вырыли.

— Встань с краешка, — попросил Утехин, — и включи дальний свет в проулок. Пусть человек деньги поищет...

— Вот она лежит... — неожиданно заорал Пиленов. — Лежит же!

— Кто? — оторопел от неожиданности Утехин. — Кто лежит?

— Бутылка шампанского. Видите, из снега торчит? Горлышко!

— Стоп! — скомапдовал Утехин Буренкову. — Сдай немного назад! Так... Хорошо. Теперь все видно. — Он повернулся к Пиленову: — Пошли поищем?

Андрей подошел к куче снега и взял бутылку — бутылка была полной, видимо, ее потеряли в суете или не заметили из-за темноты... Он отнес ее в машину и положил на заднее сиденье. Пока Пиленов и помогавший ему в поисках Буренков бродили словно призраки в лучах фар, Утехин решил пайты следы. Для чего ему это? Спроси, и он не ответит. Скорее просто по привычке. Профессиональное любопытство, связанное с тем, что здесь недавно избили человека, отняли у него деньги. Стоп! — справедливо отметил Андрей. То, что отняли, еще требуется доказать, сначала надо понять, были ли они у него...

На подтаявшей куче снега довольно четко выделялся след обуви. Вот он — случай! Не было бы снега, не отпечатался бы след — ищи тогда ветра в поле... От первого отпечатка цепочка следов тянулась к забору. Рядом вмятины в глине — пятерня, локоть, отпечаток коротенькой куртки, кармана, предположительно джинсов... Отчетливо виднелись маленькие кружочки от заклепок. Андрей приложил щепочку к отпечатку ботинка, измерил. Приложил щепочку к руке, измерил — получался приблизительно сорок второй размер.

«Ухажеров, выходит, было двое. Перескочили через забор. Который в куртке, грохнулся наземь, а второй, в кроссовках, на ногах удержался. Подскочил к тому месту, где

сейчас машина... — Андрей повернулся в сторону машины, словно видел происходящее. — Владелец ботинок сорок второго размера припозднился... Это ясно по тому, что его след перекрывает кроссовку. Выходит, ударил по затылку тот, что бежал первым... А на асфальте следы каблучков: туда — спокойные, размеренные шажки, семенящие рядом с пиленовскими подметками, а обратно — вприпрыжку...»

— Товарищ капитан! — окликнул Буренков.

Андрей неторопливо подошел к водителю.

— Что, нашли деньги?

— Нет, тут штука интереснее будет... Глядите! — Он подал ему что-то в целлофановой обложке, измазанной липкой глиной. Андрей небрежно обтер глину попавшимся под руку обрывком газеты и раскрыл книжку. От удивления он присвистнул и почувствовал, что вспотел. Пот был неприятным — холодным и липким. Так у него уже однажды было, когда стоял под наведенным обрезами.

— Где взял?

— Вот здесь лежала. Чуть снежком ее прикинуло, и не видеть...

— Молодец! — думая о другом, проговорил Утехин. — Обстановка резко меняется. Ну-ка, Алеша, включайся в поиск денег, а я сообщу Мельнику обстановку...

— С книжкой-то что делать?

— Отдай владельцу!

— Ясно...

Радиа призывно мигала красным огоньком. Утехин нажал на кнопку вызова и не взял, а буквально сорвал трубку радиотелефона:

— «Арзамас», ответь сто пятому... — в ответ молчание. — «Арзамас», я сто пятый, как меня слышите?.. — Тишина. — «Арзамас», «Арзамас», я сто пятый! — громко и внятно диктовал Андрей.

— Слушаю тебя, — донесся искаженный динамиком голос. — Почему долго не докладываешь?

— «Арзамас», слушай внимательно!

— Слушаю...

— Ситуация четыре! Посмотри в сейф...

— Понял. Погоди минутку... Андрей, ты не перепутал?

— Своим глазам пока верю.

— Документ проверил?

— Точно говорю — депутат. По буквам — де-пу-тат!

Понял наконец...

— Радостного мало. Я тебя предупреждал, чтобы все было в поре. А ты... грабеж вешаешь... Учти, раскрывать сам будешь... Диктуй адрес!

— Третий переулок от Головинского кладбища, возле яслей.

— Понял, поднимаю оперативную группу на осмотр ме-

ста происшествия, а ты смотри в оба... Сам знаешь, теперь дело автоматически на контроле — не делай глупости...

— Не учи ученого! Конец связи!

— Разговор... — договорить Мельник не успел. Андрей вставил трубку в гнездо панели, и динамик отключился.

Он вышел из машины, запахнул пальто и довольно бодро направился к Пиленову.

— Как дела, Сергей Сергеевич?

— Спасибо, плохо... Ничего нет. Хорошо, хоть водитель документы обнаружил...

— Дело, Сергей Сергеевич, — сказал Утехин, — оказывается серьезнее, чем думалось. Я посмотрел на следы и пришел к выводу, что это ограбление. Именно об этом я и доложил в управление. Сюда приедет оперативная группа, криминалист, кинолог с собакой... Наша задача теперь иная: если вы не возражаете, проедем в ближайшее отделение и посмотрим кое-что — может, кого вспомните. Потом мы отвезем вас домой. Хорошо? — он пристально посмотрел в глаза художника, пытаясь понять — будет тот жаловаться или нет, но ничего не попял.

— Хорошо! — ответил Пиленов и улыбнулся своим мыслям. — Поехали, раз такое дело...

Машина словно вспомнила свою молодость. Резво развернулась и, разбрызгивая в стороны грязь, понеслась по вечернему городу к отделению милиции. Для Андрея отделение было родным — оно не только находилось на территории района, где он жил, но и работать он начинал именно здесь. Много дней и ночей, будучи милиционером патрульной службы, провел он на этих улицах. Многое можно было вспомнить — схватки, задержания. После окончания милицейской школы выбора не было — сюда, в родное отделение, на должность рядового розыскника. Отсюда он ушел в управление...

Скрежет тормозов. Машина остановилась. Андрей прижался будить разоспавшегося художника. Задача оказалась непростой. Легкие потряхивания, подергивания за рукав к заметному результату не приводили.

Наконец он открыл слипшиеся веки, почмокал губами и оторопело огляделся... Задрав голову, художник почесал бороду, посмотрел на светящуюся вывеску над дверью отделения. Наверное, он хотел что-то спросить, но, все вспомнив, понимающе кивнул и кряхтя вылез из машины.

Буренков открыл ключом заднюю дверцу машины:

— Вылезай, Григорий Палыч, приехали!

«Поди ж ты, — удивился Утехин, — промашка вышла, товарищ оперуполномоченный, вы имени и отчества Михалева в отличие от водителя не знали... Да и не интересовало

это вас... Вполне удовлетворяло — Михалев туда, Михалев — сюда.

— Это чего? Арестовали? — разочарованно вымолвил «пассажир» арестантского салона.

— Нет! — Утехин пропустил его в дверь отделения впереди себя. — Пригласил на беседу... Побудешь пока у нас...

— Эхма... — вздохнул Михалев, присаживаясь на краешек обшарпанной лавки для задержанных, и в этих словах была такая сложная гамма переживаний, что Утехин почувствовал к нему жалость.

— Привет, Василий! — Утехин крепко сжал руку капитана, вышедшего навстречу.

С нынешним дежурным — Василием Бондаренко, у Андрея были давние хорошие, можно сказать, дружеские отношения. Службе это не мешало, а, наоборот, приносило пользу. В глаза говорили все, что считали нужным, а это сегодня явление редкое.

— Здравствуй... — коротко ответил Бондаренко на рукопожатие. — Что прикажешь делать с твоим «подарком»? — Он кивнул на лавочку, где сидел Михалев. — Забирай с собой.

Андрей выразительно, со скрытой просьбой, смотрел на Бондаренко, но тот оставался непреклонным:

— Не уговаривай! На каком основании прикажешь содержать? За что?

— Хорошо, — согласился Утехин, — хоть посидеть он у тебя полчаса на лавочке здесь может?

— Пусть сидит, но предупреждаю — я за него ответственности не несу... — Дежурный был неумолим.

Утехин подошел к лавочке, сел на краешек:

— Как, Григорий Павлович, самочувствие? Как рука?

Из-под густых бровей на Утехина смотрели удивленные глаза. Андрею стало неловко. Во взгляде Михалева одновременно можно было заметить и изумление, и боязнь, и какую-то собачью преданность...

— Ни-и-ичего... — заикнулся он, жадно сглотнув слюну, а на привычное «товарищ начальник» сил уже не было.

— Выслушай меня и постарайся понять, — Андрей дотронулся до его колена. — Дело может оказаться серьезнее, чем ты думаешь. Не имею права я тебя просто так отпустить, надо нам с тобой о жизни побеседовать. Понимаешь? — Михалев почему-то часто заморгал. — Прости, Михалев, так надо! Держать тебя, как ты знаешь, я права не имею — он тебе объяснил, а поговорить надо. Хорошо?

Тот покорно кивнул, потупя взгляд, принялся разглядывать щель в полу. Андрею показалось, что он всхлипнул...

Утехин повернулся к Бондаренко:

— Кто сегодня из наших дежурит?

— Морозов! У себя должен быть.

— Будут звонить, мы с товарищем Пиленовым, — Утехин сделал заметное ударение на слове «товарищ» и фамилии, — у Морозова.

Кабинет оперуполномоченного уголовного розыска Олега Морозова располагался на втором этаже. Поднявшись по лестнице, Андрей решительно, без стука, вошел в небольшую комнату, в которой когда-то проходили и его рабочие дни. Олег, подперев голову руками, сидел, склонившись над документами.

Он оторвался от бумаг и радостно заулыбался, увидев приятеля:

— Какими судьбами в наших перифериях? Не спится, что ли?

— Да и тебя, гляжу, дела замучили? — отреагировал Утехин, выразительно поглядывая на бумаги. — Бюрократом стал?

— Тут станешь. Самогонщики одолели. А ты с чем пожаловал? — Морозов подозрительно посмотрел на переступающего с ноги на ногу художника.

— Грабеж!

— Фью-ю-ю! — присвистнул Олег. — Поздравляю...

— Я тебя тоже! Он на твоём участке у Головинки, так что готовься работать!

— Что требуется?

— Побеседуй с Сергеем Сергеевичем, покажи ему альбомы с фотографиями преступников, и... — он посмотрел на Пиленова, — пожалуй, все...

— Заявление? — спросил Морозов. — Не писал еще? Надо?

— Обязательно. И вот что я подумал... — Андрей взглянул на Пиленова. — А не попробовать ли вам на всякий случай нарисовать ваших знакомых барышень... Как думаете, Сергей Сергеевич? Сможете?

Пиленов сел к столу, поочередно посмотрел на розыскников, забрав в пригоршню, оправил ладонью бороду и вымолвил с сомнением:

— Можно попробовать...

— Постарайтесь, пожалуйста. Карикатуры вроде получались...

— Дайте бумагу и карандаш, — попросил художник.

— Садитесь за второй стол и рисуйте... — Андрей подошел к Морозову, сел верхом на стул и предложил: — Поговорим?

— Угу.

— Вводная — двое мужиков, рост сто семьдесят — сто восемьдесят пять, ботинки сорок второго, кроссовки сорокового, первый — джинсы с заклепками и короткая, видимо, болоньевая, куртка... Второй — информации ноль.

— Не густо! — Морозов полез в стол и достал обычную

тетрадь в клеточку. Просматривая, он шевелил губами, словно приговаривал...

— Балкин? — спросил Андрей, теребя задумчиво кончик носа.

— Девятого августа отбыл не по своей воле за Урал.

— Тит, Дрючок?

— Титаренко в автобусном парке. Работает хорошо...

— Если мне не изменяет память, Титаренко выше среднего роста?

— Сто девяносто четыре...

— И живет за Нарвской?

— Его участие сомнительно — ситуация у него поменялась. На работе ходит в передовиках, женился, переехал к супруге.

— Ну и что? Разве это препятствие?

— Как тебе сказать... — Морозов внимательно листал тетрадь. — В общем-то да! Двойняшки у него родились: сын и дочка... Чтобы после всего прошлого, встав прочно на ноги, заведя семью, детей, — рисковать? — Он покачал головой. — Не верю... Теперь о Дрючке — параметры подходят точно: и сорок второй, и сто семьдесят шесть — этого необходимо проверить. Тем более что крутится около Листвянникова какая-то непонятная шушера...

— Окрас какой?

— Вроде наркотой балуются, но взять пока не удалось...

— От наркотиков до грабежа полшага... Этой братии всегда деньги нужны... Давай проверять!

— Я лучше сам. Прости, ты мне в этом не помощник... Лучше скажи, на что обратить внимание?

— Желтая глина на одежде!

— Как быстро нужна информация?

Утехин посмотрел на часы — половина одиннадцатого...

— Пару часов хватит?

К столу подошел Пиленов и положил рисунки:

— Готово...

На карандашных рисунках были изображены два девичьих личика. У одной девушки, портрет которой был подписан «Алена», вздернутый носик, светлые пышные волосы, короткая стрижка, красивый овал лица, остренький подбородок... «Марина» — темноволосая, с пухлыми, чувственными губами. На вид обоем не больше двадцати лет. Лица девушек Андрей были незнакомы — много он знал на обслуживаемой территории неблагополучной молодежи — эти не из их числа...

— А ты их не знаешь?

Морозов несколько минут молча разглядывал рисованные портреты, а потом отрицательно покачал головой:

— Может, заезжие красотки?

— Сам бы хотел это знать... — вздохнул Андрей, забирая рисунки.

— Будем смотреть альбомы, — сказал Морозов, доставая из шкафа толстые фолианты в темных коленкорových переплетках. — Подсаживайтесь ближе, Сергей Сергеевич...

Утехин поднялся со стула и направился к двери:

— Сейчас я пришлю к вам Михалева — он ждет внизу...

— Это еще зачем? — наморщил нос Морозов.

— Поговори с ним по душам, покажи альбом... Думаю, что он видел преступников... А вообще-то падо возвращать старика к жизни — не дело это... — Он невесело махнул рукой. — Я с ним завтра поговорю. А сейчас — в ресторан...

В фойе толпились поздние посетители, одевались, покуривали, пытаясь хоть немного продлить удовольствия этого вечера.

Осторожные постукивания в дверь ни к чему не привели. Окинув Утехина сквозь стекло высокомерным взглядом, швейцар не сдвинулся с места.

Утехин, порывшись, извлек из бумажника десятирублевку и приложил ее к стеклу. Со швейцаром сразу же произошла метаморфоза: на его лице появилась какая-то скользкая угодливая улыбочка, и он торопливо засеменил к двери:

— Массандра, коньяк, шампанское... — скороговоркой зашептал он, не открывая полностью дверь.

— Не здесь же, отец! — сказал Андрей. — Дай войти...

— Говори, чего будешь брать: Массандра, коньяк, шампанское! — повелительно повторил он.

— От десяти до пятнадцати! — в тон ему сказал Андрей, предъявляя удостоверение и вставляя в образовавшийся проем ногу, чтобы не дать захлопнуть дверь.

Лицо швейцара вытянулось, и он отпустил дверь, еще не до конца понимая сказанное:

— Рублей, что ли, начальник?..

— Лет, дорогой мой, лет, причем с конфискацией... Ты это учти! Официанты здесь?

— Так точно! — почему-то по-уставному отозвался швейцар и при этом стал заметно прямее, осанистей. — Прошу сюда, проходите, пожалуйста... — Он шел впереди Утехина, показывая дорогу. — А кто, разрешите полюбопытствовать, вам нужен?

— Третий столик от входа...

— Это Владимир Петрович! — с уважением произнес швейцар. На этот раз уважение в голосе было настоящим, не угодливым. — Вам как подать лучше, в официантскую или как всем, за столик?

— Отец! — грустно посмотрел на него Утехин. — Давай решать вопросы согласно штатному расписанию.

— Хорошо, как будет угодно... Присаживайтесь... Это тот самый столик... Один момент! Подождите...

Андрей сел спиной к залу и лицом к темному окну, за которым светилась неонов афиша кинотеатра. На столе громоздилась посуда с остатками трапезы. В полутемном зале блуждали ароматы вкусной и, видимо, очень полезной пищи. Андрей судорожно сглотнул горьковатую, от множества выкуренных сигарет, слюну.

«Эскалопчик с жареной картошечкой, — мечтательно подумал он, — или на крайний случай макароны по-флотски... А потом чашечка кофе!»

Зал опустел. Из освещенной двери официантской доносились громкие голоса, смех, треск неугомонного кассового аппарата.

Швейцар подошел к столику — с ним был мужчина, весь облик которого говорил о тяжелом рабочем дне. По краю широко распахнутого ворота белоснежной рубахи шла темная полоска. Из жилетного кармана торчала небрежно смятая черная в белую горошину бабочка. Под глазами расплылись густые тени, какие бывают у сердечников, пренебрегающих режимом.

— Вы меня спрашивали?

Официант устало сел на стул напротив Андрея.

Тотчас за его спиной возник швейцар.

— Так вот они и есть Владимир Петрович, — посчитал необходимым пояснить старик.

— Ты иди, Михалыч, — тихо сказал официант, не глядя в сторону швейцара. — Мы сами разберемся.

К выходу швейцар поплелся с явным нежеланием. Было видно, что уходить ему не хочется, может, боялся, что от него ускользнет информация...

— Из БХСС? Вроде недавно проверяли?

— Ну и как? Все в порядке? Злоупотреблений не обнаружено?

Официант удивленно окинул Утехина придиричивым взглядом и задумчиво произнес:

— Значит, вы представляете другую службу — сотрудники БХСС не стали бы задавать эти вопросы, они знают, что пока у нас все в норме... Покажите удостоверение...

«Молодец, — подумал Андрей. — Опыта общения с людьми ему не занимать. С самого начала решил уточнить, кто есть кто!»

Андрей выполнил его просьбу. В лице Владимира Петровича появилось спокойствие, напряжение спало.

«А все же боится, — отметил Утегин. — Хотя кому приятно свидание с нашим братом... Но, выходит, что БХСС он уважает больше? Или боится?»

— Слушаю вас, — спокойно сказал официант. — В чем провинность?

— Хотелось бы выяснить кое-что...

— Надеюсь, не слишком долго? Надо прибрать шесть столиков, а мне еще ехать в Усово. Я там живу... Электричка отходит в ноль сорок восемь...

— Буду короток. Вы не могли бы вспомнить сегодняшних посетителей?

— Много было, разве всех упомянешь?

— Хотя бы сидевших за этим столом в период с обеда до вечера...

— Мужчина с женщиной... — Официант вспоминал и крутил при этом в руках мельхиоровый нож с узорчатой пухлой ручкой. — Трое пацанов — дети благородных родителей, хорошо одеты, манкирующие сосиски... Ближе к вечеру женщины за пятьдесят — похоже, вместе работают... Говорили о каком-то негодяе-главбухе...

— А вы не путаете?

— Исключено — точно говорили о главном бухгалтере, что зажимает премию, что поощряет любимчиков...

— Я не о разговоре, а о посетителях... Мне кажется, что у вас за этим столом должны были сидеть другие люди...

— Что вы говорите? — с иронией произнес официант. — Поверьте, я не ошибаюсь и хорошо помню посетителей. Приходится запоминать — бывают случаи, что забывают оплатить по счету, тогда память на лица оказывается очень полезной.

— Проверим память? — прищурил глаза Андрей.

— Пожалуйста... — безразличным голосом сказал официант.

— Мужчина около пятидесяти, бородатый, пышная шеvelюра... — начал обрисовывать он портрет художника, сожалея о том, что не догадался попросить его сделать автопортрет. Портреты девушек Андрей показывать не торопился, на то были причины — вдруг присутствие девушек именно за этим столом было неслучайным...

— В сером костюме и с шикарной дамой, — попытался угадать официант, — похожей на артистку?

— Нет! С ним были двое мужчин примерно его возраста.

— Ошибка вышла, товарищ капитан. У меня таких не было ни сегодня, ни вчера...

— А если вспомнить?

— Абсолютно точно говорю, можно сказать, гарантирую...

— Простите, — Андрея осенила неожиданная догадка, — у вас один вход в этот зал?

— Два...

— Кто обслуживает тот столик? — он указал на «третий столик от двери у окна», считая от другой двери.

— Филонов...

— Владимир?

— Сергеевич... — недоумевая, произнес официант.

— Черт побери, — в сердцах сказал, не сдержавшись, Андрей, досадуя на себя за недогадливость, это надо было

проверить раньше, а так потерял время. Надо торопиться, очень надо... — Надеюсь, он еще здесь?

— Сомневаюсь. Он не из любителей задерживаться... Раз-два и рассчитал, раз-два и убежал...

— Где же его искать?

— Нужен?

— Очень!

Официант обернулся в сторону светлого проема двери и громко окликнул швейцара. Казалось, что тот только и ждал, когда его позовут...

— Знаю, знаю... — зататорил швейцар. — Ошибочка вышла, товарищ капитан. Тот бородатый, я видел, сидел во-о-он за тем столиком... — расчеты оказались верными — он показал на третий стол от другой двери. — И мужчины с ним были, а потом девушки... А чего такого? Он кто? Что-то произошло?

— Ничего, все нормально... — теперь можно было показывать рисунки.

— Так точно... — уже более осторожно сказал швейцар, — они, эти самые барышни...

— Знакомые? Часто бывают?

— Никак нет. Редко... — едва тянул он.

— Рассказывайте!

— Так, собственно говоря... — мялся швейцар.

— Не темни, Михалыч... — посоветовал официант. — Говори прямо...

— Спросите гардеробщика... Он их, кажется, знает лучше... — Его глаза подозрительно бегали, и Андрей это заметил. «Что-то старик знает, но говорить не хочет. А расскажет ли гардеробщик?.. Неужели официант не приметил Пиленова? Ведь был период, когда художник один сидел в зале или почти один — перерыв между сменами он провел здесь...»

Официант как будто угадал мысли Утехина.

— Кажется, я немного помню вашего бородача... — с сомнением произнес он тихо. — С кем сидел до перерыва, не помню, а потом приметил... К нему девушки подсели...

— Когда это было? — не выдержал Андрей.

— Примерно четверть седьмого.

— Отчего такая точность?

— С семи у нас играет оркестр, а в восемнадцать пятнадцать пришел ударник Генрих Орлов. Талантливый музыкант, плохо устроенный в жизни... Вечно без денег. Он попросил покормить его в долг, с последующей оплатой после вечера. Я его покормил за служебным столиком, а столик этот как раз у интересующего вас стола — четвертый у окна.

— Посмотрите еще разок рисунки, может, не те девушки? Может, опять ошибка?

— Гарантировать не могу, но одно интересное для вас

наблюдение сообщу... Относится оно к делу или нет, но знаю...

— Меня любая мелочь интересует...

— Девушки, что сидели за столиком, мне кажется, были не одни. Сдается, что их знакомый сидел у меня, — он показал на неубранный соседний стол.

— Это знакомство бросалось в глаза?

— Нет. Но для наметанного глаза странности всегда приметны...

— В чем они выражались?

— Пока блондинка танцевала с бородатым, чернявая подошла к этому парню и перекинулась с ним одной или двумя фразами...

— А дальше?

— А дальше все...

— Что все?

— Мой клиент расплатился и довольно быстро ушел. Почему-то торопился, нервничал.

— Какой он из себя?

— Ярко выраженный блондин с удлинненным лицом, нерусский...

— Иностранец?

— Не скажу. Есть у него какой-то акцентик... Мягкий, приятный... Глотаёт буквы, а слова получаются округленные... — Он мельком посмотрел на часы и перевел взгляд на Андрея. — Вы меня извините, пожалуйста, лимит исчерпан...

— Спасибо за помощь, у меня к вам последняя просьба.

— Слушаю.

— Скажите, есть ли на столе предмет, который остался от блондина?

Официант подошел к столу. Утехин не отставал. Швейцар как стоял, так и остался стоять на старом месте, внимательно вслушиваясь в разговор. Андрей отметил и это.

— Эти приборы его...

— Чашка?

— Да.

— У вас бьется посуда? Такое бывает?

— Конечно, бывает. Но тогда мы сами оплачиваем или берем с посетителей...

— Эта чашка разбита! — Андрей взял ее за ручку и аккуратно отставил в сторонку. — Сколько с меня?

— Копеек пятьдесят, но она же целая...

Утехин достал из кармана рубль и положил перед официантом:

— Полтинник за чашку, которую я забираю с собой, и на остальное пачку сигарет... Поздно, — извинился он, — больше купить нигде...

— Как вам будет угодно... — Официант вынул из кармана и отдал пачку «Явы» и ушел.

Утехин подошел к швейцару, держа в руках чашку. Тот смотрел на него с недоумением — столько лет проработал в ресторане, но чтобы покупали грязную кофейную чашку, видел впервые.

— Сейчас мы одни, хотите что-нибудь сообщить?

Швейцар замотал головой.

— А почему направляли меня к гардеробщику? Что он мне должен был сказать?

Швейцар упорно молчал.

— А если я временно забуду про Массандру, коньяк и шампанское?

— Я и так сказал лишнее... — нехотя выдавил из себя швейцар.

— Ну! — резко, отрывисто скомандовал Утехин. — Полминуты на размышление! — Он взял его за лацкан пиджака. — Быстро говори, мерзавец...

Швейцар не ожидал такого поворота дела. Отступить было некуда. Но и говорить не хотелось... Возле дряблой щеки оказалась твердая и жесткая рука оперативника, воротник начинал душить, сжимать горло...

— Впучатая племянница... — с хрипом выдохнул он, и сразу же дышать стало легко и свободно.

— Молодец! — коротко бросил Андрей и пошел по лестнице с кофейной чашкой в руке.

Едва усевшись на переднем сиденье, Андрей закурил сигарету. Буренков, дремавший до появления Утехина, встрепенулся и сразу же завел мотор:

— Куда теперь?

— К криминалистам, на Петровку.

— Видать, сдвинулось с мертвой точки?

— Как сказать... Пока одни наметки, ничего определенно-го... Блуждаем в потемках.

— А чашка? Зачем она?

— Дорого бы я сейчас дал, чтобы на ней оказались отпечатки пальцев. Еще дороже, если бы они оказались в памяти умной машины...

— Напали на след?

— Твои бы слова, Леха, да богу в уши! — Утехин взял трубку радиостанции и вызвал дежурного.

— Слушаю, сто пятый, — гораздо быстрее, чем раньше, отозвался Мельник. — На приеме!

— Нужна помощь — «установка» на гражданина Филимонова Андрея Сергеевича, рождения тысяча девятьсот двадцать четвертого года, гардеробщика ресторана «Прага». Где проживает? Где живет его внучка по имени Алена? Прием!

— Попаял, сделаю. Морозов просил передать — альбомы ничего не дали, Михалев никого не видел.

— Где старик?

— Отвезли домой его и художника.

— Спасибо. Буду через полчаса. Если что срочное — на приеме.

— Хорошо, сто пятый. Конец связи...

Утехин с наслаждением откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и собрался подремать. Глаза слипались сами собой. В животе урчало от голода.

«Спать, спать, спать... — мысленно приказывал Андрей. — Это необходимо для дальнейшей работы...»

Спать он научился в любом положении: стоя, сидя, полулежа. Даже в транспорте, когда это было необходимо, Утехин переклjučался на сон. Стоило закрыть глаза и твердо приказать себе, как он засыпал. Просыпался минут через десять-пятнадцать, совершенно отдохнувшим. Дома в спокойной обстановке все было не так просто — неизвестно откуда приходили мысли о работе. Они вертелись, роились в мозгу, рождали версии поведения, розыска, которые приходилось тотчас обдумывать, пока не вылетели из головы, и сон пропадавал. Андрей не относился к числу счастливицков, которые просыпались на том же боку, что и засыпали.

С Петровки возвращались во втором часу ночи. Криминалисты быстро поняли свою задачу и обещали сообщить результат по телефону. Радости на их лицах Андрей не приметил — кому срочная работа посреди ночи в удовольствие?

В который раз промелькнули за окном машины огни в окнах родного дома, и через минуту, скрипнув тормозами, она остановилась у отделения. В кабинете Морозова на стуле покачивалась помятая личность неизвестного пола. Одежда ничего прояснить не могла — яркие цвета ткани, балахонистый свободный покрой, обтрепанные клетчатые брюки, тесно стянутые у щиколоток тесьмой. Сальные волосы скрывали лицо, и понять, какого пола клиент находится в «гостях», было невозможно. Рядом с ним на краешке стула сидел паренек лет двадцати, в очках, похожий на студента.

— Кто такие? — Утехин присел к столу, на котором лежали блестящие коробочки-стерилизаторы из нержавеющей стали.

Морозов прошелся по кабинету. Андрей заметил, что с тех пор, как они не виделись, его лицо приобрело какой-то тусклый желтоватый оттенок. Склонив голову, Морозов поправлял папиросой.

— Посмотри на их руки — вен не найти. Исколоты все! — Нагнувшись, Морозов достал из-под стола урну и выбросил погасшую «беломорину». — Смотришь на них и не знаешь, плакать или смеяться...

— Что так? — Андрей подошел к патлатому существу и взял его за рукав.

Неизвестнополая личность проявила неожиданную агрессивность. Мотнув головой, она разметала по плечам давно

немытые волосы: на старушечьем, изможденном, с глубокими морщинами лице ненавистью горели молодые, пронзительно-синие и совсем не выцветшие глаза. Послышался треск ниток — наркоман вырвал руку.

— А пошел бы ты... — выругался он. — Тоже мне, нашелся наблюдатель. У своей жены гляди!

— Цыц, паразит! — прикрикнул на него Морозов. Тот как-то неестественно дернулся, будто у него не все было в порядке с координацией движений, и резко отвернулся к стене. Морозов посмотрел на Андрея и бросил мимоходом:

— Не связывайся с ним. Посмотри лучше на их оружие, — он кивнул на белые коробочки, шприцы, иглы, ампулы. — Жаль, Листвянников смылся, а то бы всех застукали.

— Ампулы откуда? Запайка заводская, клеймо фирменное...

— Найдем Листвянникова — спросим. Эти пока молчат, не понимают моих вопросов, словно на разных языках говорим...

При этих словах «студент» судорожным движением поправил очки и быстро взглянул сначала на Морозова, а потом перевел взгляд на Утехина.

— Простите, — сказал он скороговоркой, — но я недавно... — что «недавно», он проглотил. — Честное слово, больше не повторится. Только третий раз пробовал...

— Сколько отдавал за дозу? — жестко прервал его оправдания Морозов.

— Из маленького шприца... — парень привстал на стуле и показал на коробочку-стерилизатор. — Просили два с половиной...

— Двадцать пять? — с удивлением переспросил Утехин.

— А что ты думал. Такие расценки еще божеские. И дороже, бывает, дерут. А у кого денег не хватает, по садам шарят — мак воруют...

— Ладно, с ними ясно. Скажи, как с нашим вопросом...

— Никак! Дрючок здесь ни при чем... В момент нападения на художника его видели во дворе — возился со своим «датсуном». Натирал кузов полиролью.

— Этих-то где подобрал?

— Выходит, что его корешата, в квартире сидели. Очкарик готовился вколоть себе в вену, уже жгут прилаживал, а эгот, в клетчатых бананах, «сидел на игле».

Зазвонил телефон. Морозов не спеша взял трубку:

— У меня, Филипп Степанович. Сейчас соединю... — Он протянул телефон Андрею.

— Готов! Записываю... — Он нетерпеливо выхватил у Морозова карандаш. — Так... Так... С самим гардеробщиком ясно, что с внучкой? По отцовской линии? Значит, фамилия у нее Филимонова? Замужем? Нет! Ясно, Степаныч! Как не Алена? Ошибки нет? Единственная? — Андрей выразительно

посмотрел на Морозова и сделал ему знак: «Внимание! Интересная информация!» — Так... Так... Записал. По нашей территории... Спасибо! Все! — Андрей осторожно вернул трубку телефона на место.

— Что? — не терпелось Морозову. — Что он сказал?

— Есть одна барышня... — Андрей положил на стол портрет темноволосой девушки. — Только зовут ее не Аленой. Оказалось, что она Наталья Дмитриевна Филимонова, проживает на нашей территории и, самое главное, неоднократно бывала в нашем отделении...

— Почему не помню?

— Скандалистка она, а это не по нашему ведомству... До уголовной сферы подобная информация не доходит...

— А, черт! — воскликнул Морозов. — Надо было раньше в журналах порыться... Не догадался.

— Ничего бы не дало — мы ее знали как Алену.

— Верно. Но теперь надо будет просмотреть еще разок книги доставлявшихся — вдруг она попадалась не одна...

— Возьмешь на себя?

— Хорошо. А ты?

— К ней.

— Нарвешься на неприятности — время позднее! Одна жалоба, и спарывай погоню...

Утехин налил из графина воды, залпом выпил и бросил на ходу:

— Поехал! Проверь журналы, и до встречи...

И опять промелькнули за стеклами машины окна родного дома. Машина проехала по освещенному проспекту и свернула в узенькую улочку.

— Кажется, здесь... — Буренков рассматривал едва заметную сквозь ветви деревьев табличку с номером дома. — Судя по всему, наша квартирка в четвертом подъезде...

Андрей внимательно посмотрел на Буренкова, размышляя, пригласить его с собой в квартиру, где живет Филимонова, или не стоит. Однажды в подобной ситуации он попросил Алексея помочь, и тот отказался. Мотивировка была простой — нельзя оставлять машину без присмотра. Правда это объяснение было только отчасти. Буренков прочно усвоил, что появление в чужой квартире в ночное время дело рискованное. Долгая служба научила своеобразной житейской мудрости — понапрасну не рисковать. Что ни говори, а в ночном визите есть нарушение закона.

— Жди меня здесь... — сказал Андрей и решительно вышел из машины.

Перед дверью в квартиру он остановился и задумался, взвешивая в последний раз все «за» и «против». Рука медленно поднялась к кнопке, на секунду застыла в нерешительности, и только потом палец нажал на кнопку звонка.

За дверью раздалась короткая, показавшаяся очень громкой и пронзительной трель, и снова наступила долгая тишина.

«Не миновать жалобы, — с тоской подумал Андрей. — Квартира коммунальная. Третий час ночи... Точно, выплут по первое число!»

Минутой через полторы послышался звук шлепающих по полу тапочек, стук щеколды. Дверь осторожно приоткрылась на длину цепочки.

— Вам кого? — спросил заспанный недовольный голос.

— Простите, Филимонова Наталья здесь живет?

— Вы кто такой? Ни дня, ни ночи из-за вас... Жизни нет!

Андрей незаметно отработанным приемом вставил ботинок в образовавшуюся щель и лишь потом вкрадчиво спросил:

— А вы кем ей приходитеесь?

— Соседка... — Женщина удивленно смотрела на ботинок Утехина и, похоже, собиралась возмутиться, но не успела этого сделать.

— Ксения Петровна, — обратился к ней оперуполномоченный, вспомнив имя и отчество женщины из информации Мельника. — Я из уголовного розыска, из вашего районного управления, и очень хочу с вами поговорить...

— А удостоверение есть? — осторожно поинтересовалась женщина.

Андрей подал ей удостоверение. Дверь распахнулась.

— Из уголовного розыска, — с уважением произнесла женщина. — Проходите. Что натворила эта...?

По тому, как женщина отозвалась о соседке, было ясно: мира здесь, очевидно, нет и в ближайшее время не предвидится. Хозяйка проводила Утехина на кухню, предложила стул, посмотрела на часы.

— Поздняя у вас работа! Времени-то половина третьего.

— Приношу, Ксения Петровна, свои извинения...

— Ладно уж, рассказывайте, зачем пришли...

Андрей решил брать «быка за рога». Скрывать что-либо от этой женщины, у которой натянутые отношения с Филимоновой, он посчитал лишним. Да и сам тон разговора с ней в этот неурочный час — мирный, доверительный — позволял применить единственно возможную тактику — полную откровенность.

Андрей подпер ладонью голову и тихим усталым голосом задал первый вопрос:

— Она дома?

— Да. Около десяти приперлась, а к одиннадцати явился и ухажер...

— Ухажер? — удивленно спросил Андрей и подумал, что, кажется, начинается везение — преступник сам идет в руки.

— До половины двенадцатого музыку заводили, еле угомонились! — сердито сказала соседка. — Пусть хоть как жи-

вет, но в квартире должен быть порядок. А то пол в коридоре никогда не помоеет...

— Конечно, конечно... — дипломатично заметил Андрей. — Заботы по дому должны быть поделены поровну.

— Не совсем так! — резко возразила женщина. Чувствовалось — тема разговора актуальна. — Ко мне не шлятся каждый вечер гости. После меня на кухне порядок. А она поджарит котлетки магазинные для своих хахалей, так форточку не откроет... Гарь, не продохнуть!

В коридоре послышались осторожные шажки, кажется, хлопнула дверь. Андрей стремглав выбежал в прихожую — действительно, входная дверь распахнута настежь, а из комнаты Филимоновой на линолеум падает приглушенный свет...

«Ушел! Черт бы его побрал, — выругался про себя Утехин. — Придется теперь догонять... — Он невзначай коснулся кобуры. — Может, понадобится!» — и выбежал из квартиры.

На лестнице он столкнулся нос к носу с парнем лет девятнадцати, которого довольно бесцеремонно подталкивал в спину Буренков. Вид его был спокоен и невозмутим.

— Не из вашей квартиры выскочил? — как бы между прочим поинтересовался Буренков. — Шустрый парнишка, и кулаки научился распускать... Милиция — не милиция, для него нет разницы. Говорю, подожди секунду... Рвется, как будто ненормальный.

Утехин молча прислонился к стене, освобождая проход в квартиру. Парень прошел в прихожую и застыл — дальше идти не собирался. Утехин подтолкнул его и заставил пройти на кухню:

— Кончай дурить! Иди вперед... — Тот неловко передернул плечами и, подчиняясь, пошелся вперед.

— Документы есть? — строго спросил Андрей, глядя в глаза парню.

— Зачем? Я не сделал ничего предосудительного.

— Как сказать, молодой человек. Одно то, что в столь поздний час вы находитесь в квартире, из которой только что пытались сбежать, вызывает пристальный интерес. Второе: вы здесь не прописаны... И не исключено, что после выяснения вашей личности могут появиться более весомые вопросы... Итак, прошу документы...

— Во-первых, — начал парень, справившись наконец с «молнией» на куртке, которую все это время, с момента встречи с оперативником, он безуспешно пытался расстегнуть, — вы в данный момент тоже находитесь в квартире, в которой не прописаны, да еще в ночное время, мешаете отдыхать гражданам...

— Считайте, — моментально сориентировалась Клавдия Петровна, — что он пришел ко мне в гости...

Андрей поблагодарил ее одними глазами за более чем своевременную помощь.

— Ну, тогда... — парень нагло улыбнулся, — второе: у меня нет при себе никаких документов...

— Это хуже... — медленно произнес Утехин, пристально глядя на оттопыривающийся нагрудный карман пиджака, в котором, судя по всему, и лежали документы.

— Поговорим без документов?

— Поговорим, — кивнул молодой человек. — Только с моей стороны инициативы не будет...

— Фамилия, имя, отчество, род занятий, место жительства? — перечислил Андрей то, что могло интересовать в первую очередь.

— Иванов Иван Иванович, — затараторил молодой человек. — Рабочий, город Москва... Удовлетворяет?

— Кончай дурачиться, парень, — громко сказала Ксения Петровна. — Он же из уголовного розыска! Ты что, не понимаешь?

От двери, расположенной за спиной Андрея, раздался неожиданный голос:

— Вениамин, говори все, нам скрывать нечего...

Андрей медленно обернулся и увидел стоявшую за спиной «Алену» — Наташу. Сходство с портретом было поразительным... Вот уж действительно — пьян художник, а дело знает. Нарисовано здорово.

— Проходите, пожалуйста, Наталья Дмитриевна, садитесь.

— Спасибо, что разрешаете сесть в собственной квартире, — без ожидаемой злости, но с хорошо заметной иронией произнесла девушка.

Андрей посмотрел на то, как она легко прошла по кухне, подвинула табуретку к молодому человеку и села точно напротив Утехина.

— Чем могу быть полезна? Ведь вы пришли ко мне?

— К вам, — односложно подтвердил Андрей. — К вам. Вопрос первый — кто этот человек?

Она перевела взгляд с Андрея на парня, неторопливо, словно видела впервые, оглядела его немного рассерженное лицо и ласковым движением пригладила волосы...

— Мой жених — Вениамин Валерьевич Смирницкий, студент, Валдайский проезд, дом восемнадцать, квартира четыре... Так вы, кажется, спрашивали, в такой последовательности... — Она сунула тонкие пальчики в карман его пиджака и положила перед Андреем синий студенческий билет. — Дурачок! — погладила она еще раз волосы парня. — С твоими руками кто тебе поверит, что ты рабочий... Врать-то не научился...

Андрей еле заметно улыбнулся. Нежность этой девушки к Смирницкому была неподдельной, только пряталась она за шелухой ненужных, отдающих пустой бравадой слов.

— Не вижу причины больше вас задерживать, Вениамин. Можете идти...

— Я в общем-то уже не спешу...

— Ну, вот и договорились. У меня для вас, Наташа, есть подарок. — Он положил перед ней ее портрет, нарисованный Пиленовым. — Как, похоже?

— Очень, — смущенно произнесла она и закусила пунцовые губы, прочитав подпись под рисунком.

— А почему «Алена»? — спросил парень, недоумевающе глядя на Утехина.

— Я, честно говоря, тоже не прочь это узнать... — сказал Андрей. — Может быть, Наталья Дмитриевна разъяснит?

Филимонова посмотрела на Андрея и попросила:

— Можно, я расскажу только вам? Без них... — она кивнула в сторону соседки и Вениамина. Андрей посмотрел на присутствующих и после некоторого раздумья сказал:

— Не возражаю... Оставьте нас, пожалуйста, одних.

— Я останусь! — решительно заявил Вениамин, наваливаясь грудью на стол.

— Нет, — решительно отрезала Наталья. — Уходи или сейчас, или навсегда.

Молодой человек нехотя поднялся и вслед за соседкой вышел из кухни. Через секунду за ним во второй раз хлопнула входная дверь квартиры.

— Итак, жду от вас честного рассказа...

— Говорила я Надьке, что все это плохо кончится... — с какой-то тоской в голосе произнесла Филимонова. — Зачем ей это...

«Приятная неожиданность... — оценил Андрей признание Филимоновой. Алена не Алена, а Наталья, да и Марина оказалась Надькой — Надеждой...»

— Назовите, пожалуйста, адрес своей подруги и фамилию, если знаете...

— Только не думайте, что Вениамин тут замешан. Он ведь думает, что я тоже студентка, а я... В общем, наверное, у нас теперь ничего не получится... Не пара я ему... Даже поговорить нам толком не о чем... Он с таким увлечением рассказывает о своей будущей профессии, какие-то там процессоры, модули... А я даже признаться ему боюсь, что на рынке весы да халаты выдаю...

— Зато на рестораны хватает.

— Хватает, — неожиданно озлобившись, с вызовом, почти крикнула Филимонова. — Могу и подруг пригласить, и шикарных мальчиков...

— Кстати, о мальчиках... Меня очень интересует окружение Надежды, вашей подруги... Что можете сказать...

— Ничего.

— Может, просто не хотите?

— Может, и не хочу.

— Тогда расскажите о сегодняшнем вечере. Но предупреждаю, что я считаю вас, по крайней мере, соучастницей преступления...

— Соучастница! Не смешите меня. Я тут совершенно ни при чем. Я с половины десятого дома. Этого даже соседка не станет отрицать, хотя у нас с ней, как вы поняли, отношения не ахти какие.

— Почему, Наташа, вы так уверенно говорите о времени? Вы знали, что будет после десяти?

— Нет! Не знала тогда и сейчас понятия не имею... — ответила она быстро, словно хотела прекратить разговор на эту тему, и по тому, как она ответила, Андрей понял, что она соврала.

Он отвел взгляд от собеседницы и принялся рассматривать горку красных аппетитных яблок, лежащих на тарелке. Неожиданно он испытал очередной приступ голода. Ему так сильно захотелось откусить от яблока — сочного, сладкого, вкусного, что он с трудом оторвал взгляд от тарелки. Девушка была погружена в невеселые, только ей одной ведомые мысли.

— О чем задумались?

Филимонова молчала, а потом с грустью в голосе произнесла:

— О счастье... Где оно, интересно, бродит? Стоит ему только немного забрезжить на горизонте, обязательно кто-нибудь помешает... Вот, теперь вы на мою грешную голову свалились. — Из ее глаз медленно катились по щекам слезы. — А ведь не вернется Вениамин. Не вернется... Он про меня теперь бог знает что подумает...

— Если любит — не подумает.

— Легко вам говорить... — Она, словно придя к какому-то важному решению, решительно вытерла слезы. — Записывайте, пока не передумала. Зовут ее Надеждой. Залихватова Надежда... Так и пишите! Отчества не знаю... Живет не очень далеко... Рядом с пятидесятым отделением милиции, в доме, где «Галантерея», во втором подъезде. Адреса не знаю. Пусть она сама выкручивается. Только спешите, если хотите застать, — завтра ее в Москве не будет...

— Спасибо, Наташа, и до свидания. Заметьте, я не говорю прощайте, жду у себя в кабинете. Поняли?

— Чего уж тут не понять.

На лестничной площадке курил студент. Увидев вышедшего Андрея, отшвырнул в угол сигарету и кинулся к нему:

— Товарищ капитан!

— Слушаю вас, — Андрей повернулся в его сторону.

— Не сообщайте, пожалуйста, в институт. Поймите, я люблю эту девушку. Люблю...

«Что они, очумели?! Каждый пытается доказать мне свою любовь друг к другу...» Он смотрел на парня, на его чуть подрагивающие губы и не знал, что ему сказать...

— Завтра когда заканчиваются занятия?

— В три...

— Знаешь что... — Андрей что-то прикинул в уме. — К четырем жду в кабинете... Поговорить надо. Понял?

— Обязательно будем... — сдержанно ответил на улыбку парень. — Вы простите меня... В общем, я неправильно поступил...

— Ладно. Топай дальше, донжуан несчастный...

— Прояснилось? — Буренков встретил уполномоченного вопросом.

— Как тебе сказать... Ты можешь себе представить, что молодая девушка ради денег пойдет на такое?.. Вот и мне не верится.

— Ехать куда?

— Знаешь напротив «полтинника» магазин «Галантерея»? Давай к нему.

Андрей после секундного раздумья взял трубку радиостанции.

— Как успехи, Андрей? — донесся сквозь шорох голос Филиппа Степановича.

— Нормальные успехи.

— Слушай информацию: группа провела осмотр места происшествия. Есть кое-что любопытное. В снегу обнаружен сезонный билет на электричку по маршруту Рига — Тукумс... Фамилия размыта, какой-то Каин или Камень получается... Криминалисты пока работают...

— Каин, говоришь? — переспросил Андрей. — Спасибо, Филипп. До связи...

Недоговоренное Наташей постепенно приобретало реальные очертания... Вроде бы получалось, что Марина-Надя сориептировалась в отношении художника. «Мужичок так себе, тюфячок, но при деньгах. Поняла — жирный карась сам плывет в сети... Хотя не карась, — усмехнулся про себя Андрей. — Вернее сказать, пескаришка приплыл к крючку с насадкой, а ей, без сомнения, была квартира и Марина-Надя».

— Галантерея! — прервал размышления Андрея Буренков. — С вами идти или ждать в машине?

— Давай, Леша, как там... Хорошо это у тебя получилось, в самый раз послел!

В подъезде, ночном, полутемном, с запахами близлежащего магазина — перекишей капусты, пивных дрожжей и еще чего-то неприятного, Андрей нос к носу столкнулся с Морозовым.

— Привет! — несколько опешив, пробормотал Утехин. — Ты уже здесь? Какими судьбами?

— Лучше бы спросил, чьими молитвами.

— Ну, спрашиваю!

— Твоими! Просматривая журналы доставленных, обнаружил и этот адрес. Живет здесь некая Залихватова...

— Надежда...

— Осиповна... К нам она доставлялась один-единственный раз, а вот ребята из пятидесятого отделения знают ее хорошо... Крупняка за ней нет, дела копеечные. Картинка опознана на сто процентов!

— Ведомственные барьеры до добра не доведут... Ну почему мы с тобой не догадались связаться с мужиками из «полтинника»? Соседний район, территория стыкуется, а преступники и правонарушители плевать хотели на наши границы — сегодня здесь квартиру обчистят, завтра в соседнем доме, и будем искать их по отдельности... Два отделения, двух районов... Чепуха какая-то!

— Времени потеряли уйму!

— Хоть дома она?

— Немного опоздали. Дома вдребезги пьяный тип. Представляешь, голый посреди комнаты валяется, а одежда повсюду раскидана. Думали «скорую» вызвать, а он храпит себе спокойненько и ухом не ведет. Растолкали, поняли, что беседовать бесполезно, и отправили его до утра в вытрезвитель...

— Ребят предупредили?

— Конечно. Утром с ним займутся более внимательно. Правда, и сейчас пришлось повозиться — голым ехать хотел...

Андрей не удержался и хмыкнул.

— Ну и везли бы!

— Нюанс один есть — коротенькая курточка и «Монтана» с заклепками на карманах. Со мной патрульные милиционеры были, так в одно мгновение натянули одежду...

— Как, подошла? Не жала в локтях, под мышками?

— Думаешь, будет утром отпираться, говорить, что не его?

— Может! — сказал Андрей и добавил: — Вдруг окажется, что натянули одежду на невиновного... Подстраховаться завтра надо. Понял? Спрашивать исподволь... Где, кстати, у него заклепки? На карманах?

— Точно. На каждом по пяти... И глина на заднице — желтая.

— Замечательно, Олег! Просто прекрасно! Одежда принадлежит тому, кто сиганул через забор... Значит, мы на верном пути...

— На табло: один-ноль...

«Один-то есть, — подумал Утехин не о счете, а о преступниках, — а где второй? Кто он?»

— Криминалистам не звонил еще? Что твоя чашка?

— Верно говоришь — пора звонить! Есть тут телефон?

— За углом была будка...

— Пошли! — Андрей достал очередную сигарету и с жадностью затянулся.

К середине ночи ветер стал заметно холоднее, порывистее. Резкие потоки студеного и мокрого от мелкого нудного

дождя воздуха пытались затушить едва рдеющий огонек сигареты, срывая с ее кончика искры.

В будке сразу же показалось теплее — здесь не было ветра. Ни у Морозова, ни у Андрея не оказалось двушки. Можно было бы созвониться и через девушек, дежурящих на «02», но не хотелось вступать в долгие переговоры, объяснить, что нужны криминалисты, ждать, пока они наберут номер на вертушке... В щель автомата пролез, блеснув в темноте, гривенник...

— Посвети спичкой, — попросил Утехин, — ничего не вижу...

— Я на столе оставил...

— Возьми у меня в левом кармане...

Олег достал из плаща Утехина спички, долго чиркал и наконец зажег, но радоваться было рано — у телефона отсутствовал диск номеронабирателя, выданный кем-то без малейшей жалости.

— Чертовщина... — пробурчал Андрей. — Не повезет, так с самого начала. Слушай, тебе сегодня кошка не попадалась? Может, баба с пустыми ведрами? Чего такое фатальное нагромождение бед? Где теперь прикажешь искать телефон?

— А если опять воспользоваться рацией?

— Напрямую не получится. Если только через Филиппа...

— Давай попробуем. — Они пошли назад к дому, где стояла машина.

— Кстати, — снова подал голос Морозов, — хочешь, скажу интересную штуку? Мы когда алкаша в квартире тормозили, он сперва, как говорится, ни бе, ни ме, ни кукареку... Не в том был состоянии. Потом очухался немного и забормotal... Сначала ругался, что ментам на съедение его швырнули, а потом все про какой-то кетмень вскрикивал. Я понимаю, что-то вроде среднеазиатской тяпки...

— На туркмена похож? — насторожился Андрей.

— Кто его знает, чернявый вроде, смуглый...

Андрей остановился и посмотрел на товарища.

— По сводке о гастролерах фигурировал один тип — какой-то «Оглы»... Не он ли? У меня его снимок под стеклом лежит... Но есть еще одно интересное направление — надо с водителем посоветоваться...

— С Буренковым?

— Да. Он, кажется, раньше в таксопарке работал...

— Что из этого?

— Когда мы выносили пьяного, из квартиры напротив выглянул довольно остороженький мужичок. Оказалось, он шофер такси. Недавно вернулся с работы, еще не ложился...

— Короче...

— Он видел Залихватову...

— Когда?

— Минуту, определимся... — Морозов посмотрел на ча-

сы — дифферблат едва был виден в свете фонаря, — сейчас без десяти четыре... Стало быть, видел он ее чуть больше часа назад. Она садилась в машину с высоким светловолосым молодым человеком.

— Номер машины не запомнил?

— В том-то и дело, что на это он внимания не обратил...

— Тогда это не вариант!

— ...но он знает водителя. Даже перекинулся, говорит, с ним парой слов. Зовут его Лешкой, Алексеем то есть... Они вместе однажды ремонтировались, и он утверждает, что машина из девятнадцатого... Радиофицированная.

— Что ж ты молчал, голова садовая! Надо рвать когти к диспетчерам в парк, поднимать вызовы, искать адрес по маршруту и выяснить, куда поехали...

Утехин колебался — с одной стороны, надо действовать, на счету каждая минута, с другой, все еще нет стопроцентной уверенности, что розыск идет по верному пути. Бросившись сломя голову в погоню за таксистом, можно безвозвратно потерять эти же самые минуты.

Алексей Буренков возился в двигателе. Из-под отброшенного капота светилась лампочка аварийного освещения. Выслушав ребят, он сразу же охладил их пыл:

— В таксопарк сейчас соваться бесполезно, — он вытер руки промасленной тряпкой. — У них сейчас самая запарка. Да и пересменка, наверное, уже была...

— Где он, девятнадцатый?

— На другом конце города — в Волгоградском районе, но ехать туда ни к чему.

— Почему? — недоумевал Морозов.

— Заказы принимает диспетчерская, расположенная в центре города.

— Может, сделать иначе... — пытался найти выход Утехиц, — поехать в управление, позвонить коллегам, на чьей территории диспетчерский пункт, и попросить их...

— Интересно, как быстро они выйдут на этот заказ? — поинтересовался Олег.

— Будем надеяться на час-полтора... — задумчиво сказал Андрей. — У тебя там нет знакомого опера?

— Есть-то есть, — вспоминал Морозов. — Весь вопрос в том, кто сегодня дежурит...

Буренков завел двигатель и абсолютно спокойным и бесстрастным голосом предложил:

— Хотите, сделаем за двадцать минут?

Андрей и Олег удивленно уставились на шофера, пытаясь понять, шутит тот или говорит серьезно. Однако на лице Буренкова не было и тени насмешки:

— У меня там есть знакомая дежурная. Подъедем и все сделаем быстрее быстрого... Идет?

— Давно такого не видел, — фыркнул Морозов. — Какая-то фантастика...

Криминалисты позвонили только в пять утра. Они сообщили немало, но хотелось большего: на чашке обнаружен отчетливый след пальца. Похоже, что это был указательный палец правой руки. Узор завитковый, четкий, с большим количеством хорошо различимых деталей... На этом информация обрывалась. След пальца отдали эвээмщикам — теперь пусть они — боги математики, определяют, кому он может принадлежать. Пусть пороются в своей памяти: чем черт не шутит, вдруг попадал в поле зрения милиции этот ресторанный знакомый девушек? Больше ясности было с такси — в найденной записи о заказах конечным пунктом значился Банный переулок...

Судя по картам и справочникам, здесь давно не было никаких бань. Днем в этом переулке функционировало печально известное всей Москве квартирное бюро с его акулами-маклерами, выискивающими жертвы.

«Банная, банный, банщик... — мусолил в уме Утехин прилипчивое слово, пытаясь вникнуть в смысл, вспоминая, что есть в этом злополучном месте. — Два или три магазина, кажется, ремонт обуви, парикмахерская...» — Ничего толкового не вспоминалось.

«Ума — два гумна, а баня без крыши...» — невесело вздохнул сидящий на заднем сиденье Морозов — ему тоже никак не удавалось ухватить нить рассуждений... Что-то, проливающее свет, может, отгадка, было рядом.

Буренков с невозмутимым видом крутил баранку да попыхивал очередной папиросой. Время шло к утру, а глядя на него, нельзя было сказать, что сутки его дежурства подходят к концу. Осталась сущая ерунда, меньше четырех часов...

— Есть! — Утехин хлопнул ладонью по лбу. — Рижский вокзал!

— Что? При чем здесь Рижский вокзал?

— Помнишь сезонку, Каина и маршрут Рига — Тукумс? А теперь твои слова — грозил каким-то кетменем... Не тупой среднеазиатской он грозил, а чем-то вроде Каина! Ясно тебе?

Буренков недоверчиво посмотрел на оперативников:

— Меняем направление на Рижский вокзал?

— Давай, Леха, давай, — одобрительно хлопнул его по плечу Морозов. — Если мне не изменяет память, первый поезд на Ригу уходит в шесть сорок...

— То есть до отхода осталось всего двенадцать минут! — сообщил Утехин и тоже хлопнул водителя по плечу. — Вся надежда на тебя, сворачивай и дуй кратчайшим путем!

Резко завизжали тормоза. Алексей в крутом вираже бросил машину рывком в темный переулок, и сразу же двигатель взвыл на высоких оборотах. Светало.

Машин на улице стало больше — легковушек, такси, служебных со всякими «мигалками» на крышах...

«Газик» резко подбрасывало на ухабах, довольно заметно заносило в сторону при поворотах на мокром асфальте.

Вдруг мотор «запел» на высокой ноте, и наступила полная тишина.

— Что? Что? — одновременно выпалили Морозов и Утехин.

Буренков пулей выскочил из застывшей посреди проезжей части машины, поднял капот, подергал за какой-то проводок и горько произнес одно-единственное слово: «Бензин».

— Что бензин?

— Кончился, черт его дери! — чуть не плакал водитель. — Говорил я Филиппу, чтобы дал двадцать литров, а на этом старье, — он пнул ботинком скат, — за ночь десять литров ухайдакали...

— Бежим! — не раздумывая прохрипел Утехин. — Здесь дворами и выскакиваем прямо к подъездным путям... До отправления семь с половиной минут... Быстрее!

И они побежали. Утехин, словно спортсмен на дистанции, размеренно выкидывал длинные ноги, бежал так, как учили — вдох через нос, выдох через рот. Сзади наступал на пятки Олег. За спиной остался сквер, улица, площадь... Когда Андрей добежал до дальнего края платформы, по радиотрансляции раздался голос, возвещавший об отправлении скорого поезда. Натужно взревел протяжный гудок электровоза, торопивший провожающих и замешкавшихся на платформе пассажиров.

Утехин успел добежать до последнего вагона уже тронувшегося поезда и, невзирая на протест проводницы, вскочил в полуоткрытую дверь. Обернувшись, он посмотрел на платформу — Олегу оставалось до двери еще чуть-чуть. Лево́й рукой Андрей намертво вцепился в поручень, а правой втянул Морозова.

— Вы что, — кричала проводница, — с ума посходили!.. Да за такое дело меня с работы уволят... Прыгать на ходу... Совсем очумели! Не пассажиры, а сущее наказание. Что, опоздали? Ваши билеты!

Ребята отошли в глубину тамбура, позволили женщине беспрепятственно закрыть дверь. Морозов достал было сигареты и собирался закурить, но Андрей сделал ему знак рукой — подожди. Надо потерпеть, пока она успокоится.

Женщина повернулась к розысникам:

— Билеты!

— Когда у него первая остановка, мамаша? — еще не отдышавшись как следует, с трудом переводя дыхание, произнес Андрей. — Наверное, часа через два?

— Что? — опешила проводница. — Я вам сейчас покажу мамашу... Сынки выискались... — Неизвестно откуда в ее руке оказалась кочерга. Ни Андрей, ни Морозов еще ничего не успели сказать, а женщина уже пятилась задом к двери, ве-

душей в вагон. Андрей торопливо раскрыл удостоверение с золотым тиснением: «Московский уголовный розыск».

Женщина по инерции продолжала ворчать:

— А еще милиция... Разве можно прыгать на ходу... Да меня за такую посадку прогрессивки лишат, а вам наплевать... — Ребята все еще молчали, пытаясь перевести дух. — Могли бы и электрички подождать, — продолжала женщина, — коль всего до Волоколамска ехать.

— Это какой вагон? — вдруг прорезался голос у Морозова, и он наткнулся на очумелый взгляд проводницы, у которой вновь возникли подозрения — мало того, что без билета, так еще и сумасшедшие...

— Последний...

Морозов понимающе улыбнулся и шепотом дополнил вопрос:

— А номер какой у последнего вагона?

— Шестнадцатый...

— Скажите, сейчас все тамбуры открыты? — поинтересовался Утехин.

— Могут быть и закрыты какие...

— Придется попросить у вас ключик... — Он посмотрел на все еще недоумевающую проводницу. — И еще очень важный вопрос: эту девушку не видели?

Женщина осторожно взяла в руки рисунок, на котором была изображена Залихватова, и принялась его рассматривать. За эту ночь, полную суеты и переездов, листок в кармане помялся, карандашные штрихи на сгибах стали бледными, нечеткими, но это не должно было помешать узнаванию — сходство сохранилось.

— С ней мог быть молодой человек — высокий, светло-волосый, стройный...

— Жаль, Каина не успели нарисовать, — невнятно пробормотал Морозов.

Андрей хотел приложить палец к губам, что означало: молчи... Но в этот момент натолкнулся на настороженный взгляд женщины.

— При чем тут Линда? Кайминь все время была у себя...

— Вы не ошибаетесь? — быстро, стараясь опередить Морозова, вкрадчиво спросил Утехин, хотя понятия не имел, кто такая Линда.

— Не ошибаюсь. Я к ней в восьмой заходила незадолго до посадки, а когда посадка, сами понимаете... Интересно, чем это она могла заинтересовать уголовный розыск? Тут какая-то ошибка.

— Разберемся. — Андрей взял у женщины ключ. — Расписку писать?

— Да ну вас, милиции еще не верить...

— У нас к вам просьба, — сказал Морозов. — Никому о

нашем пребывании в поезде ни слова. Хорошо? — И, не дожидаясь ответа, толкнул в бок Утехина, что должно было означать: «Пошли!»

Утехин пробирался впереди, открывая запертые на время посадки двери тамбуров. Стараясь не отставать от него, шел Морозов. Поезд, набиравший скорость, заметно покачивало. В тамбуре, свободном от случайных зевак, курильщиков, обслуживающего персонала, они остановились и, не сговариваясь, достали курево.

— Я чего думаю, — нерешительно произнес Олег, — надо определиться с уликами... Знаешь, мое мнение такое — одного рисунка маловато... Доказательств — ноль целых хрен десятых... Денег пиленовских мы скорее всего не найдем, украденный у него паспорт, наверное, выброшен... Что же остается?..

Андрей стоял, прислонившись к грязноватой стене тамбура, и жадно курил. То, о чем говорил сейчас Морозов, уже неоднократно в течение ночи приходило и ему в голову, но ответа он не находил... Не было у него никакой уверенности в том, что идут они по правильному пути, что преступник находится в поезде... Ах, как могли помочь своей информацией ребята с вычислительного центра, но «прокрутить» пальчики через машину они не успели... Иначе бы Мельник уже давно бы сообщил... А так очень похоже, что тянут они «пустышку», но, как бы там ни было, тянуть ее надо до конца... Знать, что сделали все, что могли!

Андрей, прижавшись боком к стене тамбура, ощутил какой-то неудобный предмет, лежащий в кармане. Он помял пальцами плащ, пытаясь определить через одежду, что там лежит... В кармане было нечто округлое, какой-то непоптовой формы. Задрав полу, он залез в пиджак и выволок на свет божий шахматную фигурку. Оказывается, еще вчера вечером он машинально положил в карман деревянного короля.

— Талисман? — удивился Морозов. — Веришь, что ль?

— Верю... — тихо подтвердил Утехин, размышляя о чем-то своем. Он поднял голову, посмотрел на Олега, и во взгляде его сквозили то ли тоска и неуверенность, то ли сомнения.

Поезд набрал скорость. За окном уже не проплывали, а стремительно проскакивали московские окраины. В мелькавших за стеклами домах стало больше зажженных окон — москвичи просыпались, начинался новый день.

— Мы забыли про шампанское... — задумчиво произнес Андрей. — Бутылка исчезла с места происшествия, ты говорил, что не было ее и в квартире, где лежал голый алкаш...

— Думаешь, она где-то здесь?

— По крайней мере, сейчас это практически единственная зацепка...

В тамбуре воцарилась тишина. Спешить не хотелось. Надо было подумать, в последний раз собраться с мыслями, взвесить все «за» и «против»...

— Докурил? — резко прервал размышления Утехин. — Или поедем до Риги?

Морозов с жалостью швырнул недокуренную папиросу в жаровое ведро в углу тамбура.

— Где будем искать?

— Сейчас, в самом начале пути, идет проверка билетов. Ты идешь через вагоны первым, а я задерживаюсь в конце, у купе проводника. Смотри внимательно, кто находится в вагоне. Двери пока в купе распахнуты...

Утехин сделал жест, предостерегающий Олега от возможных поспешных возражений.

— Ищем не только Залихватову или Каина-Каймина, которого в лицо не знаем, но и на всякий случай поглядываем на бутылки. Особое внимание на столы, углы в коридоре, мусоросборники.

— По вагонам? — Олег решительно шагнул к двери тамбура...

...Все шло по плану. Во всех вагонах повторялась одна и та же сцена. Купе, приветливо распахнувшие двери, ждали проводников. Пассажиры времени даром не теряли — раскладывали вещи, стелили постели, пытались восполнить недобранные за ночь часы сна. Кое-кто готовился к первому завтраку, раскладывая на газетах отварную курятину, колбасу, нарезанный толстыми кусками хлеб. Доносилось и позвякивание бутылок.

Сотрудники пробирались по вагонам, мгновенно реагировали на звук и постукивание стекла: стаканов, разнокалиберных бутылок, но все это было совсем не то, что надо. Минеральная, кефир, «Буратино», «Жигулевское», «Пепси-кола», «Тархун». В глазах пестрело от наклеек. Лица пассажиров сливались в одно, а никого похожего на Залихватову не было. Двигаться в проходах вагонов стало трудно. Ожидая окончания поездной суеты, пассажиры, не успевшие еще перезнакомиться с попутчиками, выходили в коридор и с многозначительным вниманием вглядывались в темные окна, за которыми мелькали перелески и первые подмосковные деревеньки.

— Больше не могу! — выдохнул Олег, едва добравшись до спасительного тамбура девятого вагона. — Давай отдохнем?

— Ладно, — согласился Утехин. — Пятюк минут. Не больше...

Говорить ни о чем не хотелось. Оба думали об одном — вязались в безнадежное дело. Разве мыслимо по столь ничтожным приметам, да еще по полустертому рисунку разыскать в поезде двух человек? А что, если первоначальное предположение о том, что подозреваемые сели в поезд, во-

обще ошибочно?.. Например, они остались где-то у знакомых в Банном переулке... Или на этот поезд у них не было билетов...

Об этом лучше не думать! К сердцу подкатывала такая тоска и безнадежность, что хотелось плюнуть на все и тотчас выпрыгнуть из вагона прямо на ходу...

Вскоре они пошли дальше. Утехин «притормозил» в начале восьмого вагона, а Морозов дошел до конца — там он так, чтобы никто не заметил, быстро осмотрел туалетный тамбур, ящик для мусора. И здесь на крышке стояла лишь бутылка из-под лимонада. Шампанским и не пахло...

Обернувшись, Олег поискал глазами Андрея. Тот стоял вполоборота к неизвестному полному мужчине и что-то заинтересованно с ним обсуждал. Но глаза Андрея неотступно следили за Морозовым. Он ждал информации о бутылке, а ее не было. Не было и никого похожего на Надежду. Он заглянул во все купе, но Залихватова и ее спутник, похоже, провалились сквозь землю...

Едва заметно для Андрея и незаметно для остальных Олег отрицательно покачал головой из стороны в сторону — пусто! — Утехин одними глазами показал — понял, и в процессе обсуждения с собеседником интересной, может, хоккейной проблемы взмахнул рукой так, что Олег этот жест воспринял по-своему: «Иди сюда! Есть интересная информация!»

Поминутно извиняясь, Морозов поспешил обратно.

— Что, и там еще не открыт туалет? Безобразие! — возмутилась, видимо, заметившая его быстрое возвращение полная светловолосая женщина с вызывающе яркой помадой на губах.

— Даже в фирменных поездах нет порядка!

— Я покурить выходил, — попытался отвязаться от нее Морозов. — Извините, не проверял...

— Предупреждать надо, — правоучительно сказала ему в спину женщина. — А то я думала, что вы в очереди... Ну, молодежь... никакой сообразительности.

И в этот самый момент Морозов увидел ЕЕ! Нет, это была не Залихватова... Это была пустая бутылка из-под шампанского. Бросая зеленые блики, синев голубым штампом ресторана на этикетке, она стояла на полу за спиной Утехина, рядом с ящиком для угля, расположенным под титаном...

Спешно добравшись до Андрея, Олег намеренно слегка толкнул его плечом так, что со стороны это выглядело совершенно невинно — пу, подумаешь, оступился человек.

— Извини, друг, — пробормотал Морозов, — не знаешь, есть в ресторане вино или шампанское?

Андрей и Олег стремительно обменялись взглядами, и Утехин, проследив глазами подсказанное направление, тоже увидел бутылку из-под шампанского.

— Есть, наверное. Видишь, стоит... А ты чего предлагаешь? Хочешь угостить?

«Господи, какую чепуху приходится молоты! — ужаснулся Морозов. — Но бутылку надо осмотреть... Обязательно осмотреть — какой у нее штампик...»

— Угостить можно — мы люди северные, с деньгами, — продолжал игру Олег. — Только здесь ли купили?

— А это мы сейчас посмотрим, — понял Утехин, к чему его подталкивает Олег. Он осторожно взял бутылку в руки... — Не получится у нас с тобой праздника, корешок! — совсем по-панибратски пробурчал, едва сумев спрятать радостные интонации в голосе, Утехин. — Это в городе покупали... Ресторан «Прага»! Слышал о таком? Хороший, говорят, кабак! Фирменный!

— Будете в Москве, — посоветовал толстяк, — в «Славянский базар» зайдите или, еще лучше, в «Седьмое небо»... Можно даже и не пить, а тебя вращает! — мечтательно произнес мужчина.

— Зачем же тогда в ресторан идти? — серьезно возмутился Морозов, продолжая изображать большого любителя выпить. — Коль идти, так по полной программе, и пусть крутит!

— Егор! — послышался строгий голос из третьего купе. — Мне послышалось про ресторан или нет?

— Это, Машенька, товарищи говорят! Это не я...

— Иди лучше помоги мне чемодан положить на полку...

Мужчина по-особому, понятному только для посвященных, посмотрел на случайных собеседников, словно извиняясь: «Видите. Шагу ступить не дает...», и с неохотой поплелся в купе.

Алексей ткнул Морозова локтем в бок. Олег, недоумевая, обернулся.

— Посмотри на купе проводницы... Видишь? — зашептал он.

— Что видишь? Оно же заперто...

— На табличку с фамилией смотри! Теперь понимаешь, где они? И бутылка, выходит, не случайно здесь стоит... Они потому и поехали ночью на вокзал, что знали — здесь их приютят в любое время дня и ночи...

— Линда Кайминь... — не верил своим глазам Морозов, в который раз перечитывая табличку на двери. — Линда Кайминь...

С противоположной стороны вагона показался высокий мужчина в железнодорожной форме. В петлицах кителя — две больших звезды.

— Гляди-ка, — быстро шепнул Морозов, — по-нашему подполковник получается...

— Бригадир!

— Хорошо у них поставлено дело с информацией! — ус-

мехнулся Олег. — Наверное, проводница того вагона, в который заскочили сначала, вызвала.

— Не исключено...

Бригадир шел по коридору, заглядывая в каждое купе, и наконец остановился у третьего от конца — именно в нем в данный момент находилась проводница, которая заканчивала рассовывать по кармашкам своей папки билеты пассажиров.

До розыскников долетел его строгий голос:

— Заканчиваете?

Что отвечала проводница, слышно не было не только из-за перестука колес, но и потому, что отвечала она тихо.

— Фактов безбилетного проезда не допущено?

Из купе вышла проводница. Лицо ее было бледным, но довольно спокойным.

— Вот он-то нам сейчас и поможет... — тихо сказал Утехин, возвращая бутылку на место. — Ведь наверняка паши подопечные едут без билета. Если он их выявит первым, то нам останется только взять их тепленькими...

— Если только он не выявит первыми нас...

— Не бойся. Начнем все же мы... Пошли к нему!

Идти к бригадиру поезда не потребовалось.

— Вы откуда, граждане? В каком вагоне едете? — засыпала их вопросами проводница и сразу же без промедления приступила к оправданиям. — Это не мои... В первый раз их вижу! Как вы сюда попали?

— Ваши документы? — решительно потребовал подполковник железнодорожной службы.

Вести игру дальше не имело смысла. Сначала Утехин, а потом и Морозов предъявили служебные удостоверения. Нескольким опешив при виде удостоверения МУРа, бригадир удивленно оглядел ребят, затем перевел взгляд на проводницу. Даже если бы она и хотела что-нибудь пояснить ему, то вряд ли могла это сделать. Ее лицо медленно заливала краска...

— Как вас зовут? — спросил бригадира Утехин.

— Егор Емельянович... — сказал бригадир, возвращая документы. — А в чем дело?

— Егор Емельянович, в этом купе... — Андрей указал на служебное помещение, — по всей вероятности, в данный момент находятся два человека, интересующие нас... — Он на секунду умолк, пытаясь подобрать подходящее слово. Преступниками называть их он не хотел — это могло вызвать непредсказуемую реакцию проводницы — матери ли, тетки, сестры человека, скрывающегося за дверью.

— Они нас интересуют. Вас они могут интересовать только как безбилетники...

— Это правда? — нахмутив брови, строго посмотрел на проводницу Егор Емельянович.

Женщина едва заметно кивнула. Глаза ее при этом, ка-

залось, пристально изучали дорожку, устилавшую пол вагона, руки безвольно повисли вдоль тела.

— Сами откроете или мне? — переспросил бригадир.

— Сама... — едва слышно пробормотала женщина.

Бесшумно открылся замок. Медленно отъехала в сторону дверь купе.

Внизу, на нижней полке, свернувшись калачиком, спала Залихватова. Спала прямо в одежде, подложив под голову полосатый тюк с бельем. На верхней полке виднелась широкая спина. Человек лежал на боку, повернувшись лицом к стене.

«Мужчину надо брать первым... — подумал Андрей, двигаясь в глубь неосвещенного купе. — А Залихватова и так никуда не денется... В крайнем случае, Олег сориентируется...»

Андрей указал пальцем сначала на Залихватову, а потом на Олега — бери ее на себя... Тот понимающе кивнул...

И в этот самый момент поезд резко качнулся из стороны в сторону, заскрежетали перед семафором тормозные колодки, и спавшая до этого девушка, резко вскинувшись на диване, закричала:

— Беги, Вилберт... Спасайся... — и монотонно, на одной ноте, завывала от чувства собственного бессилия. — А-а-а-а...

И тут Андрей вспомнил — под стеклом на его столе лежал фоторобот этого человека. Вместо неизвестной уголовному розыску фамилии был прочерк, а имя значилось точно. Именно из-за его необычности оно прочно врезалось в память.

«Знать бы об этом раньше. Услышать бы от криминалистов, всю ночь мусоливших проклятую кофейную чашку... А если бы успели предупредить о преступнике ребята из вычислительного центра, все могло быть по-другому... Разве пришлось сейчас им быть здесь одним?.. Не обошлось бы без группы захвата... — У Андрея тревожно сжалось сердце. Страха не было, была безысходность, и только одна мысль сверлила мозг: — Разве так надо было идти в атаку?.. Разве так?»

Кайминь тяжелой грудой обрушился на Утехина. В темноте блеснула остро отточенная сталь. Грудь обожгло саднящей болью, что-то горячее потекло по животу — он знал, что это кровь, но крутил, ломал, подминал под себя преступника.

«Только бы удержаться самому и удержать Кайминя, — думал Утехин. — Олег ничего не знает о нем... Ему будет труднее... Я сломаю его, сомну!» В угол отлетела окровавленная финка, и Андрею неожиданно стало спокойно и радостно.

В слабеющем сознании преступник воспринимался уже не человеком, а какой-то мягкой, податливой бесформенной глы-

бой. Глыбу эту надо было во что бы то ни стало удерживать, не дать скатиться под гору. И он, уже понимая, что теряет силы, подминал под себя все еще упругое тело, не обращая внимания на град ударов по голове, спине... Это Залихватова не теряла времени даром — старалась помочь любимому.

— Что тут происходит? Ай-ай-ай! — слышались из коридора душераздирающие крики. — Помогите же... Вызовите милицию! Драка! Я их видела — эти двое хотели и моего мужа ограбить! Про ресторан спрашивали... Бичи! Алкоголики несчастные! Держите — двое их... Этого, который в плаще, держите... Он на проводников напал!

«О чем это опа? — сквозь застилающий туман дурноты прорывался пазойливый вопрос. — О чем?..»

Из-за поворота показался длинный синевато-кремовый пассажирский состав. На белых запавшихся, мелькавших в вагонных окнах, затейливой вязью готики было написано название фирменного поезда...

Неожиданно для людей, ожидавших в это утрешнее время электричку на платформе, поезд, преодолев въездной семафор, не стал увеличивать скорость, а, наоборот, резко затормозил... Состав остановился, невзирая на поторапливающий впереди зеленый свет выходного семафора.

Удивленные пассажиры скорого прильнули к оконным стеклам, пытались прочесть название неизвестной станции, и очень удивлялись незнакомому, отсутствующему в расписании слову «Истра». Впереди нетерпеливо покрикивал гудок электровоза, словно торопил: «Скорей, скорей, скорей!»

Из распахнутой настежь двери вагона на перрон выскочил высокий железнодорожник с красным флажком в руке, за ним молодой парень в пальто...

— Чего-то произошло! — высказал предположение кто-то в толпе ожидавших электричку, поглядывая то на остановившийся поезд, то на подоспевшую к перрону машину «скорой». К вагону уже бежали с носилками молодые ребята в белых халатах.

— Разойдитесь, граждане! — предупредил железнодорожник, отстраняя напавший люд. — Не мешайте!

Народ на платформе нехотя расступился, образовав полукруг. Из тамбура очень осторожно вынесли и положили на носилки молодого мужчину, по рубашке которого расплзлось красное пятно. Судя по всему, под рубашкой рану замотали всем, что попало под руку — полотенцами, простынями, но кровь проступала и через них.

Парень, выскочивший из вагона вместе с железнодорож-

ником, бережно накрыл раненого плащом, и его понесли к уже включившей мигалку машине с красным крестом.

«Скорая» мчалась по узким ухабыстым улочкам провинциального, особенно на окраинах, города. Никаких капельниц и иных мудреных медицинских приборов в машине не было.

Врач — совсем молодой парень — до сих пор не встречался с подобными случаями и лишь удивлялся лежащему на носилках человеку, который ни разу не вскрикнул, даже когда машина подсакивала на рытвинах. Он лишь вцепился в поручень у изголовья носилок с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Выдернув из ящика баллон с усыпляющей азотной смесью, врач попытался приложить маску к лицу Утехина, но тот отвел его руку...

Из вагона вывели высокого красивого блондина... На его запястьях блеснули наручники. Железнодорожник придерживал блондина за локоть, но тот и не собирался убегать. Понуро опустив голову, он потерянно стоял, окруженный толпой рабочих. На его локте повисла девушка.

Железнодорожник торопливо вскочил на подножку и, отковыряв кому-то на платформе, взмахнул желтым флажком.

— Задержали кого-то, что ль? — спросила женщина с хозяйственной сумкой, заглядывая в глаза парню, державшему блондина и девушку.

Тот не ответил, и процессия, выбравшись из кольца, медленно пошла к поджидавшему у края платформы милиционеру «Москвичу».

— Развелось в последнее время хулиганья... — многозначительно заметил чей-то хриплый голос. — Человека порезали... Не живется людям спокойно...

— А их бы к нам на завод определить, — ввернул слово паренек в рабочей спецовке. — Так бы там умотались, что на хулиганство сил не осталось. А то ишь, в купейный забрались...

— Надо, считаешь, в мягкий было? — поддел его пожилой мужчина с простеньким фибровым чемоданчиком, внутри которого позвякивал инструмент.

— А чего, — встрял в разговор студент с чертежами под мышкой, — влюбляться, так в королеву...

— Станет королева на такого мозгляка смотреть... — бросил кто-то реплику из толпы. Весело прыснули девчата с трикотажной фабрики. Парень засмутился, а в толпе раздался веселый гогот...

К другому концу платформы, на соседнем пути, скрипнув тормозами, подошла электричка. «Спешу в Москву! — прогудела ее сирена. — Спешу-у-у-у!» Пассажиры ринулись занимать места, с шумом разбредаясь по вагону. Застучали

по исцарапанным крышкам рабочих чемоданчиков неизменные костяшки домино. Раскрывались книжки, газеты, доставалось вязание... Через пятнадцать минут никто в вагоне уже и не вспоминал об увиденном...

Только на истоптанном мокрым асфальте опустевшей платформы ветер крутил, пытаясь сбросить вниз, под перрон, желтые листья. Среди них лежала неизвестно откуда взявшаяся здесь шахматная фигурка. Никем не замеченный король безучастно наблюдал, как в последний раз перемигнулись огоньки хвостовых вагонов и, прощально вспыхнув, растаяли за поворотом...

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Наш век пройдет. Откроются архивы,
И все, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор...

Николай Тихонов

1. Загадка Александро-Невской лавры

Не так давно выпала на мою долю интересная задача.

А началось все просто, с одной-единственной строки приказа — капитану милиции (то есть мне) отбыть в очередной отпуск с такого-то числа... И я поехал в Ленинград.

Эрмитаж. Русский музей. Купсткамера... Дошел черед и до известного всему миру некрополя, расположенного недалеко от площади, носящей имя великого русского полководца.

Побродив меж мраморных ангелов и полированных надгробий, я остановился в центре кладбища, любясь собором.

Недалеко от соборных врат рядом с давно не крашеной скамейкой чернел скромный памятник.

«Интересно, — подумал я, пытаюсь разглядеть надпись на камне, — кого это похоронили прямо перед храмом? Действительного тайного советника? Князя? Товарища министра...»

С трудом удалось прочитать полустертую временем надпись:

«ЖЕРТВА ДОЛГА. АГЕНТУ 2-Й БРИГАДЫ ГОВОРУШКИНУ ОТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕТРОГУБУГОЛОВОГО РОЗЫСКА». На боковой грани — даты: «Родился 2 августа 1904 года. Умер 26 января 1923 года...»

Звали Говорушкина — Иван Григорьевич.

«Жертва долга! — думал я, сидя у забытой могилы. — Что стоит за этими странными словами? Неужели этот двенадцатилетний Говорушкин, сотрудник уголовного розыска, неправильно понимал долг и стал его жертвой?»

Вопросы возникали один за другим — что? как? почему? Да и сам памятник не совсем обычен. Наверное, без какого-нибудь «тайного советника» на самом деле не обошлось...

Над четырьмя плоскими полированными гранями возвышается тяжеловесный бордюр, а еще выше, на самом верху, странная четырехгранная луковица с усеченной вершиной. Этому памятнику явно чего-то не хватало. Может быть, завершенности?

Пальцы нащупали на верхней плоскости луковицы прямоугольное углубление... Зачем оно?

Но через несколько минут я понял, что вызвало мое не-

доумение. Луковицу должен был завершить высокий массивный крест.

По каким-то неизвестным причинам работники милиции в далеком двадцать третьем году не смогли поставить новый памятник, а использовали чье-то старое заброшенное надгробье. Интересно: кто же он, этот Иван Говорушкин? Почему товарищи написали «жертва долга»?

«Надо будет поговорить с ребятами из уголовного розыска, — решил я, выходя с кладбища. — Кому, как не ленинградским «сыщикам», знать о своих предшественниках...»

— К сожалению, мы не знаем о такой могиле... — начальник уголовного розыска был огорчен. — А знать бы должны...

Он достал карандаш и записал все, что я рассказал. Заходившие в кабинет сотрудники подключались к разговору, предлагали побеседовать с ветеранами.

— А вы в нашем музее не были? — спросил небольшого роста оперуполномоченный, сидевший до этого молча. — Тут минут пятнадцать ходьбы... Уж там-то про Говорушкина обязательно что-нибудь будет.

Выхожу на Литейный проспект, сажусь в троллейбус, погруженный в свои мысли, механически глазею в окно. Потом машинально схожу на Невском, поворачиваю налево...

«Эх ты, сыскар! — ругаю мысленно себя. — Не догадался сходить в музей... Вот сейчас узнаю о Говорушкине, а когда приеду в Москву, расскажу друзьям».

2. «Вы не расстраивайтесь...»

Легко сказать: узнаю! А как? Есть в музее стенд, посвященный первым милиционерам семнадцатого, восемнадцатого годов. В витринах подлинные документы, мапдаты, винтовки. На сделанном наподобие книжки-раскладушки «для самых маленьких» щите фотографии каких-то симпатичных парней и девушек...

Одеты все по-разному: кто в шинели, кто в кожане, кто в непривычном для нынешнего глаза салопе... Перевертываю пластиковую страницу стенда и узнаю одну из самых страшных кровавых уголовных историй послереволюционного Петрограда.

Именно они, эти красавцы с фотокарточек, надевали белые балахоны, похожие на саваны, соскакивали в ночной темноте с высокой каменной ограды кладбища на улицу и грабили онемевших от ужаса прохожих...

Это, конечно, любопытно, но меня привлекает в поиске не вообще деятельность Петроградской милиции, а работа уголовного розыска. Причем сведения нужны о двадцать третьем годе, о второй бригаде — все, что может быть связано с именем Говорушкина.

Постепенно, переходя от витрины к витрине, я узнаю

много интересного: уголовный розыск состоял из девяти бригад, каждая из которых имела узкую профессионализацию. Самой боевой считалась первая, занимавшаяся тяжчайшими преступлениями: убийствами, грабежами, разбоями. Вторая расследовала служебные преступления, третья — кражи, и так далее, вплоть до последней, специализировавшейся на конокрадах.

Руководителем бригады был инспектор, который в отличие от инспекторов нашего времени являлся лицом, инспектирующим в полном смысле этого слова... Инспектором по сути, а не по должности. Он проверял, направлял работу подчиненных.

Кроме инспектора и помощника, в бригаде были рядовые сотрудники: агенты уголовного розыска трех разрядов.

После двадцатых экспозиция сменилась тридцатыми годами, затем сороковыми...

Со снимков смотрели изможденные лица блокадных милиционеров, охраняющих почти угасшую жизнь города на Неве. Победа! Восстановление! Наши дни...

Но о самом Говорушкине, о его возможных родственниках я не нашел ни слова.

«Постой! — убеждал я себя. — Должен же быть какой-то ключ к решению этой задачи. Если о нем нет ничего на стендах в залах, это не значит, что о нем не упоминается в тех материалах, которые в запасниках...»

Иду к директору музея...

Юрий Михайлович Цветков понял меня с полуслова и разрешил порыться в архивном фонде. На длинных стеллажах аккуратными рядами стоят толстые папки. На переплетах выписаны от руки фамилии тех людей, чьи документы хранятся в фонде.

Фамилии Говорушкина ни на одной папке нет. Может, о нем кто-нибудь упомянет? Я с головой погрузился в работу...

Который день сижу за письменным столом в одной из комнат музея и перебираю пожелтевшие от времени грамоты, брачные свидетельства с царскими орлами и церковными печатями, вглядываюсь в потемневшие от времени фотографии. Все не то... Материалы попадают более поздние... Этот товарищ слишком молод — родился в шестнадцатом, другой подходит по возрасту, но служил в конной милиции...

Так я добрался до буквы Ш! В тоненькой, непохожей на другие папочке с неизвестной фамилией на корешке — Шалаев, оказалась фотография...

На ней — девяносто три человека. Большинство в кургуzych пиджачках, старого покроя тужурках, линиялых гимнастерках русского образца, трофейных френчах... Почти у каждого на голове кепка-семиклинка. Лица молодые — редко кому за тридцать. Серьезные и улыбчивые, строгие и ждущие... Ну когда же совершится чудо, когда сфотографируют? Переворачиваю снимок. Читаю... «Уголовный розыск.

Петроград...» — год написан нечетко, с исправлением или допиской теми же чернилами. Можно прочесть как двадцать седьмой...

«Что-то здесь не так... — начинаю сомневаться. — В двадцать седьмом город уже носил имя Ленина. Значит, снимок неправильно датирован? Что еще? Карандашом написано несколько фамилий, но фамилии Говорушкина нет и среди них...»

Раз за разом вчитываюсь в карандашные пометки с фамилиями и останавливаюсь на одной, показавшейся мне знакомой. Где я встречал — И. Бодунов? Пристальный взгляд направлен прямо в объектив. С чужого плеча пиджак, выгоревшая кепка... Многие, стоящие рядом, в гимнастерках — он в штатском. Чем дольше вглядываюсь в снимок, тем больше нахожу в нем любопытного. Уже не кажется случайным то, что он стоит с самого краешка — рядом молодежь, такие же, как и он, ребята, а к центру снимка народ подбирается покрепче, посолиднее, старше. Может, именно здесь надо искать начальников, первых руководителей уголовного розыска не только столичного города Петрограда, но и молодой страны?

А может, все объясняется гораздо проще — постеснялся встать ближе к центру потому, что недавно работает? Новичок? Хорошо бы узнать, как его зовут?

— Бодунов? — переспросил Юрий Михайлович и улыбнулся, он подвел меня к стенду в «парадном» зале музея. — Знакомьтесь! Иван Васильевич Бодунов — помощник инспектора первой бригады уголовного розыска. Работал под руководством Сергея Ивановича Кондратьева. Человека тоже очень известного — именно он послужил прообразом главного героя фильма «Рожденная революцией» и книги «Будни уголовного розыска...»

— Но того звали Николаем...

— А настоящего — Сергеем Ивановичем! На снимке из фонда Шалаева его нет. Он поступил на службу позже. А Иван Васильевич работал с июня двадцатого...

— Значит, этот снимок сделан не раньше июня двадцатого и не позже двадцать четвертого?

— Скорее всего так... Позвольте посмотреть! — Он приблизил снимок к глазам. — Внесем поправку во вторую дату — не позже второй половины двадцать третьего года. Видите в центре интересного мужчину с галстуком-бабочкой?

— Вот этого, во втором ряду?

— Это Суббоч! Он руководил бригадой до Кондратьева, а в ноябре двадцать третьего погиб во время перестрелки...

— Может, и Говорушкин попал на снимок? Как думаете, Юрий Михайлович?

— Вполне возможно, только как узнать — кто он? У вас, как я понимаю, лишь данные с памятника. Больше ничего не нашли?

— Самое печальное, что завтра уезжаю, так ничего и не выяснив... Отпуск кончился.

— Вы не расстраивайтесь. Что-нибудь придумаем... Завтра я попрошу снять копию с этой фотографии, и мы ее вышлем в Москву. Свяжемся кое с кем из товарищей, принимавших участие в создании музея. Не исключено, что им эта фамилия знакома.

— И про Бодунова спрашивайте тоже... — попросил я.

— А вы Германа почитайте, в кино сходите... Иван Васильевич Бодунов — это ЛАПШИН!

— Что? — восклицаю я. — Не может быть! Я хорошо знаю эту книгу, помню многих ее героев: Окошкин, Тараскин, Ханин, Побужинский...

— Криничный, — подсказывает Цветков и смеется. — Я тоже их всех знаю...

3. К-7-27-84

Вернулся в Москву. Приступил к работе. Былого спокойствия в душе нет как нет. Прямо скажем, неслужебное настроение. Сажу в кабинете, обдумываю происшедшее в Ленинграде...

Я понимаю, что иду неправильным путем. Так Говорушкина я никогда не найду. Когда он героически погиб, а мне очень хотелось, чтобы он совершил неординарный поступок, подвиг, ему было всего восемнадцать лет. Сколько он мог проработать в уголовном розыске? Год? Несколько месяцев? Не знаю... Не удивительно, при столь непродолжительном сроке службы, что о нем никто не вспомнил, не написал, не назвал фамилии... Видимо, поисковый «бредень» надо забрасывать шире. Может, надо начать изучение биографии Лапшина-Бодунова. Я все время думаю о нем... Особенно не дает покоя мысль — откуда я знаю его фамилию? Где встречал упоминание о Бодунове?

Пошел в библиотеку. Взял целую кучу милицейских журналов, книг, газет. Особое внимание, естественно, уделяю тем, что читал незадолго до отпуска. Ведь встречал же я совсем недавно его фамилию... Встречал и забыл!

Листаю журналы пятьдесят пятого года. Со снимков глядят молодые люди в строгих кителях. Они несут службу, отдыхают. Часто изображается застолье — свадьба, день рождения, присвоение очередного звания... На тарелках пироги, отварной картофель, рыба, прочая снедь и, конечно же, вино, шампанское с обернутыми серебристой бумагой горлышками. Совсем недавно миновал голод военного времени — как тут не показать корреспонденту хлебосольный стол...

Читатели обсуждают в пятьдесят шестом году недавно вышедшие фильмы. Ах, какие названия! Как мало говорят они нынешнему зрителю! «Дело № 306»! «Дело Румянцева»!

А мы, мальчишки пятидесятих, детели ватагой в единственный в подмосковном городке кинотеатр и, в который раз подряд, затаив дыхание, смотрели фильм, готовые помочь полковнику Афанасьеву, капитану Мазарину ловить преступников. Жалели запутавшегося в жизни Огонька — Бернеса. И, как по команде, сжимали в ладонях оловянные пугачи и выструганные из досок пистолеты...

Добрался до шестьдесят второго... О Бодунове ни слова. Переворачиваю страницу одного из номеров и чуть не вскрикиваю от радости. В моих руках статья под названием «От Великого Октября до наших дней. Комиссар милиции 3-го ранга в отставке И. Бодунов рассказывает...»

«Мне особенно запомнились февральские дни 1921 года, когда я работал агентом Петроградского уголовного розыска. Однажды ночью всех сотрудников уголовного розыска срочно вызвали на службу. Такие внезапные вызовы были нам не в диковинку.

Появился наш начальник, озабоченный, встревоженный.

— Контра подняла голову. В Кронштадте вооруженный мятеж. Все управление милиции переводится на военное положение...

На подавление мятежа партия послала лучших своих сыновей — делегатов X съезда. Вместе с войсками на приступ крепости пошли милицейские части. Из сотрудников уголовного розыска был сформирован батальон особого назначения, который вошел в 18-ю милицейскую бригаду.

Шли ночью, в пешем строю. Транспорта не было, а время упускать нельзя. Наконец мы у цели. Бок о бок с наступающими войсками наш батальон ринулся на штурм Кронштадтской крепости. По глазам ударили лучи прожекторов. Рядом разорвался снаряд. Чуть зазеваешься — и очутишься в вывороченных снарядами прорубях. Но думать об этом некогда. Надо идти вперед. Вот и город... Кажется, какое-то огромное чудовище озлобленно рвет куски полотна. Под бешеным пулеметным огнем первой цепью мы врываемся на набережную и ввязываемся в уличные бои.

Больше суток продолжалось само сражение в Кронштадте. Были забыты еда, отдых, сон. Усталые, измученные, мы продолжаем биться. Мятежники отчаянно сопротивлялись. Но победа оказалась за нами. Правое дело, преданность революции и готовность отдать жизнь за Советскую власть — вот что смело все препятствия с нашего пути...

Когда город был полностью нами занят, отряд уголовного розыска, не отдыхая, выполнил новое задание: доставил группу активных мятежников в штаб.

За проявленный героизм и самоотверженность в подавлении кронштадтского мятежа нескольких работников Петроградского уголовного розыска наградили орденом Красного Знамени. Высокой награды удостоены П. Громов, В. Шальдо, М. Алексеев, в том числе и автор этих строк...»

Так я же смотрел этот номер журнала всего месяц назад, но тогда фамилия мне ни о чем еще не говорила.

Вот так находка!

«Раз в шестьдесят втором году Бодунов был жив, — решаю я, — надо проверить, вдруг эта статья не единственная. Что, если в год какого-нибудь юбилея, круглой даты он еще что-либо написал?..»

В шестьдесят третьем не было... В шестьдесят четвертом, пятом, шестом тоже...

Сомнений у меня никаких нет — статья шестьдесят второго года написана именно тем Бодуновым, который мне нужен. Но хочется еще каких-нибудь подтверждений... Нашел я их в журнале семьдесят седьмого года. Вспоминал о Бодунове его товарищ — Петр Громов.

«Отсюда, от Ораниенбаума, белое ледяное поле, кое-где разорванное черными разводьями, кажется бесконечным. Надвигаются мокрые мартовские сумерки, и сотни людей, скопившихся на берегу, напряженно вглядываются туда, где сереет Кронштадт.

— Як на ладошке окажемся, хлопцы, — вздыхает пожилой красноармеец.

— Это сколь же, однако, по тому льду шагать?.. — прикидывает, окая по-волжски, другой.

Не оторвать взгляд от крепости... Кого только не встретишь сегодня здесь, на берегу Финского залива, где сконцентрирована под Ораниенбаумом и Сестрорецком для решающего броска пехота. В наших рядах, в готовых к штурму цепях рядом с бойцами регулярных частей Красной Армии — рабочие, коммунисты. Много питерцев: революционный Петроград мобилизовал все свои силы для защиты Советской Республики от неожиданного, как удар бандитского пожа в спину, контрреволюционного мятежа.

У нас, в городском уголовном розыске, остались лишь так называемые нестроевики — одна рота. Коммунистов свели в особый отряд, куда направили и меня, хотя я и беспартийный, и моих товарищей — Бодунова Ивана, Шальдо Василия...

Поворачиваюсь к своим, лица сосредоточенны. Не слышно привычных шуток. Казалось бы, кто-кто, а уж работники уголовного розыска давно сжились с постоянной опасностью...

Однако сегодня предстоит нечто небывалое — идти под вой и разрывы снарядов, под свинцовый град пулеметных очередей — на крепость, которая никогда не сдавалась.

...Неожиданная и плотная — до боли в ушах — унала тишина.

— Слышь, ребята, — шепчет кто-то рядом. — Говорят, делегаты Десятого партсъезда в первой линии пойдут!

Ему не отвечают. Замершие цепи ждут команду. Сердце обливает холод.

А потом мы покатались вперед, волна за волной, неудержимо и стремительно. Шарахались от вспененных снарядами трещин. Падали под кинжальным огнем, и, казалось, невозможно заставить себя подняться с мокрого скользкого льда. Но живые вставали, сцепив зубы, для нового броска: добежать, ворваться в черневший вдали проем ворот.

Ворвались!.. Сломали сопротивление... Растеклись по улицам...

Здесь наш отряд уголовного розыска оказался в родной стихии. Часть бойцов осталась охранять ворота, а наш взвод всю ночь вместе с красноармейцами выбивал из казарм засевших там мятежников, тушил вспыхнувшие пожары...

Сомнений нет — это тот самый Бодунов! Может, о нем есть упоминание в Военной энциклопедии? Достая первый том: А—Б... Нет никакого Бодунова. Да и не может быть — это не милицейская энциклопедия, которую, кстати, за семьдесят с лишним лет так и не составили. Может, есть упоминание о «Восемнадцатой милиционной бригаде»? Тоже не задача... Раскрываю Военную энциклопедию на «Кронштадтском мятеже»... А здесь и вовсе не говорится о милиции, лишь упоминается отряд петроградских курсантов, который проявил себя в боях с самой лучшей стороны. А еще я узнал, что вместе с Бодуновым высшей награды Республики Советов по указу ВЦИК РСФСР были удостоены знаменитые командиры П. Дыбенко, К. Ворошилов, М. Тухачевский, И. Федько.

«Пора подвести первые итоги, — решил я. — В Музее милиции Ленинграда о Бодунове материала мало. Искать по энциклопедиям бесполезно... Ясно одно — в шестьдесят втором Бодунов был жив!

Нет никаких сомнений — у него должны сохраниться фотографии, воспоминания, записи тех лет. Сейчас позволю в Министерство внутренних дел, добуду его адрес, встречу и разузнаю и про него, и про Говорушкина... Набираю номер управления кадров. Спрашиваю: «Генерал-майор Бодунов... Служил заместителем начальника главного управления милиции...»

— Не значит! — ответ лаконичен и не оставляет надежд. — В списках нет... Спросите в Музее МВД.

Звоню в Центральный музей МВД СССР. Ответ похож на предыдущий. Мужской голос ответил: справок не даем, может, что-то и есть, а фамилия Бодунов ни о чем не говорит. Как я узнал позднее, был в Музее МВД СССР крохотный раздел, посвященный Ивану Васильевичу Бодунову, но не удалось мне в начале поиска узнать даже той малости, что была известна экскурсоводам.

Кто-то из друзей посоветовал обратиться к ветеранам милиции, но и они не помнили московского генерала с такой фамилией. А как звонить старожилам Ленинградской милиции; я не знаю, не заинтересовался. Поиск зашел в ту-

пик. Может, Бодунов выехал в другой город? Вышел на пенсию и уехал на дачу... Умер? Немудрено, если он в шестьдесят втором уже подписывался «в отставке», забыть его и кадровикам, и нынешним сотрудникам. Но как-то не укладывалось в голове — забыть генерала! Да еще какого генерала!

Ловлю себя на мысли: думаю о Бодунове, а перед глазами стоит Лапшин. Причем именно в том возрасте, как его сыграл актер А. Болтнев...

Широкое лицо, нос с большими ноздрями, острый взгляд глубоко посаженных глаз. В белой гимнастерке с не по уставу распахнутым воротом, бисеринки пота на щеках. Так он выглядел после припадка из-за контузии...

С кем бы ни встречался в эти дни, всем рассказывал о своем поиске. И вот в один прекрасный день, в коридоре во время перекура, услышал совет:

— Обратись в архив, где хранятся личные дела... Может, повезет...

Звоню в Центральный архив МВД СССР. Говорят, что попал не по адресу. Здесь занимаются только наградами, а личные дела, всякие там анкеты в другом месте. Звоню по другому телефону — объясняют, что нужен какой-то инвентарный или архивный номер, по которому можно найти документы, а по фамилии ничего не найти. А как узнать номер? А просто — надо позвонить «на картотеку». Так и сказали — «на картотеку»...

Звоню.

— Бодунов? — переспросил женский голос. — Вы можете подождать минутку у телефона?

— Алло, вы слушаете?

— Да, да... — нетерпеливо кричу в трубку.

— Можете приезжать. Личное дело хранится у нас. Архивный номер...

Поверить не могу... Может, ослышался?

Ждать нет сил. Троллейбус же, как назло, не торопился. Почти бросаюсь под колеса такси. Плюхаюсь на сиденье, скороговоркой бормочу адрес...

Жарко. Кажется, на многолюдной улице Кирова даже асфальт трескается и плавится от температуры. Мельком оглядываю дом, возвышающийся на площади, носящей имя основателя ВЧК, огибаю невзрачный серый забор, за которым копошатся солдаты стройбата, открываю тяжелую дубовую дверь и спускаюсь в мрачный и холодный подвал. Под толчком еле светит тусклая лампочка, она освещает лестницу и унылую физиономию милиционера, которому давно надоело сидеть на своем скучном посту. Он слишком придирчиво, как мне кажется, и долго проверяет мое служебное удостоверение и наконец пропускает в архив...

В небольшой комнатке с обшарпанным столом передо мной ставят коробку, в которой хранится личное дело.

Наконец-то я остаюсь наедине с человеком, которого очень хочу узнать...

Из скупых протокольных строк личного дела постепенно проступает биография. Нет смысла говорить, что каждое мое движение архибережное. Осторожно переворачиваю странички анкеты, которые заполнял ручкой сам Иван Васильевич.

Родился 30 марта 1900 года. Крестьянин села Федосьино Кунцевского уезда Московской губернии. Приятно, что земляк!..

Четырнадцатилетним мальчишкой работал у помещика. Служба «мальчиком» на парфюмерной фабрике «Девен» в Москве. Девятнадцатый год — красноармеец. И вот наконец начинается петроградский период — девятимесячные курсы работников уголовного розыска.

Что помогло в выборе профессии? Что определило жизненный путь? Осенью девятнадцатого от руки бандитов погибает отец. Молодой Иван Бодунов решает бороться с преступностью. По окончании курсов назначается агентом первого разряда в угрозыск, а с сентября двадцать четвертого и до тридцать пятого (конца ленинградского периода службы) — помощник инспектора первой, «боевой» бригады.

В Москву Иван Васильевич переехал в тридцать шестом, потом — работа в Чечено-Ингушетии и снова борьба с убийцами, грабителями, бандитами...

После войны Бодунов занимает очень высокий, по моим понятиям, пост — заместитель начальника Главного управления милиции МВД СССР.

В пятьдесят шестом году Иван Васильевич уходит на пенсию...

Перелистываю несколько страниц, читаю наградной список. Орден Красного Знамени, благодарность за раскрытие шайки налетчиков, товарищеская благодарность за раскрытие и ликвидацию банды Титаренко и Серова, а за задержание при попытке ограбления банка в Володарском районе крупной шайки взломщиков во главе с известным одесским «медвежатником» Хайфиным награжден часами «Мозер», потом, за другие заслуги — серебряным знаком и портфелем, костюмом, именным оружием...

Справедливости ради необходимо отметить единственное за все годы взыскание — «за неуместную горячность в работе»!

Со снимка, вложенного в кармашек личного дела, смотрит интересный мужчина. Непослушно топорщатся новенькие генеральские погоны. На груди два почетных знака со «щитом и мечом» — «Заслуженный работник НКВД». Я уже знаю их номера: 000572 и 000692! Три пуля впереди! А оказалось, что Иван Васильевич постеснялся тогда надеть третий знак — «Почетный работник милиции» номер 170! И это

не все — в коробке осталась и не попала на фотографию уникальная медаль «XV лет РКМ» *.

Промелькнуло несколько страниц. Пошли какие-то рапорты, доклады. Это неинтересно. Самое важное — где он живет... Нужен адрес!

Последняя анкета в личном деле начала пятидесятих: «Живу на улице Садово-Черногрязской, дом... Телефон К-7-27-84...»

На другом листке аккуратным бодуновским почерком записаны родные: жена — Лидия Викторовна, тринадцатого года рождения, дочери — Наталья, тридцать восьмого, и Римма — тридцать девятого...

Находка обрадовала. Появилась реальная возможность разыскать не только самого Ивана Васильевича, но и его близких родственников.

Спрашиваю у своих знакомых, друзей, как изменился телефон К-7-27-84. Подказали. Заменяю букву и семерку на три цифры. Звоню. Длинные гудки. Щелчок... Соединение... Неудача — телефон принадлежит какому-то учреждению. Спешу по указанному адресу. Такого дома нет...

«Ничего страшного, — уговариваю себя, — есть адресный стол. С его помощью я все узнаю!»

Подбежал к окошечку, написал на бланке: «Иван Васильевич Бодунов». Девушка ушла в глубь помещения, захлопнув окошечко. Жду минут пять. Ответ очень грустный — «Не значится». А Лидия Викторовна? Еще пять минут... «Не значится!» А дочери? Они же должны быть живы, им и пятидесяти нет... Не значится, не значится... — следуют бесстрастные ответы.

— Может, они выписались из Москвы? — Девушка в окошке спрашивает сочувственно. — Молодой человек, а вы их фамилий по мужу не знаете?

Ну конечно же! Как я сам не догадался... Римма и Наталья живут в Москве, но фамилии у них, наверное, другие.

Настроение аховое... Где-то рядом, может быть, по тем же улицам, что и я, ходят нужные мне люди, а найти их я не могу...

Дома на столе меня ждало письмо из Ленинграда.

4. Еще одна загадка и новое направление поиска

Живет в Ленинграде человек. Каждое утро он едет с окраины города на улицу Каляева, где в одном из зданий ГУВД Леноблгорисполкома находится кабинет, в котором он работает. Это майор милиции Ростислав Михайлович Любвин.

Он самозабвенно изучает историю милиции Ленинграда. Его знания поразительны. Помнит сотни уголовных дел, по

---

* РКМ — Рабоче-крестьянская милиция.

памяти назовет десятки имен ветеранов... Именно Ростислав Михайлович многие годы отдал созданию музея милиции.

Письмо пришло от него.

«Посылаю вам фотографию заинтересовавшей вас в музее первой бригады. Ей больше шестидесяти лет. Трудно сказать, в связи с чем она была сделана. Возможно, после успешного раскрытия тяжелого преступления, которых было так много в том далеком 1926 году, а может, на память о каком-нибудь празднике: никто из тех, кто снимался тогда, уже не ответит на этот вопрос...

В музей эта фотография попала десять лет назад, когда близилась к концу работа над его первой экспозицией.

Наша группа отработывала уголовную хронику. Изучая архивы двадцатых годов, знакомясь с газетными материалами того времени, изучая мемуары и воспоминания сотрудников милиции, служивших в то время в Ленинграде, мы неоднократно сталкивались с фамилией Сергея Ивановича Кондратьева, возглавлявшего первую бригаду. К сожалению, в тридцатых годах Кондратьев перевелся в пограничные войска и уехал в другой город... Ветераны помогли найти его семью. В числе реликвий, переданных семьей, был и этот снимок.

В центре, в кресле, сидит сам Сергей Иванович. Рядом с ним Иван Бодунов. Еще нам известны с достаточной точностью трое — Юрский и Тарасов, сидящие в том же ряду, и в третьем ряду стоит Щепанюк. Остальные десять человек и их судьбы пока неизвестны...

Повлажневшими от волнения пальцами вытаскиваю из жесткого коричневого конверта фотографию. Вон он, Бодунов! Ивана Васильевича я уже знаю и легко выделяю из остальных. К тому же у него, единственного на снимке, на лацкане пиджака орден. А этот молодой человек со строгим лицом, плотно сжатыми губами и пристальным взглядом, оказывается, Сергей Иванович Кондратьев. Сколько ему? Что-то около двадцати пяти...

«Подумать только, именно они брали «короля» петроградских уголовников известного бандита Леньку Пантелеева!»

Надежды найти сведения о Говорушкине таяли. Если забыли и фамилии ТАКИХ людей, то как можно надеяться, что сохранилась память о человеке, проработавшем в милиции меньше года. Что делать?

А если предположить: кто-то из ветеранов жив и сможет поименно назвать не только «ребят из угро» на музейном фото, но и на большом, сделанном на Дворцовой площади снимке из фонда Шалаева. Вполне возможно, кто-нибудь вспомнит и случай с Говорушкиным. Даже если надежда застать в живых ветеранов двадцатых годов слаба, можно поискать семейные архивы. Должны где-то сущест-

зовать карточки, на которых сохранились дарственные надписи... Такому-то на добрую память от такого-то.

Решено, ищу родственников...

5. «А у него был еще и сын...»

Снова иду на улицу Кирова и погружаюсь с головой в архивное дело Бодунова. Внимательно, в который раз, просматриваю анкеты, автобиографии — вдруг появится какой-нибудь адресок. Час летит за часом, но скрупулезное изучение к положительным результатам не приводит, все документы я видел раньше. Собираюсь захлопнуть папку. Но тут мое внимание привлекает какой-то прямоугольный едва заметный штампик в углу страницы. Он выцветший, блеклый... Как я раньше не обратил на него внимания?

В шестьдесят седьмом году, когда вся милиция переходила на новую форму одежды, Иван Васильевич просил рассмотреть вопрос о выдаче ему одного комплекта обмундирования. Генералы и на пенсии сохраняют право носить форму...

Работники архива дали мне сильную лупу, и я медленно, по буковке расшифровываю ювелирные штришки в углу штампа. Сквозь синие чернила едва заметно проглядывает: «Адрес за...яви...те...ля...» — а ниже: «Шокальского, дом 1»...

Что?! В шестьдесят седьмом Бодунов жил на улице Шокальского! Этот адрес уже гораздо ближе по времени, а значит, и более достоверен. Вдруг там живет одна из дочерей Ивана Васильевича? Новые их фамилии мне пока неизвестны. Вот только жаль, что квартира не указана...

Вместе с участковым инспектором Виктором Филатовым, согласившимся помочь в поиске, обходим подъезд за подъездом, звоним в квартиры, беседуем с жильцами.

— Бодунов? Здесь жил? В этом доме? Извините, не слышал...

— Разрешите посмотреть фотографию... Красивый мужчина. Говорите, Лапшин — это он? Надо же, в нашем доме жил... Маша, посмотри! Лапшин жил в нашем доме... Знали бы, переехали сюда раньше!

— Какой еще Бодунов? Нет, товарищи, не знаю...

И вот нам повезло. Дверь открыла пожилая женщина. Она поднесла снимок к самым глазам.

— Это наш сосед... — она уверенно ткнула в фотографию сухим морщинистым пальцем. — Вот здесь жил, в тридцать девятой квартире. Вежливый был мужчина, добрый. Хоропили его в семьдесят пятом... Помню точно. Оркестр был, военных много... Дочки, те переживали очень. А уж как сынок убивался — губы закусил, сердешный... Побледнел аж.

— А вы не ошибаетесь, гражданочка?

— В смысле?

— Да насчет сына...

— Как это ошибаюсь? — Старушка недоброжелательно окинула меня взглядом. — Николаем звали, а по батюшке — Иванович...

Благодарю старушку и бегу в адресный стол, с тревогой и нетерпением жду ответа. Проходит десять минут, пятнадцать.

— Кто Бодунова искал? Записывайте... Николай Иванович. Сорок четвертого года рождения...

Через службу «09» узнаю номер телефона. Подошла женщина — оказалось, жена. Рассказываю о своем поиске, спрашиваю про архив, прошу о встрече.

— Я вас огорчу, — сразу же признается Людмила Анатольевна. — У нас дома никаких фотографий покойного свеkra нет. А вы не звонили Римме?

— Она в Москве? — осторожно спрашиваю я, не слишком надеясь на положительный ответ.

— Кажется, в отпуск еще не уехала... Записывайте телефон... Ее фамилия Прокоп, а Натальи Ивановны — Воронова. Обе живут в Москве!

Но дозвониться в тот же день не удалось. Римма Ивановна совсем недавно переехала в новый дом, и у нее еще нет телефона...

С утра пораньше я уже караулил Римму Ивановну у дома, в котором она работает. Как я и предполагал, ходили мы с ней по одним улицам. Живет она в трех минутах ходьбы от адресного стола, куда я так часто обращался за помощью, а работает — рядом с Петровкой, 38.

— Молодой человек, — ко мне подошла тоненькая хрупкая женщина в белом хрустящем халате. — Вы не меня ждете? Я — Прокоп!..

Мы долго говорили с ней об отце, сидя в небольшом, пропахшем лекарствами кабинете. Она рассматривает фотографии, разложенные на столе, и то и дело поправляет мизинцем коротко стриженные светлые волосы.

«Волнуется! — догадываюсь я. — Наверное, то, о чем я рассказываю, ей внове». А я уже не могу удержаться и скороговоркой повествую о том, какой герой ее отец, и о том, что он совсем не Бодунов, а Лапшин. Нет, я неправильно выразился... Лапшин — это Лапшин, а совсем не Бодунов... — и, окончательно запутавшись, умолкаю.

— А мы об этой истории знаем, — тихо произносит Римма Ивановна. — У нас даже когда-то была книга Германа, подаренная папе. Были написаны какие-то добрые слова автора. Я сама держала ее в руках... Но...

— Что но?.. — вырывается мое нетерпение.

— Сейчас у нас нет ни книги, ни воспоминаний, ни писем, ни орденов и медалей. Разве что несколько фотографий, но они уже послевоенного времени...

— А орден номер 2145?

— Кронштадтский? — Женщина невесело усмехнулась. — О нем сохранился лишь смешной папин рассказ...

— Расскажите, а... Пожалуйста...

— Что ж не рассказать, можно. Орден вручал Калинин, а папа не берет его, отказывается. «Не могу, — говорит, — принять эту награду... Я уже писал об этом в рапорте, но меня все равно награждают». Удивился Калинин, а отец продолжает: «Я, Михаил Иванович, когда врывался в кронштадтские ворота, до того был напуган, что хотел бежать, но заплутал маленько — вбежал именно в те ворота, что в крепость ведут... Я уже докладывал об этом командиру». А Калинин ему отвечает. «Была бы на то моя воля, я бы тебе за твою правду еще дал награду. Носи на здоровье и никогда не снимай, попадешься без ордена — накажу!»

— А где ж теперь орден? В музее?

Римма Ивановна грустно качает головой.

— Долго рассказывать, да и не хочется ворошить прошлое... Да уж ладно! — Она решительно повернулась в мою сторону. — После смерти мамы за отцом несколько лет ухаживала другая женщина, у которой были свои дети — дочь и два сына. Прожили они вместе всего несколько лет, а когда отец умер, нам не досталось ничего. Сколько я ни просила вернуть отцовские книги, альбомы с фотографиями, ничего добиться не смогла. Боюсь, что многого уже не существует...

Она достала записную книжку и дала мне телефон дочери этой женщины. Правда, фамилии ее по мужу не знала, а девичья мало чем могла помочь. Как оказалось, и сам телефон устарел: жили в той квартире совсем другие люди, и ничем помочь они, конечно, не могли...

Уже закончив поиск, я все же нашел сводную сестру Риммы Ивановны, побывал у нее дома, ближе познакомился с семьей. Милые, добрые люди, они рассказали обо всем, что знали, показали памятные, но вовсе не те, о которых говорила Римма Ивановна, реликвии, связанные с именем Ивана Васильевича, подарили его фотографии, просили передать их в музей, что я и сделал.

Несмотря на поздний час, уходить из дома не хотелось...

Но все это было потом, после окончания моего поиска, а тогда, когда я говорил с Риммой Ивановной, встреча закончилась на печальной ноте...

6. Не все потеряно!

«Куда идти дальше? — размышлял я, сидя за письменным столом. — Конечно, можно опять пойти в библиотеку и поискать сведения об уголовном розыске Ленинграда в книгах. Что это даст? Пора подводить первые итоги!»

Определим известное. Сколько было человек в бригаде? Не знаю. Руководитель бригады? Кондратьев! Помощник то-

же выяснен... Еще несколько фамилий — Тарасов, Юрский, Щепанюк... Ничего не могу сказать об их судьбах. Похоже, что ни Кондратьев, ни Бодунов, ни эти трое агентов первой бригады воспоминаний не писали — не до того было. Нельзя считать воспоминаниями и ту статью Ивана Васильевича о подавлении кронштадтского мятежа, что попалась мне в журнале. О делах уголовного розыска там нет ничего. Что известно о семье Кондратьева? Непроверенное сообщение о том, что лет десять назад они жили в Петрозаводске.

Не густо...

В этот момент пронзительно зазвонил телефон.

— Здравствуйте! — голос показался знакомым. — Из архива вас беспокоят. Приезжайте. Нашлись еще два документа, имеющие, кажется, отношение к делу Ивана Васильевича. Может быть, они вам пригодятся?

Второй раз приглашать не было нужды. Уже через двадцать минут я сижу в той же комнатке, за тем же обшарпанным столом. Документы и в самом деле оказались очень любопытными.

«НАЧАЛЬНИКУ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБУГРОЗЫСКА Л. ПЕТРЖАКУ, — читаю я и едва сдерживаю радостное нетерпение. — ОТ ИНСПЕКТОРА 1-й БРИГАДЫ ВВЕРЕННОГО ВАМ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА С. И. КОНДРАТЬЕВА.

РАПОРТ

Текущий осенний и зимний сезон 26—27 с. г. показал, что преступность по сравнению с предыдущими годами по вверенной мне Бригаде сильно увеличилась, что видно из цифр отдельных категорий преступности, как-то: убийств с 1 ноября минувшего года по 1 марта сего года совершено 35, бандитских грабежей совершено за этот же период 30. Вверенная мне Бригада к такому увеличению преступности совершенно не была подготовлена, так как можно было рассчитывать на одну, две шайки с делами не более 15, но благодаря массовым освобождениям из тюрем (4000 человек) преступность увеличилась вдвойне, несмотря на нашу неподготовленность, все же благодаря энергии, я с количеством агентов 15 человек и одного помощника охватил всю работу. Результат ее Вам известен.

Нами было ликвидировано три крупные шайки бандитов, первая из них совершила 11 налетов на магазины и госучреждения, два убийства милиционеров, количество ее составляло 7 человек. Вторая шайка совершила 5 налетов, количество ее — 5 человек. Третья шайка совершила 7 налетов, 1 убийство, 3 ранения, количество ее — 4 человека. Кроме того, ликвидировано 4 мелкие шайки, совершившие 4 налета, раскрыто ограбление кассира на 7000 рублей. Всего раскрыто 30 бандитских дел. Бандитов задержано 25 человек. В этот

же период времени раскрыто 28 убийств, большинство из них сложные, например, убийство военного инженера ЧЕЛЮСТКИНА и ранение его жены.

Работая по вышеуказанным делам с первых дней ноября до настоящего времени, нами проведено много бессонных ночей, израсходовано много сил, оперативная работа протекала исключительно ночью на двадцатиградусном морозе, несмотря на ночную работу, мы все же работали и днем, производя текущую работу, так как рядовые дела также увеличились и оставить их без внимания было нельзя. За этот период работы простудились, не имея нормального отдыха. Несмотря на болезнь, все же продолжали дело.

Принимая во внимание все вышеизложенное, прошу отметить сделанную нами работу и вознаградить сотрудников вверенной мне бригады, в первую очередь помощника моего тов. БОДУНОВА, агентов ХОТИМСКОГО, ПЕТРОВА, ИВАНОВА, АНДРЕЕВА, ТАРАСЮКА, КАРЗИНА и ПАРАНИЧЕВА.

7/III—27 г.

Инспектор I Бригады С. Кондратьев».

Вот она, информация, которую я так искал! Сам Сергей Иванович называет не только количественный состав бригады, но и кое-кого пофамильно. И нет ничего страшного в том, что Кондратьев не указал инициалы — это сделал начальник Ленинградского губутрозыска. Синим карандашом по диагонали через весь рапорт начертано: «В приказ — объявить благодарность. Петржак. 7/III», а под каждой фамилией тем же карандашом проставлено по две буквы: Бодунов — И. В., Хотимский — Б. М., Петров — В. П., Иванов — Ф. Г., Андреев — В. А., Тарасюк — И. А., Карзин — П. Г., Параничев — В. В.

Меня приятно поразило, что начальник уголовного розыска знал каждого «бойца» по имени и отчеству. Сегодня это редкость. По имени куда ни шло, но чтобы по отчеству... Правда, и штатное расписание сегодня иное — пятнадцати агентам с одним помощником инспектора разве раскрыть столько преступлений за такой короткий отрезок времени?

Мое внимание привлекла одна фамилия. Помните, у Германа есть Тараскин? А я разыскал Тарасюка! Вдруг один и тот же человек? Вот бы доказать!

Кажется, я иду по верному пути.

Подтверждением этого послужил еще один разысканный в архиве документ, в котором шла речь о схватке Бодунова с преступниками, содержание этого рапорта перескажу своими словами.

...Зимой в городе было неспокойно. Долго искали розыскники дерзкого бандита по кличке Бамбула-шкипер — неоднократно судимого, но не оставлявшего преступный промы-

сел. Его последний уход помнили в милиции долго — ушел Бамбула отстреливаясь. Но и сам был ранен в ногу.

Сотрудники первой бригады сбились с ног, обходя всех городских частнопрактикующих врачей... Не следует забывать, что в период нэпа их было немало... Да и куда пойдет раненый налетчик? Известно, к частнику — первое дело!

Бамбула перехитрил всех. Как потом выяснилось, он, откомендовавшись сотрудником милиции, преспокойно зализывал «боевые» раны в лучшей больнице города — лечебнице имени Веры Слуцкой. Никто не догадывался об этой уловке, а Бодунов про это прознал и решил задержать его прямо в палате...

Но не так прост Бамбула, чтоб дать себя арестовать! Ушел из палаты всего за несколько минут до прихода Ивана Васильевича... Видимо, кто-то стоял у него на стреме... Так вновь затерялся след.

Занимаясь другими делами, Иван Васильевич все время помнил об удачливом бандите.

Как-то, возвращаясь в четвертом часу ночи с обыска в квартире скупщика краденого, Бодунов заметил троих неизвестных, приближающихся к нему со стороны перекрестка Церковной и Провиантской улиц. Ему показалось, что один из троих слегка прихрамывал. Бодунов не стал спешить, а притворился пьяным. Нетвердой походкой, словно только что вышел из нэпманского ночного кабачка, который, кстати, оказался рядом, двинулся им навстречу. Бросив в его сторону опасливый взгляд и не заметив ничего подозрительного — подумаешь, пьяный, мужчины прошли мимо. Иван Васильевич хрипло выдохнул за их спиной одно слово: «Бамбула!» Хромой обернулся. Узнав опера, о котором ходили легенды, преступники бросились врассыпную...

Даже здоровому человеку не так легко уйти от сотрудников милиции, а Бамбула хромал. В одно мгновение Бодунов скрутил бандита, приняв все меры к тому, чтобы обезопасить себя от возможного выстрела или удара ножом. Бамбуловские дружки разбежались кто куда...

Уже в здании угро на Дворцовой площади из карманов бушлата Бамбулы-шкипера, а на самом деле известного громилы Пашки Смирнова, были извлечены тяжелые платиновые браслеты с бриллиантами, много золотых колец, кулонов, серег. Рядом с ювелирными изделиями, «экспропрированными» только что у владелицы шикарной чайной, на стол лег громадный браунинг. К счастью Бодунова, пистолет был без патронов — они незадолго до этого изрешетили стены чайной, оббитые драгоценным китайским шелком.

Хорошо известными оказались и дружки, пойманные в ту же ночь. И Павлушка-барин, и Костя-гость набили карманы драгоценностями. У каждого в кармане «грелся» пистолет. Два «смит-вессона» оказались заряженными...

Лишь к утру, когда за окнами, выходящими на Зимний,

раздались голоса прохожих, спешивших на работу, по своим делам, выяснились все последние дела задержанных: вооруженные налеты на чайную, на магазины «Вина Армении» и «Вина Дагестана», ограбление портновской мастерской на Провиантской, пивной залы на Церковной, двух продовольственных лавок на Зверинской улице...

Вот о чем поведали мне в этот вечер два листка пожелтевшей бумаги, датированные далеким двадцать седьмым годом и пролежавшие десятилетия в плотном, серого цвета, конверте.

Кажется, про Бодунова я знаю достаточно. Предстоит отправиться в Петрозаводск и встретиться с ЖЕНОЙ Кондратьева!

7. Сколько лет прошло!

Вопреки киноверсии Мария Константиновна не погибла в электричке от рук бандитов, а в кругу семьи — дочери Антонины Сергеевны, внучки — Зои Владимировны и правнучки готовится встретить девятидесятилетний юбилей.

Едва дождавшись назначенного часа, вхожу в квартиру. Навстречу мне не выходит, а выплывает энергичная, плотная старушка. Седые волосы уложены один к одному. Взгляд лүчится добротой. Никак не могу удержаться от улыбки...

— Добрый день, Мария Константиновна! — выпаливаю я и попадаю впросак. Оказывается, это не Мария Константиновна, а ее дочь.

— А где же Мария Константиновна? — спрашиваю я и замечаю, как из проема двери, ведущей в комнату, за мной проницательно наблюдает вторая старушка.

— Здравствуйте, здравствуйте... — неожиданно сочным голосом говорит Мария Константиновна. — Проходите, садитесь...

Раскладываю на диване фотографии первой бригады, достаю записи, думаю, с чего начинать разговор. Как бы лучше вывести про Сергея Ивановича, про его друзей, про их жизнь, работу...

Но Кондратьевы повернули все по-своему.

После обстоятельного чаепития начинается неторопливая беседа. Мария Константиновна не спеша достает очки, прикладывает их к глазам и долго всматривается в фотографию.

В комнате так тихо, что слышно негромкое тиканье будильника.

— Так это же наша фотография! — замечает Антонина Сергеевна, перегнувшись через спинку стула. — Мы ее передавали в музей. Откуда она у вас?

Я объяснил.

— Этот правильно назван, — Мария Константиновна водит пальцем по карандашным пометкам внизу карточки. — Это Петя Юрский... Щепанюк — верно... Он даже у батьки

Махно служил. Насильно его мобилизовали. Бежал в Красный Питер. Этот красавец — Бодунов, тоже правильно... Я его хорошо помню, он в нашей квартире долго жил — негде было приютиться... А вот этот, — тихо замечает она, — КОРОБКО!

— Который? — устремился я к снимку.

— А вот этот, самый высокий в третьем ряду. Он в нашем доме часто бывал...

— А еще кого-нибудь... — упрямлю я.

Мария Константиновна долго смотрит, потом вздыхает.

— Узнаю всех, а вот фамилии почему-то не помню... — В ее голосе я слышу извиняющиеся интонации. — Сколько лет прошло!

Пришло время изучать семейный альбом. Откуда-то из шкафа извлекается толстый в пухлом переплете том, в котором снимки одной семьи за почти столетний период. На большинстве фотографий Сергей Иванович. Под каждым снимком тщательно выписаны женским почерком год, иногда — месяц и число. Но таких точных записей мало...

Перелистываю страницы альбома и словно читаю биографию Кондратьева... Родился в 1898 году в семье железнодорожного рабочего. Мать портниха. В 1914 году, по окончании двухклассного железнодорожного училища, поступил на службу телеграфистом на Николаевскую железную дорогу. Нет в этом альбоме снимков, рассказывающих о периоде между февральской и Октябрьской революциями. Жаль! Именно в феврале семнадцатого Кондратьева мобилизовали в армию Временного правительства и в составе пулеметной команды «Кольта» отправили на Кавказский фронт. В боях Сергей Иванович не участвовал — при преодолении горного перевала лошадь ударила бойца копытом в живот, и начались долгие скитания по госпиталям. Из Тифлисского лазарета он выписался в январе восемнадцатого и сразу же, еще не до конца выздоровев, направился в Петроград. Там его ждала молодая жена — Мария Константиновна.

Трудным был многодневный путь в столицу. По пути следования в Ростове-на-Дону Кондратьева избили юнкера и казаки Каледина. Так для солдата закончилась попытка войти в теплое помещение второго класса вокзала, предназначенное лишь для господ офицеров. В Петрограде вернулся к службе телеграфиста. Вступил в комсомол. Первое поручение — организовать комячейку Петрославянской волости под Петроградом... Выполнил! В декабре девятнадцатого вступил в партию большевиков. По ее заданию направлен в транспортный Ревтрибунал, в двадцать втором — в уголовный розыск...

Одна фотография сменяет другую. Перелистываю страницы жизни... В декабре 1929 года Сергей Иванович переведен в Карелию. Начинается служба в органах Комитета государственной безопасности. Его аттестации подписываются

будущим Генеральным секретарем ЦК КПСС, а в то время секретарем ВКП(б) Карело-Финской ССР, Юрием Владимировичем Андроповым. В пятидесятом году срок службы кончился, пора и на отдых. Увы, уход на пенсию не был желанным. В тот год Кондратьеву исполнилось лишь пятьдесят два. Может, еще поработать в милиции?

Сергей Иванович предпринимает попытку восстановить-ся, едет в Москву, где в Главном управлении милиции работает Иван Васильевич Бодунов. Попытки друга оказать помощь не увенчались успехом — служба в милиции не возобновилась.

Начинается новый период — в альбоме сцены семейной жизни, пикники на природе, Сергей Иванович с ружьем — на поясе охотничьи трофеи, с корзиной грибов, с удочкой.

Возвращаясь к снимкам военного времени. Жестокие испытания выпали на долю семьи Кондратьевых: в сорок первом на Выборгском направлении гибнет ленинградский ополченец, сын Николай. В сорок четвертом звания Героя Советского Союза посмертно удостоен зять Сергея Ивановича, муж Антонины Сергеевны — Владимир Зиновьевич Бабий.

Умер Сергей Иванович в пятьдесят седьмом году — сказалась травма, полученная на Кавказе.

Чем дальше, тем больше я узнаю о семье, но практически ничего нет о соратниках Кондратьева по уголовному розыску.

Отдаю альбом Марии Константиновне. Ах, какой я неловкий — уронил его на пол. Вместе со снимками из альбома выпали какие-то вырезки. Тонкая бумага, старый шрифт...

— Вот хорошо, что нашелся! Это рассказ Сергея Ивановича! — поясняет Мария Константиновна. — Он его опубликовал в двадцать пятом году в журнале «На боевом посту»... Был такой журнал у Ленинградской милиции. Всего два года выходил. Допекли его тогда журналисты — мол, напишите да напишите. Отнекивался он, говорил, что некогда ему литературным творчеством заниматься. Разве отвяжешься... — Она улыбнулась. — Пришлось написать несколько страничек. — С тех пор этот рассказ, кажется, не публиковался и давным-давно забыт.

— Неужели никто не разыскал?

Мария Константиновна смотрит на меня изучающе, правильное, на моем лице удивление.

— Видимо, лежит где-то в архивах, куда журналистов еще не допускают... *

Беру из рук старушки драгоценные листки и надолго замираю, погруженный в чтение. Тишину в комнате нарушает разве что шорох переворачиваемых страниц.

---

* Лишь в 1987 году этот рассказ был опубликован вновь в книге о Ленинградской милиции — «Ленинградская Краснознаменная».

8. «Рукописи, к сожалению, горят...»

«Переведясь на работу в угрозыск, — писал Сергей Иванович, — я старался быть зачисленным в 3-ю бригаду (ныне она 1-я), так как ее работа увлекла меня. Ее сотрудники занимались исключительно раскрытием преступлений против личности. Иногда кошмарных по зверству, иногда фееричных по обстановке и дерзости — и всегда интересных по розыску.

В 1922 году хроника текущей жизни в Ленинграде была полна кровавыми преступлениями, и мне казалось, что я следуя своему призванию содействовать хоть сколько-нибудь в ликвидации этого кошмара, стремясь попасть в 3-ю бригаду.

Да к тому же сама работа агентов была захватывающе интересна. Помимо розыска, в обязанности агента всегда входит и задержание преступника, а в ту пору (речь идет о 1922 г. — Н. А.) преступники, зная, что их ждет высшая мера наказания — расстрел, оказывали всегда вооруженное сопротивление.

Собираясь задержать прослеженного налетчика, агенты всегда готовились к бою, часто смертельному, и ни одного ареста не проходило без обмена выстрелами в 10—15 шагах расстояния, и немало арестов заканчивалось смертью или ранением и преступников, и агентов.

Служба в бригаде — это была служба на боевом фронте. Жуткая служба, на которой всем существом постигаешь правильность поговорки: «Сегодня жив, а завтра жил!»

Быть может, поэтому она так и увлекает; и я был счастлив, когда 19 мая 1922 года меня зачислили в бригаду.

Инспектором был товарищ Ветров. Товарищи все были на подбор, с увлечением отдававшиеся делу. Были богатыри, были с виду совсем малосильные, но когда им поручалась работа, то эти малосильные проявляли чудеса храбрости.

Помню, например, заняли мы на Ямской, 17, хазу (притон. — Н. А.) известного укрывателя дяди Вани. Произвели обыск, арест, ушли и оставили там засаду. Всего двух агентов. И что же? Эти двое задержали семнадцать человек.

— И как вам это удалось? — изумился инспектор.

— Совсем просто, — отвечают они. — Как кто-то поступает, мы впустим и браунинг к носу — «руки вверх». Проведем в комнату — и дверь на ключ. Так всех и усадили.

Кажется, просто, а между тем еще проще эти семнадцать могли проломить им головы.

И много таких случаев было.

Удача ли, или мое рвение, потому что я, как собака на мясо, накинулся на работу, — только выдвинулся я очень быстро.

В один месяц.

Сначала товарищ Ветров поручил мне один грабеж рас-

следовать. Я в сутки и вещи нашел, и грабителя задержал. Потом убийство, я раскрыл его так же быстро; еще пару-другую, и я из агентов 2-го разряда был сделан агентом 1-го разряда.

В июле того же, 1922 года позвал меня инспектор и говорит:

— Вот два дела. Какой-то Пантелеев объявился. Надо его разъяснить и забрать. Вероятно, не один, а с шайкой.

Взял я дела.

Одно только что вчера произошло. На Петроградской стороне, по Большому проезду, дом 29, совершен вооруженный палет на квартиру доктора Левина, а другое дело — тоже палет, на квартиру меховщика Богаева.

Оба дела — палеты без убийства с грабежом, но дерзкие исключительно. Среди бела дня в населенном доме, в присутствии хозяев квартиры, — полный разгром.

Доктор Левин был очень богатый человек и имел большую практику. Было 12 часов дня. Прислуга ушла в лавки. Доктор с женою были в квартире одни, когда раздался звонок. Доктор подошел к двери и спросил: «Кто?»

— Доктора нужно, — ответили ему. — Доктор дома?

Такие посещения были обыкновенными, и доктор Левин спокойно отворил дверь.

В переднюю вошли трое, и не успел доктор опомниться, как его повалили ударом в грудь, заткнули рот и втащили в комнату. Затем его связали, протащили в ванную и сказали: «Не дыши, если жить хочешь!»

Почти тотчас в ванную втащили и его жену и заперли дверь.

Когда вернулась прислуга, она нашла дверь открытой, квартиру разгромленной и подняла крик. Сбежались соседи, стали искать хозяев и нашли их связанных в ванной.

Когда я приехал на место разгрома, доктор и его жена еще не совсем пришли в себя от испуга.

Произвел я с ними осмотр разгрома, и они недосчитались дорогих вещей, столового серебра и денег, вынутых из письменного стола доктора.

Стал я их расспрашивать о знакомых и близких, нет ли подозрений на кого, а сам осматриваюсь и думаю. Грабители никому в лицо не известны, только один назвал себя Пантелеевым. Словно рекомендовался. В своей работе они обнаружили знание не только расположения комнат, но и хранилищ: где серебро лежит, где деньги, где шубы. Несомненно, кто-то близкий и дорогу показал, и познакомил со всей обстановкой.

Сначала я заподозрил прислугу, но скоро бросил эту догадку. Перечисляя всех близких и знакомых, доктор назвал родственника своей жены, Леонида Раева.

Молодой человек живет без работы, любит покутить. Док-

тору не нравится, но он все-таки принимает его, когда тот приходит, а приходит он частенько.

И здесь у меня сперва мелькнула мысль, а потом появилась уверенность, что этот Раев и есть наводчик.

Прямого указания не было, но, рассуждая путем исключения, к иному выводу прийти было нельзя, и я решил — была не была — произвести у этого Раева обыск.

На другой день, в шесть часов утра, я отправился на Фонтанку, дом 65 и произвел обыск в квартире Леонида Раева.

Сначала в его квартире я ничего особенного не нашел, только все его поведение и сбивчивые ответы наводили на подозрения, но одних подозрений мало. И вдруг я увидел брошенную в углу у печки скомканную бумажку. Словно предчувствуя удачу, я поднял и развернул ее. На ней оказался старательно вычерченный план квартиры и надпись карандашом «12—1 час».

Для меня уже не было сомнений, что это план квартиры доктора и что наводчиком был не кто иной, как Раев, а значит, он знает и этого Пантелеева, и его товарищей.

Я арестовал его, посадил и стал допрашивать. Никакого толку. Прошла неделя, и ничего я не могу добиться от Раева, а тем временем в городе налет за налетом. Все самые дерзкие; иные с убийствами — и везде Пантелеев. «Ленька Пантелеев», как его стали звать по всему городу.

— Надо с ним непременно кончить! — говорит товарищ Ветров.

И сам чувствую, и товарищи понимают, что надо этого Леньку ликвидировать, а как это сделать, если мы его даже в лицо не знаем.

В это самое время Раев вдруг заговорил. Понял, видно, что ему не оттолкаться.

Вызвал я его на допрос, а он мне и говорит:

— Хотите, я вам Пантелеева разоблачу?

Я только усмехнулся про себя, так как был уверен, что он заговорит в конце концов.

— Отличное дело. А как вы это устроите?

— Я вас везде поведу, где его застать можно, а найдем — я его укажу вам.

— Идет.

Тут мы с ним согласились, и началась охота.

До сих пор не знаю, морочил нас этот Раев или такая беда случилась, только куда ни ткнемся — везде говорят: «Только что был, а сейчас нет».

Водил нас Раев по шалманам, указал маруху, показал сестру Леньки... Везде были, а он, словно угорь из сетки, был и ушел.

А тем временем по городу все новые и новые налеты. Один другого дерзее. Ко всему — и с убийствами, «мок-рые». Придешь на место — везде Ленька Пантелеев нара-

ботал. И в городе, и у нас, и в хазах только и разговоры, что о нем.

Наш Ветров из себя выходит: «Надо поймать!»

Сами мы всю стараемся: «Надо поймать!»

А как поймать? Раев этот воловодит — только время с ним тратишь...

И вдруг попался нам этот Ленька. Было это в августе 1922 года. На Почтамтской улице днем налетчик напал на артельщика, убил его, деньги взял и скрылся. Разглядеть его успели только двое рабочих, которые работали поблизости от места происшествия.

И вот в этот же день, часа четыре спустя, идут эти рабочие по проспекту 25 Октября, мимо улицы Желябова и видят, что в магазин Бехли вошел убийца артельщика.

Они к милиционеру — так и так, а подле милиционера наш агент стоял. Он тотчас в отделение милиции бросился. Там начальник — товарищ Борзой *. Тотчас снаряжился, взял милиционеров и с нашим агентом бегом в магазин. Вбежали, а тот сапоги примеряет. Увидел милицию, выхватил револьвер, бац! — и товарища Борзого на месте убил, а сам бежать. Тут пошла стрельба. Одна пуля угодила бандиту в голову, он свалился, и его захватили. Рана пустая. Свезли тут же в амбулаторию Конюшенной больницы, сделали перевязку и к нам.

— Кто такой?

А он и говорит:

— Ваша удача. Я — Леонид Пантелеев.

Обрадовались мы, надо правду сказать. Тут он все дела свои и открыл. Я его допрашивал и с ним по целым часам говорил. Как будто и не бандит — смотрит весело, говорит с усмешкой и держится совсем просто. Я сначала на всякий случай за револьвер держался, а потом и не брал его.

Сидим, курим, а он все выкладывает.

— Я против вас зла не имею. Мое дело налеты делать, ваше — меня ловить. Поймали — ваша взяла. И таиться мне нечего...»

Оторвался я от рассказа. Тут Мария Константиновна и говорит:

— Все помню, как будто только вчера произошло... И начальника уголовного розыска Петржака — замечательный человек был, и Сережиных товарищей, и Леньку Пантелеева...

Я обомлел:

— Да что вы! Откуда?

— А он ко мне в гости приходил... — Старушка, как мне показалось, с вызовом улыбнулась. — Жили мы тогда не в самом Петрограде, а в пятнадцати километрах от города, на станции Славянка. И вот как-то в один прекрасный день,

---

* По другим источникам — Барузай. — Н. А.

часов этак в двенадцать, стучатся... Открываю дверь. Стоит молодой интересный парень в кожаной тужурке — в таких вообще-то чекисты ходили, комиссары. Говорит: «Я — к Сергею Ивановичу. Хочу передать письмо...» Отвечаю: «Нет! Письмо не приму. Сергей Иванович только что уехал». И он тогда ушел. А вечером, когда муж пришел, я ему рассказываю о незваном госте, описываю, как выглядит, во что одет. А он говорит: «Это Ленька Пантелеев!»

— Ограбить хотел? — с холодком в груди спрашиваю я.

— Что вы! Это было в середине двадцать второго, когда Ленька еще не стал отпетым бандитом и Сергей Иванович хотел исправить Пантелкина...

— Пантелеева! — поправил я женщину.

— Ну да, Пантелеева. Только настоящая его фамилия Пантелкин была. А это вроде псевдонима... Судьба его неудачливо сложилась. Родом он был из рабочих — тогда происхождение большую роль играло. Сам служил в типографии наборщиком. А после революции оставил Ленька типографию и поехал счастья искать. В Пскове в отряде ВЧК служил, правда, недолго... Сначала его «в религиозности» заметили, а тогда с этим строго было, а потом он на обыске что-то из чужого в карман сунул. С этого все и началось... Выгнали его со службы — он назад в Питер. Поначалу убийствами не занимался, все больше по грабёжам. До краж вроде не опускался. Мелким делом, что ли, считал... Поймал его Сергей Иванович и хотел перековать, да опоздал... Испорченный совсем, пропащий оказался Ленька.

— А грабили нашу квартиру через несколько лет... — вставила слово Антонина Сергеевна.

— Смешная история получилась... — подхватила Мария Константиновна. — Висел у нас в квартире портрет Сергея Ивановича. Кто-то из его товарищей во время засады нарисовал от нечего делать и подарил. На нем еще снизу написано было: «Гроза налетчиков Кондратьев!»

Возвращаемся мы однажды с дочкой домой, поднимаемся по лестнице, а дверь-то и открыта... Не совсем, чтоб нараспашку, а на замок не запертая...

— А помнишь, мама, перед этим двое мужчин навстречу шли? Ты еще внимание обратила на них и меня за руку больно дернула...

— Чтобы молчала... Я сразу поняла — какой-то непорядок. Один идет впереди, нас увидел — закашлял сильно, будто кому сигнал подает, тотчас и второй появился следом... Дочке тогда восемь лет было — но все помнит! Вошли мы в квартиру, а у нас ничего и не взято — взломщики лишь чаю попили и ушли. Выходит, портрета забоялись. Сергея Ивановича в Петрограде уже немножко знали тогда... Позвонила я Сереже, говорю: «Нашу квартиру посетили налетчики!»

— Сиди дома, — говорит. — Выезжаем!

Вот тогда я с ребятами из первой бригады познакомилась.

Старушка стряхнула с юбки несуществующую соринку и, заметив мое изумление и замешательство, сказала:

— Да вы читайте, читайте... Сергей Иванович и сам о Леньке и своих товарищах рассказывает...

«—...Я против вас зла не имею. — Прочитал я снова фразу, на которой остановился перед этим. — Мое дело палеты делать, ваше — меня ловить. Поймали — ваша взяла. И таиться мне нечего...»

Рассказал все про себя. По профессии он был наборщиком. Во время революции, после Октября, оставил типографию и уехал счастья искать. Приехал в Псков и там на службу устроился. Хорошо жил, да и сорвался. На одном обыске грабежом занялся. Узнали про это и тотчас его прогнали и велели из Пскова выехать.

Вернулся в Петроград, записался безработным и стал на биржу ходить. Здесь рыбак рыбака видит издалека. Сошелся он с двумя безработными парнями — Митькой Гавриковым и Митькой Занудой*. У последнего маруха была — бойкая девочка. Она и говорит:

— Служу я здесь у одних буржуев. Про деньги не знаю, а вещей всяких у этих чертей до отказа.

Стали разговаривать.

— Идти, так идти! — сказал Пантелеев.

Это его первое дело было. Купили они на рынке шпалер «смит-вессон» кавалерийского образца, без патронов, и пошли.

Вошли. Митькина маруха пустила. В квартире четверо. Ленька, тот со шпалером: «Руки вверх!» Всех перевязали. Вещи забрали. И ушли...

Пошли прямо к своим укрывателям.

— Вот, — говорит Пантелеев, — увяжите хорошенько по узлам и принесите на вокзал к поезду. Мы увезем, потом поделимся.

А укрыватели вместо вокзала на рынок пошли. Стали продавать вещи, а тут наши агенты их и накрыли.

Ленька ждал-ждал и не дождался. После узнал, как они поступили, и обозлился: «Подлецы все... Опять без денег!»

— Увидал я, что палеты эти не совсем пустое дело, — рассказывал мне дальше Ленька, — и пошел по этой части. Когда один, когда прихвачу кого... Наводчик всегда нужен, без него и дела не найдешь. По пустякам мараться я не люблю. Барыга тоже нужен. Опять же стремщик. Ну и маруха! Как без нее? — Он рассмеялся. — А тут еще липнут все. Известно, я при деньгах. Ну и возьмешь много в работу. А работа пустячная. Поначалу револьвером страшал, а потом скажешь: «Я — Ленька Пантелеев». Глядь, все словно к полу

---

* Кличка заменена на более приличную, — Н. А.

приросли и глаза из лба лезут. Смешно даже. Случалось и «по-мокрому», если иногда никак невозможно...

Так мы с ним беседовали, и он все дела свои выложил. Много их набралось. Помню в последний раз, когда говорили, я ему сказал:

— Много ты натворил. Придется, пожалуй, под расстрел идти.

Он улыбнулся и совершенно просто проговорил:

— Да я убегу до того времени.

— Как?

— Вы не опасайтесь. От вас бежать не буду. Не дурак. Я из исправдома* уйду.

И ушел. Держали его в третьем исправдоме. Прихватили он с собою Сашку Пана, и ушли оба. Подробностей я не знаю, да и никто хорошо не знает. Известно только, что из пекарни они через окно вышли во двор, там влезли на дрова, оттуда через ограду — и на улицу. Это было в конце 1922 года. С этого времени все и началось. Бандитизм вообще развился в Петрограде, как никогда, а тут с побегом Пантелеева даже жутко стало. Он словно озверел. Нападал на улицах, как, например, убийство Студенцова на Кирочной, делал налеты и почти каждый вечер с убийством — «мокрым».

В это время для борьбы с налетчиками, а главное, с Ленькой Пантелеевым, в ГПУ была образована особая «ударная группа», в которую от милиции вошли сначала я и со мною агент, товарищ Давыдов, и два дня мы работали только вдвоем, причем успели в одной хазе накрыть сразу троих палатчиков. Дело было со стрельбой, но без убийства и ранения. Через два дня ГПУ дало еще сотрудников, и образовалась боевая группа. Работа закипела...

Главной ударной задачей было захватить и ликвидировать его банду. Более захватывающей, кипучей работы я не помню. Мы узнали все притоны и все квартиры, где бывает Ленька Пантелеев со своими товарищами. К этому времени он совсем обнаглел и, что для нас важно, начал пьянствовать. До своего ареста он был трезвенник, а значит, и зорче, и осторожнее, и всегда во всей силе. А теперь, если он и не был пьян как колода, то все же бывал в затмении. Это было в нашу пользу. Да и большая компания, что теснилась около него, и марухи, которых у него было достаточно, тоже приносили нам пользу. Среди такой компании оказались предатели. Одни из зависти, другие обиженные Ленькой, третьи — не поделившие с ним. Среди марух были брошенные, были ревнивые. И все они давали нам указания, так что, можно сказать, мы знали каждый шаг Леньки и шли по его пятам. Но и он знал, что мы о нем знаем, — и захватить его было нелегко.

Я работал пять дней в неделю, круглые сутки, не смыкая

---

* Исправдом — исправительный дом, тюрьма.

глаз. В день по несколько раз выезжал на дело, по ночам ехал на свою работу — ловить и стеречь. Неразлучным спутником моим был кольт четырнадцатого калибра. И все товарищи так жили, при каждом деле рискуя получить пулю. Меня как-то миновали и пули врагов-бандитов, и всякая беда. Помню, однажды мы мчались на автомобиле, стремясь застать Ленку в одном из притонов, где его ждали. Перед этим мы были на месте только что совершенного налета и потеряли много времени. Теперь мы хотели наверстать потерянное, и вдруг на углу Комиссаровской и Мойки нам перерезала дорогу другая машина. Раздался треск, звон, и я вылетел из машины, как футбольный мяч, пролетел саженей десять и зарылся в кучу снега. Благодаря этому я остался невредимым, а мои товарищи все пострадали, и некоторые серьезно.

В другой раз я встретился с бандитом, когда он спускался с лестницы. Он сделал по мне два выстрела, но обе пули пролетели мимо. В этих опасностях есть особая прелесть, и кружат они голову сильнее вина, сильнее страсти...

«Вот это да!.. — оторопел я, читая эти строки. — Опасности, и вдруг сильнее страсти!» Я, видимо, создал в своем воображении этакий штампованный, известный по художественной литературе и кино образ сыщика без страха и упрека. На первом месте, конечно, верность долгу, революционный порыв, пролетарская сознательность... Таким я видел поколение двадцатых. Словно безликие люди выстроены рядами, все как на подбор brave, лихие, не боящиеся смерти... А оказывается, все далеко не так. Кондратьев искал опасные ситуации, находил в них прелесть. Мальчишество? Издержки романтики? Да, обыкновенными мальчишками со своими проказами, наивными убеждениями, юношеским максимализмом они и были. Мне встречались довольно странные документы, которые подтверждали мою версию — молодые сотрудники уголовного розыска боролись с нэпманами, но каким странным путем...

«Начальнику уголовного розыска Петрограда Л. Петряку от ответственного дежурного по отделу, помощника инспектора Петра Громова.

РАПОРТ

Настоящим довожу до вашего сведения о нижеследующем. Около 23 часов поступило сообщение по телефону, что в ресторане «Скала», помещающемся на проспекте Нахимсона, агентами уголовного розыска первой бригады устроен дебош и стрельба.

На место выехал я, совместно с ответственным дежурным по гормилиции тов. Литвинским, агентами М. Ивановым и П. Юрским, где выяснилось, что в означенный ресторан пришли инспектор 1-й бригады Кондратьев, его помощник Свиридов, агенты Коробко и Тарасов, где произвели вскрытие

опечатанного кабинета, в каком-то 18 февраля произошло убийство путем самоповешения. Сотрудники милиции на месте составили акт, а по окончании работы в одном из кабинетов того же ресторана выпили несколько бутылок пива и, будучи в возбужденном состоянии, произвели два выстрела в самом кабинете.

Настоящий рапорт представляю в ваше распоряжение.
20.III.1924 г. П. Громов».

Объяснение давал Коробко — «...мы выпили несколько бутылок вина и дюжину пива. Этим мы хотели разорить буржуа-мироода. Вину осознал полностью, выстрелы произвели непроизвольно, так как оружие оказалось неисправным...».

Вот такой произошел случай! Могло окончиться трагедией? Могло. Но, как мне кажется, в то время, в те дни, когда в милицию стреляли каждодневно, редко кто ставил пистолеты на предохранитель. На другой день провинившиеся, но непобедившие нэп, взяли бандита Двурцова и... были прощены. А с моих глаз спала пелена эдакого наносного литературного героизма, непогрешимости, многоопытности. Я видел перед собой повзрослевших, но не выросших до конца мальчишек... Кондратьеву — двадцать шесть, Коробко — двадцать один, Тарасову и того меньше... Ах, как хотелось насолить нэппапу, а насолить себе...

Итак, продолжаю повествование:

«Погоня за Ленькой продолжалась уже три недели. Неустойчивая, день за днем, а он, скрываясь от нас, продолжал свои налеты. Про его налеты сочиняли легенды, и они походили на страницы французских бульварных романов. Все последние налеты отличались особой наглостью, и некоторые сопровождались убийствами. В то же время мы успели его совсем окружить, и он походил на загнанного зверя, который мечется во все стороны. Мы узнавали один за другим его притоны и наконец заключили его в кольцо, закрыв все выходы девятнадцатью засадами. Накануне его конца мне чуть-чуть не попал в руки его главный товарищ Мишка Корявый. Дело было так: я узнал, что сестра Леньки живет на углу Столярного переулка и Екатерининского канала и что в эту ночь Ленька собирается быть у нее. Думая захватить его, я с товарищами из ударной группы приехал на эту квартиру, сестру Леньки заперли в задней комнате и устроили засаду.

Сидим, ждем. Вдруг звонок. Я пошел открыть. Смотрю — Мишка Корявый. Он тоже узнал и тотчас назад по лестнице. Я за ним. Он выбежал во двор и сразу выстрелил в меня, я ответил, и у нас началась перестрелка.

Он скрылся за кучей снега, и на него падал неровный свет качающегося фонаря. Я стал внизу лестницы за косяком двери. В какие-нибудь две-три минуты он расстрелял всю обойму, а я выпустил все заряды своего кольта. Потом он убежал, а я гнаться за ним не мог, потому что не мог

оставить засады. Подоспей кто-нибудь на помощь, и он был бы захвачен. Впрочем, его захватили на следующий день на Можайской улице. Там тоже была засада. Ленька Пантелеев и Мишка Корявый не знали об этом и пришли для пьянства. Оба несли корзинки с питьем и закусками, но они не дошли до дверей, как наши агенты открыли по ним стрельбу.

Ленька был убит наповал. Мишка ранен. Их забрали...

В этом месте я вынужден прервать рассказ Сергея Ивановича и дать необходимые пояснения. Видимо, из соображений секретности того времени Кондратьев ограничился скороговоркой. Однако материалы уголовного дела по обвинению бандитов, входящих в шайку Пантелеева, говорят об ином.

В ночь с 12 на 13 февраля 1923 года в засаде на Можайской улице сотрудников уголовного розыска не было. Там дежурили четверо молодых бойцов войск ГПУ, приданных на помощь милиции, среди которых был и семнадцатилетний чекист Иван Бусько.

Когда бандиты вошли в квартиру, Бусько, спрятавшись за входной дверью, наблюдал за ними. Ленька увидел военную форму и понял, что попался.

— В чем дело, товарищи? — произнес он, ставя на стол корзинки с продуктами.

— Руки вверх! — последовала команда.

Пантелеев спешно выхватил из карманов кожаная два пистолета и направил их на чекистов. Бусько, не раздумывая, вскинул винтовку, задев при этом прикладом дверь. Ленька обернулся, опешил — он не думал, что кто-то может находиться у него за спиной. Ловким приемом бойцы выбили у него из рук оружие и повалили Леньку на пол. В этот момент и грянул выстрел от входной двери. Лежащий на боку Пантелеев был убит первым же выстрелом. Пуля вошла в правую щеку и вышла, пробив левую височную кость. Старые фотографии из уголовного дела со всей очевидностью показывают — с бандитом было все кончено!

Продолжим чтение...

«...В эту же ночь в хазе на углу Сенной и Международного проспекта был арестован другой помощник Леньки — Сашка Пан, а там один за другим и вся шайка.

Банда Пантелеева была ликвидирована в одну ночь. Труп Леньки был выставлен для обозрения в мертвецком покое Обуховской больницы, и туда валом валил народ в течение трех дней. Естественно, все не могли его видеть, и долго еще наиболее наглые налеты приписывались ему, а иные более дерзкие налетчики назывались его именем.

Чтобы покончить с Пантелеевым, скажу, что какая-то поэтесса написала про него целую поэму, в которой изобразила этого налетчика борцом за угнетенный пролетариат, и стихи этой поэмы поют все хулиганы. Так упрочена слава этого Леньки, а за этим «борцом» мы считаем тридцать налетов, из которых двенадцать с убийствами.

После ликвидации банды Пантелеева ГПУ упразднило «ударную группу», и я вернулся вместе с товарищем Давыдовым в первую бригаду, где инспектором был уже храбрый Шуляк, а помощником его Суббоч.

Время наступило относительно тихое. Сотрудников Ленки расстреляли, налеты стали реже, но все-таки повторялись. Среди новых налетов отличался своей дерзостью Митька Кортавый, бывший карманный вор. Мы все имели его на примете, но он ускользал от нас и продолжал свои разбои. Особенно в 1923 году он проявил себя рядом дерзких налетов. И вот в мае 1923 года, когда Шуляк сидел в своем кабинете, зазвонил телефон. Шуляк взял трубку, выслушал, вынул из стола браунинг и сказал: «Едем за Митькой Кортавым!»

Оказалось, агент Симкин увидел его в шалмане на углу Ямской и Кузнечного переулков. Шалман был во втором этаже. Симкин пробежал в аптеку и оттуда позвонил. Мы поехали. Недалеко от угла Ямской нас встретил Симкин и сказал, что Митька с кем-то, вероятно, со своим товарищем, на бильярде играет.

Шуляк оставил для дозора агента в воротах, другого у дверей и двинулся в шалман. С ним Симкин и мы. Вошли в первую комнату. Китаец-хозяин, что стоял за буфетом, весь пожелтел и съехался. Шуляк прямо бросился в бильярдную, и тотчас загревели выстрелы. Какой-то человек с браунингом, стреляя на бегу, бросился через комнату к выходу. Пуля поразила Симкина, и он упал как скошенный... Мы вбежали в бильярдную... Шуляк лежал на полу. На подоконнике открытого окна стоял Митька Кортавый с револьвером в руке. Он тотчас открыл стрельбу. Мы ответили ему. Он не то упал из окна, не то прыгнул. Часть агентов побежала вниз во двор. Мы подняли Шуляка и понесли в автомобиль. Довезти его до больницы не удалось: он умер, Митька пробил ему шею.

Симкин был убит на месте, сразу. На дворе нашли кровавый след. Он вел к подвалу. Когда подошли к лестнице в подвал, то внизу увидели скорчившегося Митьку Кортавого: он умирал. Очевидно, чья-то пуля поразила его, и он выпал из окна, уже смертельно раненный.

Это был печальный день. Хотя мы и успели ликвидировать страшного налетчика, но цена этой ликвидации была слишком высока.

Место инспектора занял товарищ Суббоч. Я был назначен его помощником. Суббоч был решительным, смелым человеком и обладал тем, что называется нюхом и что не дается никакой практикой. Он начал свою работу в угрозыске тем, что открыл целую шайку конокрадов, причем все розыски делал один и с большим риском. Но смерть уже стерегла его...

В ноябре того же, 1923 года он при задержании пьяных хулиганов был ранен револьверной пулей и, не приходя в сознание, скончался.

Так в течение полугода были убиты на своем посту друг

за другом два инспектора нашей боевой дружины, и на мой жребий выпало занять их пост...»

Что я узнал нового? Появилась фамилия Давыдов. Я внес ее в записную книжку, надеясь, что этот геройский парень обязательно должен быть на снимке, ведь он работал вместе с Кондратьевым именно в эти годы.

— Знаете, до чего этого Леньку боялись? — прервал мои размышления голос Марии Константиновны. — В магазинчиках, которыми владели нэпманы, появлялись странные объявления в витринах... — Кондратьева на секунду задумалась. — Ага, вспомнила! «Воров просят не беспокоиться, так как вещи на ночь из магазина уносятся!» Или такое: «Выставленные в окнах сыры деревянные, а потому воров просят не разбивать витрину...» Самое смешное объявление в магазине на Комиссаровской улице: «В этом окне выставлены сапоги только по одной штучке от пары, и притом все на левую ногу, а потому никакой ценности они не представляют!» — кажется, и сегодня так обувь выставляют в магазинах, а никто не помнит, что началось это давно... Еще с Ленькиных времен!

— А бандиты тоже вывешивали объявления, — сказала Антонина Сергеевна. — Помню, папа рассказывал, что на улице висел листок с жутким предупреждением: «До девяти часов вечера шуба ваша, а после наша...»

Я лихорадочно записывал услышанное.

— Писательское дело требует правды! — назидательно произнесла Мария Константиновна. — С писателем Шейниным, который дневал и ночевал в первой бригаде, Сергей Иванович поссорился в пятьдесят четвертом году. Он в рассказе изобразил все не так, как было на самом деле. Из отпетого уголовника сделал розового романтика, влюбленного в красивую женщину. Прочтите его рассказ «Ленька Пантелеев!» Читали? Помните? То-то и оно!

К моменту появления шейнинских «Записок следователя» у Сергея Ивановича уже были написаны и отредактированы воспоминания о работе в уголовном розыске.

По тому, как она произнесла слово «отредактированы», я понял, что действительно Кондратьев просидел над мемуарами не один месяц, а может быть, и год. Наверное, помогала ему и Мария Константиновна...

— В рукописи шла речь о настоящих людях, реальных, а не выдуманных делах. А уж бандитов, всяких там «чугунов», «тузовых», «кортавых», «хейфеев» — целая галерея.

— Где же рукопись? — нетерпеливо спросил я. — У вас? В музее?..

— Ее нет... — В голосе была грусть. — Приехав от писателя, не доказав ему ничего, Сергей Иванович все сжег... — Старушка приподняла над столом сухонькую ручку с синими пульсирующими жилками. Ладонка замерла, отделив саптиметров тридцать пустоты, застывшей над столом. — Вот такая была рукопись... Страниц восемьсот!

— Он еще приговаривал: «Не хотите знать, как все было на самом деле — не надо! Живите иллюзиями...» — добавила дочка.

9. Тайны приоткрывает... математика!

Я многое узнал про Бодунова, еще больше про Кондратьева и почти ничего о ребятах-розысчниках первой бригады. Даже фамилии большинства из них мне неизвестны...

И вот я снова в Ленинграде. Едва сойдя с поезда, размышляю — куда идти. В музей или архив? Медленно бреду вдоль Невского проспекта.

Сворачиваю в переулок и останавливаюсь у подъезда старинного особняка, в котором больше шестидесяти лет назад разыгрались роковые события. Вот за этими самыми окнами расположена квартира, где молодые, скорее всего еще не обладающие достаточным опытом оперативной работы розыскники одного за другим «вязали» бандитов.

Дворцовая площадь. В этом здании-подкове, застывшем у Зимнего дворца, и располагались грозные службы Петроградской милиции, ее ум и сердце — уголовный розыск. Дом как дом. Он ничуть не изменился с двадцатых годов, такой же, как на фотографиях...

Я подхожу к окованным железными листами воротам, и мне кажется, что слева от них еще видны следы от гвоздей, некогда крепивших вывеску «Управление Петроградского губернского уголовного розыска». Как будто слышно из-за ворот пыхтение мотора старенького грузовичка...

Как-то мне попала в журнале фотография — «Выезд работников Ленинградского уголовного розыска на операцию». Еще не зная, смогу ли как-нибудь использовать ее в поиске, я снял с нее копию. Теперь на Дворцовой площади я сличаю изображение на снимке с реальным домом, пытаюсь привязать фотографию к настоящему месту...

Снимок. На переднем плане авто. Может, это «рено», может, «Руссо-Балт»... В кузове — человек пять или шесть. Рядом с водителем сидит молодой парень в кепке.

Это — Кондратьев! Рядом с машиной перезаряжает пистолет Петр Юрский. У борта кузова сидит Иван Васильевич.

Выходит, что я, еще не решив основной задачи, могу более точно назвать снимок — «Выезд ПЕРВОЙ БРИГАДЫ Ленинградского уголовного розыска на операцию».

Дождался открытия архива Ленинградской милиции, оформил необходимые документы. Оказалось, что с «ветхими» от времени документами работают не старушки или мужи, убеленные сединой, как я думал, а симпатичные девушки — Лена и Наташа. Первая же моя просьба, которая проявила мою полную неосведомленность в архивных делах — я попросил показать послужные списки уголовного розыска двадцатых годов, — если и не насмешила, то изрядно удивила.

— Таких списков в те годы не вели, — с улыбкой сказала Лена Угарова. — Все назначения, увольнения, декретные отпуска проводились общими приказами...

— При чем здесь декретные отпуска? Женщины в данной ситуации меня интересуют мало... — проявил я вновь свою неосведомленность. — В розыске работали одни мужчины. Посмотрите на снимок...

— Декретными отпусками назывались обычные отпуска, — пояснила девушка. — Уход в очередной отпуск проводился приказом — «декретом». Отсюда и название! Да вы сейчас сами все увидите... С какого года начнем?

— С двадцать второго, третьего, четвертого... — сконфуженно пробормотал я, еще не предполагая, что снова совершил ошибку.

Через несколько минут на моем столе высилась пирамида толстенных книг.

— Это только за два года... — совершенно серьезно сказала Лена. — Остальные, интересующие вас, занимают еще несколько полок!

Листаю серые, желтые, синие, хрупкие от времени листки. Некоторые документы рукописные. Нет, нет да и мелькнет отмененная «ять», твердый знак в конце слова. Листаю неясные «ремипгтоповские» машинописные копии. Читаю на обороте какого-то рапорта золотое тиснение: «Его Высокопревосходительству...», «Милостивому государю»... Под каким-то актом просвечивает водяной знак гербовой бумаги. Удивительно!

А на самом деле удивляться нечему — в то время приходилось использовать каждый клочок бумаги! Положение с «материалом для письма» было настолько тяжелым, что в мае девятнадцатого года Совет Народных Комиссаров принял специальный декрет за номером сорок три «О порядке распределения бумаги и картона».

«Вся и всякого рода бумага и картон на всех складах и фабриках, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, должны находиться в исключительном ведении Главбума, и только ему предоставляется право распределять эту бумагу и картон по нормам... Все лица и учреждения, имеющие запасы бумаги и картона, полученные не по праву распределения, а каким бы то ни было иным путем, то есть путем ли закупки, приема на учет, реквизиции, конфискации и т. п., без разрешения Главбума, обязаны немедленно сообщить о них Главбуму. Все партии бумаги и картона, сведения о которых не поступят в Главбум в трехнедельный срок со дня опубликования сего декрета, подлежат обязательной конфискации, за кем бы они в этот момент ни числились... Конфискация незарегистрированных партий бумаги осуществляется в Москве Главбумом, в Петрограде — отделением Главбума...»

Подписали этот документ Председатель СНК — В. Улья-

нов-Ленин. Управляющий делами СНК — В. Бонч-Бруевич и секретарь СНК — Л. Фотиева.

Вот так, наверное, и получилось, что грозный Главбум, за неподчинение которому грозил суд революционного трибунала, изъяс с какого-то склада или из подвала партию бумаги с гербами, «милостивыми государями» и «превосходительствами»... Порезали бланки высочайших прошений на осьмушки и передали в угрозыск. На этих листках писали протоколы допросов, издавали приказы, отстукивая их на самом современном в ту пору «ремингтоне».

Какие только не встречаются приказы и распоряжения...

«Милиционеру Василеостровского района Кузьмину за задержание громилы в ночь на 26 апреля объявляю товарищескую благодарность и назначаю денежную награду 1 000 000 рублей...»

«Купленные от гражданина Каравани 500 штук метел на сумму 10 миллионов рублей записать на приход по материально-хозяйственной части...»

«12 ноября в 11 часов утра произвести парад на площади Урицкого и привод чинов милиции к клятвенному обещанию — присяге. В 3 часа дня обед в помещении Петроградской губмилиции. В 6 часов вечера в Александрийском театре торжественное заседание с чествованием героев труда и спектакль. После окончания — шествие с факелами на площади Урицкого, где состоится митинг, сожжение чучела фаера-на-полицейского и фейерверк...»

«Милиционера конного отряда резерва Иванова Николая за подачу не по команде рапорта об откомандировании на Комкурсы арестовать на трое суток...»

«Увольняется в отпуск на 4 дня по семейным обстоятельствам агент 4-й бригады Петров Илья с 28-го сего месяца...»

«Агентов 6-й бригады отдела угрозыска Крючкова, Симоннова, Романова, Нилова за неправильные по службе действия подвергаю аресту на пять суток каждого с исполнением служебных обязанностей с 28-го сего месяца...»

«Приказываю органам вверенной мне милиции принять меры к розыску и задержанию казенного мотоцикла, украденного из ремонта, с соответствующими педалями № 43816, фабрики «Национал», 4 цилиндра, 2 скорости, цвет рамы — зеленый, баки никелированные, на углах бака для масла припаяны медные наугольники, шины новые — «пашками», кардан в углу у вилки обломан, на ободке заднего колеса припаяна маленькая заплатка...»

Ну и каша... Читаю и никак не могу взять в толк — смогу ли я найти фамилии сотрудников бригады в подобной мешанине. Перевожу дух и снова погружаюсь в изучение приказов.

«Агентам Петергофского уезда отделения уголовного розыска Андрееву, Маркову, Баранову за выдающуюся работу по розыску объявляю искреннюю товарищескую благодар-

ность и приказываю пачснабу выписать и выдать награды по 500 000 рублей каждому из сумм, ассигнуемых на сей предмет...»

«17-го сего месяца на Моховой улице, дом 18, ушла и не возвратилась лошадь с упряжью и саниями. Приметы лошади: конь гнедой масти, кличка Амур, десяти лет, рост два аршина три вершка, лысый, левые ноги до щетки белые...»

Документ следовал за документом, а поиск результата не давал. Поисковый «бредень» был пуст!

Наступил второй день. Лишь к обеду я добрался до середины двадцать второго года и обнаружил крохотный параграф приказа:

«Агента 1-й бригады Кудрявцева Сергея, возвратившегося из командировки в Лужский уезд, полагать налицо с 25-го сего месяца...»

Так появилась еще одна фамилия... Только одна! Иду за советом к ребятам из уголовного розыска — как бы они организовали поиск? Ответ обескураживающе прост!

«Черт поберет, почему же я сам не догадался! Ну, конечно же, надо просматривать не приказы, а сами уголовные дела... Когда допрашивают преступников, в верхней части протокола обязательно фиксируется фамилия розыскника, который ведет беседу. Значит, мне нужны уголовные дела, в которых убийства, грабежи, разбои — именно этими делами занималась первая бригада...»

Исчезают толстые тома приказов, и на столе появляются не менее объемистые связки уголовных дел. Перед глазами замелькали фотографии в фас и профиль — налетчики, громилы, убийцы... К моему удивлению, почти нет злобных взглядов исподлобья, тяжелых дегенеративных челюстей, угрюмых лиц. Люди как люди. Молодые, симпатичные. У некоторых на плечах красноармейская шинель...

Безработица и голод, шик нэпманской роскоши многих сбили на «легкий воровской хлеб», но расплата для всех была одинаково сурова — чаще всего расстрел, ссылка гораздо реже...

Уголовное дело № 358 1923 года по обвинению Л. И. Пантелеева и еще двадцати семи человек его шайки. В блокноте появляются фамилии работников уголовного розыска, ведших дело — Кондратьев, Давыдов, Суббоч, Тарасов, Акимов, Томашевский.

Вот это да! Везение...

Другое дело — новые фамилии: Иванов Николай, Виктор Богданов, Федор Иванов, Финк...

Следующий том — Фокин, Левшин, Антипов, Круковский, Скачков, Лившиц...

— Ну и ну! Не многовато ли?

А список продолжается — Хотимский, Тарасюк, Карзин, Захаров, Параничев, Григорьев, Мартынов, Андреев, Петров...

Всего на снимке было 15 человек, фамилии девяти из них мне неизвестны, а теперь как быть... Кандидатов на эти места множество.

Иду в управление кадров. Оказывается, личных дел нет — они не сохранились. Столько времени уткло... Еще говорят, что несколько машин с документами во время блокады ушли под ладожский лед. Значит, фотографий этих людей мне тоже не найти...

Вновь сижу за столом в комнатухе архива, листаю все новые уголовные дела, продолжаю выписывать фамилии сотрудников. Одно дело откладываю в сторону, передо мной очередное...

Ну и физиономия! Какой-то Матросов! Интересно, что натворил этот бандит? Проник в квартиру... Так, так... Связал потерпевших, вещи забрал, увязал в узел, выбрался на улицу, пошел... Потерпевшие освободились, подбежали к окну, крикнули: «Караул». Так... На углу стоял наряд из сотрудников ГПУ и уголовного розыска...

Сотрудник уголовного розыска побежал за ним на Дуршадтскую улицу. Догнал бандита, схватил за плечо, тот бросил узлы, обернулся... Агент уголовного розыска выхватил пистолет, для острастки выстрелил вверх... Матросов, не меняя положения, не сходя с места, трижды стреляет в розыска... «Как его фамилия... — Я приготовил карандаш для записи очередной фамилии. — Что?! Это же ГОВОРУШКИН! Когда произошло задержание? Тринадцатого января... Наконец-то нашел то, что искал!»

В управлении кадров роюсь в картотеке. На серой картонке размером с открытку всего несколько строк — принят на работу 12 декабря 1922 года, умер 26 января 1923 года.

Если он ранен тринадцатого, то к этому дню весь стаж Говорушкина исчислялся тридцатью днями! По сути дела, Иван Говорушкин, пришедший в милицию по направлению райкома ВКП(б), был всего-навсего стажером.

Ему бы не спешить, подождать подхода более опытных сотрудников. А он один — товарищи замешкались и опоздали — не побоялся вступить в схватку с бандитом, на счету которого не один десяток преступлений. Большую часть из них раскрывала еще царская сыскная полиция.

Фраза: «ЖЕРТВА ДОЛГА» — стала ясной, но приобрела зловещий смысл — долг преодолел страх, преодолел неопытность... Молодой милиционер мог остеречься...

Нет, он этого не мог! Ценой этого задержания, слишком высокой ценой, стала жизнь!

Вот и настал момент проститься с Иваном Говорушкиным. Я не в силах узнать про него что-либо еще... История умеет хранить свои тайны, но главное я узнал — он герой!

За окном — дождь. В комнате — сумрак. С фотографии, как мне кажется, с укором смотрят на меня парни из пер-

вой бригады. «А про нас не узнал? А мы были, радовались жизни, любили...»

Еще не зная, что из этого получится, взял лист бумаги и столбиком выписал все, ставшие известными мне фамилии. Переворочил кадровую картотеку, надоел всем своими вопросами, оббил локти и колени о неудобные ящики, но против каждой фамилии проставил даты начала и окончания службы.

У многих последней датой значились тридцатые годы...

Трагически закончилась жизнь начальника уголовного розыска Леонида Станиславовича Петржака. Сын польского рабочего, он вступил в РСДРП еще в боевом 1905 году. На его жизненном пути много было арестов и ссылок. Революция застала молодого рабочего парня в Питере — он трудится и одновременно ведет активную революционную работу на заводе «Новый Парвиаийнен». Уже в октябре семнадцатого года Леонид Станиславович Петржак — член коллегии по металлу при Совете народного хозяйства. Должности в то время не всегда менялись, бывали случаи, когда они совмещались, дополняли друг друга. Металлургам не хватало угля для мартенов, и Петржак становился членом коллегии по горному делу Украины. Затем — новое назначение: член политкомиссии по чистке советских учреждений на Украине.

Гражданская война, захлестнувшая Россию, заставила начинать все сначала, на практике познавать классовую борьбу, все силы отдавать служению трудовому народу...

В мае двадцать второго Петржак возглавляет уголовный розыск Петроградской губернии...

В 1928 году, когда чистка в партии, борьба с правыми и ультралевыми уклонами приобрела грандиозный размах, он был отстранен от службы, ему грозит арест...

Решение пришло в мучительных раздумьях. Его обезображенное сплющенное тело, изрезанное колесами паровоза, нашли обходчики железнодорожных путей. Где похоронен Петржак, не знает никто...

Борис Хотимский! Рабочий-электрик. Комиссар Московской чрезвычайной комиссии. Член президиума Петроградской ЧК. Сотрудник уголовного розыска...

Товарищеские благодарности, награды, ценные подарки. Последняя запись: награждается серебряным портсигаром за самоотверженные действия в поимке бандита. Это март двадцать седьмого. В мае, как приговор, «уволить по несоответствию занимаемой должности»...

Дионисий Томашевский! Отличный работник! Отстранен от работы в двадцать седьмом...

А как прошел через эти годы «паш друг Иван Лапшин», то есть Иван Васильевич Бодунов? Против него возбуждалось дело! Случайно я обнаружил несколько листов допроса свидетелей, проходивших по делу. Но прежде я хочу рассказать о «пятьдесят восьмой статье».

О печально известном разделе — «Особенной части» Уголовного кодекса РСФСР, принятого 3-й сессией III созыва ЦИК СССР 25 февраля 1927 года, незадолго до XV съезда партии.

У меня в руках небольшого формата книжечка. В пору, когда уничтожались старые кодексы, ее выхватил из костра один предусмотрительный человек и долгие годы хранил во втором ряду книжного шкафа. Узнав, что я пишу про уголовный розыск Ленинграда, он подарил ее мне, сказав при этом:

— Тебе она нужнее! Хочешь ты или нет, этого периода никак не минуешь. Пользуйся первоисточником!

Итак, **ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ**. Глава первая. Преступления государственные. Подраздел — Контрреволюционные преступления...

«58-1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР. (Принята 6 июня 1927 года.)

58-1а. Измена Родине... карается высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества. (Принята 20.VII.1934 г.)

58-1б. Те же преступления, совершенные военными... — расстрел с конфискацией имущества. (20.VII.1934 г.)

58-1в. В случае побега или перелета за границу военнослужащего... — конфискация имущества, ссылка в отдаленные районы Сибири членов семьи. (20.VII.1934 г.)

58-1г. Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся измене... — лишение свободы на 10 лет. (20.VII.1934 г.)

58-2. Вооруженное восстание... — высшая мера социальной защиты. (6.VI.1927.)

58-3. Сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством... — высшая мера социальной защиты. (6.VI.1927.)

58-4... 58-5... 58-6...» и так до 58-14!

И почти повсюду — расстрел, расстрел, расстрел... Ссылка, ссылка, ссылка... Конфискация, конфискация, конфискация...

С уголовным кодексом перекликается уголовно-процессуальный кодекс.

«Отдел седьмой. Глава тридцать третья. О расследовании

и рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти...

466. Следствие по делам о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти должно быть закончено в срок не более десяти дней.

467. Обвинительное заключение вручается обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде (!!!).

468. Дела слушаются без участия сторон (!).

469. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускается (!).

470. Приговор к высшей мере наказания приводится в исполнение немедленно по вынесении приговора...»

Итак, мы узнали, как скоро стряпались такие дела. Теперь вчитаемся в протоколы допросов свидетелей...

«Вопрос: Арестованный Дуров, вы бывший начальник отделения уголовного розыска ГУРКМ * города Москвы. Скажите, кто вами был вовлечен в контрреволюционную организацию?»

Ответ: Мною был намечен к вербовке в нашу контрреволюционную организацию Бодунов Иван Васильевич — начальник отделения УР при ГУРКМ, но когда я информировал о нем заинтересованных лиц, то мне было сказано, что Бодунов завербован в организацию Дьяковым...

Вопрос: Почему вы наметили завербовать Бодунова?

Ответ: Бодунова я знаю по совместной работе с 1935 года как человека политически неустойчивого. Это дало мне возможность вызвать его на более откровенные антисоветские разговоры.

Вопрос: Расскажите подробно, когда и где вы вели антисоветские разговоры с Бодуновым? Каков характер этих разговоров?

Ответ: В первый раз с Бодуновым я вел разговор в июне — августе 1937 года у меня в кабинете, чтобы прощупать настроение Бодунова. У меня был расчет завербовать его. Я сказал Ивану Васильевичу, что война фашистских агрессоров против Советского Союза в связи с напряженным и неблагоприятным положением в стране, очевидно, будет, а нам будет трудно. Мы не сможем жить при другом строе. На что Бодунов ответил: «Да, дело действительно дрянь, будет трудно». Я из этого сделал заключение о Бодунове, что он человек политически неустойчивый. Второй раз я говорил с Бодуновым, когда он приехал в Москву из Чечено-Ингушетии с докладом о работе.

Я повторил прежний разговор, причем указал, что положение в стране все более ухудшается. Бодунов заявил, что если обстановка такая же, как в Чечено-Ингушетии, по всей стране, то поражение возможно. После этой беседы я был убеж-

---

* ГУРКМ — Главное управление Рабоче-крестьянской милиции. — Н. А.

ден, что Бодунова можно завербовать в нашу контрреволюционную организацию, но оказалось, что его уже завербовал Дьяков...»

Вот такой разговор состоялся 24 февраля 1939 года между арестованным руководителем уголовного розыска страны и следователем следственной части НКВД СССР младшим лейтенантом госбезопасности. Трудный разговор, и теперь уже не узнать, чем он закончился для Дурова. С позиций сегодняшнего дня видно — бывший начальник отделения явно паговаривает. Ну что здесь особенного? Два сослуживца с тревогой рассуждают о возможной войне, о ее тяготах, о плохой подготовленности, о неблагоприятном положении дел в стране и за ее пределами. Мы-то знаем, что все их тревоги не лишены оснований. Кровавый сорок первый год был безумно труден, привел к большим потерям, отступлениям, жертвам... Тем не менее Дуров не обвинил товарища, он сказал, что завербовать Бодунова не удалось, так как он завербован другим. Не взял Дуров греха на душу! Оставил Бодунова «незавербованным». А как повел себя Дьяков? Да так же! Погибая сам, спасал других...

«Вопрос: Арестованный Дьяков Т. М., вы бывший начальник уголовного розыска Главного управления РКМ НКВД СССР? Это так?

Ответ: Да, верно.

Вопрос: Расскажите, как вы завербовали Бодунова?

Ответ: Это утверждение неверно. Могу доказать, что Бодунов не вербовался... По приезде в Грозный Бодунов вместе с сотрудником уголовного розыска Погибой был направлен в Ингушетию для борьбы с бандитами, а мы с сотрудником уголовного розыска Мариупольским остались на месте. Мариупольский остался в Грозном, а я разъезжал по опергруппам, давая указание арестовать как можно больше бандитов и их пособников, но эта работа была малоэффективна...

В Ингушетии дела шли значительно лучше, так как там работали Погиба и Бодунов, не являющиеся членами контрреволюционной организации».

Думал ли 12 января 1939 года бывший начальник отдела Т. М. Дьяков, что, доказывая невиновность «нашего друга Ивана Лапшина» — Ивана Бодунова, он спасал его и тем самым губил себя? Теперь этого не узнаешь... Да и сам Иван Васильевич до самой своей смерти не знал, кому обязан жизнью.

На моем столе лежал листок с фамилиями сотрудников уголовного розыска, служба которых оборвалась в 1934—1938 годах.

Постепенно догадки приобретали силу подозрений, иногда возникала уверенность, что доказательства рядом... Доказательства того, что напрасно обвиняли в репрессиях тех сотрудников милиции, НКВД, которые стояли у истоков первого социалистического государства, — нет, не виноваты

они, они были «выбиты» первыми, гораздо раньше красных командиров армии, ведущих специалистов народного хозяйства, деятелей культуры, науки...

Многие чекисты не пошли на сделку с совестью, не стали соучастниками преступлений, предпочли неминуемую мучительную гибель. Из печати известно, что в самих органах НКВД «более двадцати тысяч человек пали жертвами вакханалии беззакония».

Из серых небоскребов, стоящих на набережной Москвы-реки, и маленьких домиков окраинных поселков исчезали люди. Стремительно формировались обвинения. Наступало искусственное, противоестественно скорое забвение.

На места высланных, расстрелянных садились Ягоды, Ежовы, Берии — именно они вершили неправый и спешный суд. Именно они прятали личные дела «изъятых» из жизни сотрудников. Где эти документы?

Сомнения, сомнения, сомнения...

И надо же, чтобы именно в тот момент, когда я не знал, что мне делать, произошла эта встреча...

Он стоял в коридоре и робко сжимал в руках потрепанный портфельчик. На плечах мешковато висит пиджачок. Старческие блеклые глазки уставились в меня, пронзали, буравили, пытались поймать взгляд собеседника.

— Вы собираетесь писать об этих людях?

— Вы хотите помочь? Рассказать о них? — я не скрывал радости — наконец есть живой свидетель тех событий.

— Помочь? — переспросил он. — Пожалуй... Хотя я их не знал. Я хорошо знаю то время... — взгляд стал жестче.

— Это очень интересно. Слушаю вас...

— Знаете, — оговорил он меня откровением, — я не рекомендовал бы вам ворошить прошлое. Может быть, мы тогда ошибались в частностях, но в главном были правы. С саботажниками и контрреволюционерами необходимо бороться. Что мы и делали... Учтите — время было такое!

— Вы хотите сказать, что обвинения против Бодунова реальны?

— Дыма без огня не бывает... — Он поправил шляпу с засаленной ленточкой, дернул шеей. — Чистка рядов необходима. Смотрите, кто тогда работал: Петржак, Томашевский, Хотимский, Финк, Суббоч... Вы меня понимаете?

— Не совсем...

— Я имею в виду национальность. Не смущает?

— А как быть с Дзержинским, Менжинским?..

— Это другое дело... — Он отвел взгляд. — Мое дело предупредить, что у вас с этим материалом могут быть неприятности...

Прощаться, обмениваться рукопожатиями мы не стали. Я просто ушел от него, пошел работать в архив. Думал, через какое-то время я забуду об этой встрече. Не забыл!

Выходит, не канули еще в небытие те, кто вершил суд.

Кто изымал и прятал личные дела... Только теперь они уже борются не с людьми, а с самой памятью о них!

Шли дни. В который раз я возвращался к листку с фамилиями и датами службы, а решить задачу — «Кто есть кто?» — не мог...

Попытки свести все в таблицу привели к путанице.

Решение, как всегда, явилось неожиданно, и оно позволило абсолютно точно датировать фотографию!

Я обратил внимание, что в третьем ряду, почти рядом, стояли двое, судьбы которых мне были более или менее ясны. Главное же заключалось в том, что Щепанюк пришел на работу в первую бригаду в сентябре двадцать четвертого, а Коробко, узанный Марией Константиновной Кондратьевой, в апреле двадцать пятого из группы ушел на другую службу. Значит, фотографию датировали неверно — она не могла быть сделана в двадцать шестом году! Эти два человека не могли оказаться вместе после апреля двадцать пятого! Их совместная служба — шесть месяцев...

Звоню в Петрозаводск и прошу Марию Константиновну вспомнить, по каким поводам обычно фотографировались сослуживцы Сергея Ивановича. Ведь фотография еще не была так распространена, как сегодня.

Мария Константиновна размышляет не больше секунды, а потом уверенно говорит: «С сентября до апреля есть только одна подходящая дата — День Рабоче-крестьянской милиции!»

10 ноября 1924 года! Седьмая годовщина РКМ!

Нужно строить график. Помощь окажет математика...

На листке миллиметровки колонкой выписываю все известные мне фамилии. Их много... По горизонтали откладываю время: годы, месяцы, числа. Вдоль клетчатого поля карандашом вычерчиваются разной длины линии — короткая, значит, прослужил человек мало, длинная — срок исчисляется годами...

Красным карандашом черчу вертикаль — пересекаю все линии службы по дате 10.XI.1924 года. Получается точно ПЯТНАДЦАТЬ ПЕРЕСЕЧЕНИЙ! Ровно столько у меня людей на снимке первой бригады. Наконец я могу их назвать: Кондратьев, Бодунов, Кудрявцев, Андреев, Коробко, Параничев, Щепанюк, Карзин, Мартынов, Тарасов, Юрский, Давыдов, Хотимский, Арсеньев и Федор Иванов...

10. «Как же, как же... Отлично помню!»

Личных дел нет, фотографий нет, а задача еще до конца не решена. Как определить — где на снимке Хотимский, а где Мартынов? Неясно. Хорошо бы найти очевидца съемки, ветерана милиции.

В который раз заполняю в адресном столе бланки запросов. В успех этого предприятия не слишком верю. Так оно

и оказалось — надежда застать хоть кого-нибудь в живых не оправдалась.

— Нет. Такой не значится... В Ленинграде не прописан. С такими инициалами нет.

С первой бригадой не повезло. Со второй тоже. Листаю блокнот, думаю, может, кого пропустил. Натолкнулся на фамилию Шалаев.

«Шалаев... Шалаев... — повторяю я мысленно. — Кто такой? Почему забыл? Господи, да это же тот самый ветеран милиции, который передал в фонд музея фотографию уголовного розыска. Может, жив?»

Скоре в моих руках ответ из адресного стола — Александр Александрович живет в Ленинграде на Кондратьевском проспекте! Ну и что из того, что он работал не в первой, а в третьей бригаде. Время ведь совпадает... Он должен помнить события двадцатых годов.

Мы встретились... Золотом и серебром тяжело отливают ордена на его груди: орден Ленина, два Красного Знамени, Отечественной войны. Он пришел, робко сел на краешек стула и как-то по-стариковски кротко посмотрел на меня.

Достал из потрепанного портфельчика блокнот, фотографии, и мы медленно начали путешествовать вспять по времени...

Память его не подводит. Вот он каков, оказывается, знаменитый «опер из уголовки», как его называли в тридцатых. Вот он каков, гроза домовников и воров!

— Как же, как же... — тихо произнес единственный оставшийся в живых из девяноста трех человек со снимка, взятого в самом начале поиска из папки с фамилией «Шалаев». — Отлично помню! Деление на бригады в те годы было весьма условным. Когда надо было идти в бой с преступником, на задержания, в засаду, работали все. Ребята из первой, бывало, помогали нам, мы им... Начальником тогда у нас был Леня Петржак — хороший человек. Рано утром приезжал на работу. У него такое ландо было, запряженное быстроногой каурой лошадкой. На места происшествий ездил нечасто — полностью доверял инспекторам и агентам. Авторитетом обладал — все его слушались, советовались... Много чего помню, например, когда Леньку Пантелеева ловили, горожане шутили, распевали песенку: «Ленька Пантелеев — сыщиков гроза! На руках браслеты, синие глаза...» Он все смеялся — надо же какие странные стихи: глаза и вдруг на руке... Чушь какая-то! А когда Леньку поймали, у него глаза и не синими оказались... Вовсе не синими!

Вот этот, с орденом, — Ваня Бодунов. Он, знаете ли, малоразговорчивый был... Прямо как в кино показали. Помните, Окошкин у него все время спрашивает во время обыска: «Иван Михайлович, что жуешь? Чего жуешь, Иван Михайлович?» А он молча так ходит, вроде себе на уме, а потом, в самый нужный момент, коротко скамандует: «По ко-

ням!» — и начинается настоящая работа... И еще, у него на столе никогда ни одной лишней бумажки не было — встал, сейф запер, а стол чистый-пречистый. И вопросов лишних не любил. Ни к чему праздная болтовня.

Вот этот, второй справа в верхнем ряду, — Сережа Кудрявцев. Рядом с ним Андреев и Коробко. Скромные ребята, но в работе безотказные. С пог, бывало, падают, худые, глаза потемнеют от недосыпания, щеки ввалились, а ничего — дело делают... Что говорить — на нашу долю выпало первыми быть в борьбе с бандитизмом...

Про этого много не скажу, помню не очень хорошо. Фамилия его Мартынов. Звали Сашей, Александром, значит... Кажется, в двадцать седьмом ушел от нас... О работе? Не скажу. Незапоминающаяся, наверное, была.

А вот об этих расскажу подробнее. Слева от Сергея Ивановича сидит Тарасов Миша, по соседству с ними Петя Юрский. Михаил Николаевич партиец с дореволюционным стажем. За участие в забастовке был сослан на каторгу, после революции освободили, направили к нам. Боевой парень! А Юрский умер рано. Вроде в тридцать седьмом схоронили... Он у них, в первой бригаде, вроде мозгового центра был. С ним все советовались...

Федя Давыдов. Вот он сидит — крайний справа. Он пальцы рук сцепил. В двадцать шестом призвали в РККА. В армию по-нынешнему... Они вместе с Борисом Хотимским работали и сели рядышком. А почему Хотимский с бритой головой, не знаю. Он всегда такую прическу носил — «под ноль»... Мода? Не скажу. А эти четверо — они к моменту фотосъемки еще недолго у нас работали. Четвертый в третьем ряду — Параничев. Это ежели слева считать... На ковре сидят Илюша Арсеньев и Федя Иванов. Это Карзин... Это Щепанюк...

А что о нем рассказать? В молодости был мобилизован в «армию» батьки Махно. Бежал. Приехал в Питер. Работал в милиции. Прямо из уголовного розыска ушел на фронт. Боевал. Стал капитаном первого ранга. Года четыре, наверное, прошло, как его схоронили... Никого уже из нас — оперов двадцатых годов, не осталось, — с грустью произнес он. — Беспощадное было время...

Мы вышли на улицу. Попрощались. Александр Александрович медленно повернул к дому. Надо было ехать и мне. Я стоял на остановке троллейбуса и долго смотрел ему вслед. Не мог отвести глаз от его тщедушной фигурки до тех пор, пока он полностью не исчез из вида. По улице шел не просто человек — под сенью цветущих лип уходило время.

Так закончился поиск, а вместе с ним и история о сотрудниках самой первой бригады уголовного розыска страны. Завершился рассказ о памяти. Рассказ о делах давно минувших дней...

Москва — Петрозаводск — Ленинград. 1986 год

Радиоинженер Николай Александров, ставший волею судеб экспертом-криминалистом в научно-техническом отделе Главного управления внутренних дел Москвы, пишет — и не только пишет, но и печатается, что значительно трудней, — с 1984 года. Он участник IV, V, VI и VII Всесоюзных семинаров молодых литераторов, работающих в жанре приключений и фантастики.

И вот на моем письменном столе рукопись его первой книги. Книги достаточно объемной, в которой ощущается индивидуальность писателя и его жизненный опыт.

Представлять начинающего всегда приятно, ибо чувствуешь себя в какой-то степени первооткрывателем. Но особенно это приятно, если молодой литератор пробует свои силы в любимом тобою жанре — детективе, которому ты отдал многие годы своей жизни. Ведь таких писателей не так уж много, а жанр нуждается в притоке свежей крови. Между тем, судя по социологическим исследованиям, читательский интерес к детективной литературе растет с каждым годом — и у нас, и за рубежом. По меткому замечанию одного литературного критика, детектив обречен на успех, его читают даже те, кто вообще ничего не читает. Это, естественно, предъявляет к детективу особые требования. Но литературоведы по-прежнему своим вниманием этот жанр не балуют. И в Советском литературном энциклопедическом словаре 1987 года меланхолично отмечается, что «общепризнанной теории детективного жанра» до сих пор нет. Жаль, конечно. Но следует отметить, что это печальное обстоятельство совершенно не мешает читателям безошибочно отличать детективную книгу от тысяч других и, в несколько раз переплачивая, покупать ее у спекулянтов (увы, за последние двадцать лет мне ни разу не привелось увидеть детектив на прилавке книжного магазина).

Не очень сказывается эта недоработка и на творчестве советских писателей. Во всяком случае, в том же словаре мы можем прочесть, что «при сходстве структурных признаков советский детектив в идейном плане резко отличается от западного. Не противопоставление личности обществу, а общность их интересов, гуманистический пафос борьбы за спасение и «выпрямление» человека, за утверждение норм комму-

нистической морали — вот что лежит в основе лучших образцов советской детективной литературы...».

Многое из сказанного здесь о советском детективе имеет непосредственное отношение и к первой книге Николая Александрова, книге доброй, человеческой, написанной с любовью к людям (в этом отношении особенно хотелось бы обратить внимание на повесть «Тайное и явное», посвященную ветеранам советского уголовного розыска. Эта повесть-исследование является безусловной удачей Александрова).

Книгу молодого писателя, которая представляется на суд читателей, видимо, можно отнести к такой весьма своеобразной разновидности советского детектива, как «криминальная бывальщина». Александров основывается на фактах и отталкивается от них. Поэтому его повести и оставляют ощущение подлинности. Он пишет о пережитом или о том, что мог бы пережить, если бы обстоятельства сложились несколько иначе. Читатель, как говорится, из первых рук получает представление о работе оперуполномоченного уголовного розыска, кинолога (проводника собаки), участкового уполномоченного, следователя и, уж конечно, эксперта-криминалиста — всех тех, кто находится на передовой линии борьбы с преступностью. Автор демонстративно отвергает все расхожие стереотипы привычного детектива. «От произведений, написанных на милицейском материале, — говорит он в повести «Об ответственности предупрежден...», — традиционно ждут приключенческой романтики. Криминалисты — это производство, поточная линия, конвейер. Каждая лаборатория — милицкий цех, в котором работают инженеры, юристы, химики и даже пищевики и медики. Эти люди почти никогда не видят преступников, им неизвестны погони и перестрелки... Криминалисты — производственники в достижении истины в полном смысле этого достаточно неуклюжего слова... А приключения? Хорошо, если бы их было меньше».

Но совсем избавиться от приключений не удастся ни эксперту-криминалисту Константину Снегиреву, действующему строго по закону, подписавшемуся в том, что «об ответственности предупрежден», ни оперуполномоченному уголовного розыска Андрею Утехину, грубовато и напористо лавирующему на грани нарушения закона. Приключения настоящие, герои — живые люди. Поэтому мы с вами прочтем в книге Николая Александрова о трупе неизвестного в Кузнецком парке, об оторванной пуговице, ставшей в умелых руках криминалиста важной уликой, о цветочной пылице, которая рассказала о местожительстве жертвы преступления, узнаем об ограблении художника Пиленова. Таково уж это своеобразное «производство по установлению истины». И тут ничего не поделаешь.

Не все произведения, включенные в книгу, равноценны.

Не всегда Николаю Александрову удаются образы его героев, которые подчас слишком похожи друг на друга.

И тем не менее книга состоялась. Нашего полку при-
было!

**Ю. КЛАРОВ, член СП СССР,
лауреат премий имени Н. И. Кузнецова
и Всесоюзных литературных конкурсов
Союза писателей и МВД СССР**

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕН...	
<i>Повесть в рассказах</i>	3
Обратный след	4
Экспертиза	22
С точки зрения эксперта...	38
Вита брэвис!	55
ГАМБИТ «ЧЕРНОГО КОРОЛЯ». <i>Повесть</i> . . .	69
ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ. <i>Художественно-документальная повесть</i>	119
Криминалистика — это производство... Ю. Кларов	167

Александров Н. Н.

- А 46** Мы из розыска... : Повести / Послел. Ю. Кларава. — М. : Мол. гвардия, 1989. — 168[8] с., ил. — (Стрела).

ISBN 5-235-00516-3

Автор книги — криминалист. В своей книге он рассказывает о той сфере деятельности, которую хорошо знает.

Главные герои повестей и рассказов — сотрудники милиции. Автор разворачивает перед читателем не только череду внешне занимательных сюжетов. Он разрабатывает в книге и тему профессиональной психологии работников правоохранительных органов, размышляет о морально-нравственном облике сотрудника милиции.

А 4702010201—102 174—89
078(02)—89

ББК 84Р7

ИБ № 5903

Александров Николай Николаевич

МЫ ИЗ РОЗЫСКА...

Заведующий редакцией С. Рыбас

Редактор М. Лобанова

Художник Г. Валетов

Художественный редактор Т. Погудина

Технический редактор Н. Теплякова

Корректоры Е. Дмитриева, Е. Самолетова

Сдано в набор 08.08.88. Подписано в печать 13.01.89. А04622. Формат 84×108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Услови. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,66. Учетно-изд. л. 11. Тираж 100 000 экз. Цена 1 руб. Заказ 9—118.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» Адрес ИПО. 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

ISBN 5-235-00516-3

1 руб.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ